ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 11 МАРТ 1987

ДОРОГАМИ ДОН КИХОТА

В ЗАЩИТУ ЗАЩИТНИКА

ПЕВИЦА АЛЛА ПУГАЧЕВА

ЧУКОТКА ПЕРВОЙ ВСТРЕЧАЕТ РАССВЕТ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (3112)

14—21 МАРТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Со времен первопроходца Семена Дежнёва Чукотка влечет к себе сильных духом, смелых, мужественных людей...

Фото Александра ЛЫСКИНА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны редакции: Секретариат —212-23-27; Отделы: Публицистики —212-21-88; Коммунистического воспитания —250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы —212-22-69; Фото —212-20-19; Оформления —212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.02.87. Подписано к печати 10.03.87. А 00338. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 658. Заказ № 144.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МЫ

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Зоя КРЯКВИНА,
Дмитрий ДЕБАБОВ (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

Кто уходил из родного села, не оглянувшись! Какие бы блага цивилизации ни сулил город, не оставляет человека притяжение земли. Она властно зовет его. И однажды приходит решение вернуться...

СТАЛИ ДЕРЕВЕНСКИМИ

Сидели за столом. На земле вятской так испокон веку повелось: пригласили за стол, значит, хозяин почитает тебя как друга. И будет он с тобой откровенен, о чем ни спроси, расскажет все как есть. Впрочем, Кокоулиным скрывать нечего. Семья на виду. Владимир Васильевич — председатель исполкома сельского Совета, Августина Александровна председательствует в Бахтинском совхозрабкоопе, Наташа продавец, а Леночка учится. Живут в Русском восьмой год, сами всех успели узнать, и сельчане их признали.

Августина Александровна помнит время, когда муж уговаривал ее сюда переехать:

— Детство мое прошло в селе Верещагино под Кировом. Родители на машиностроительном работали. Было у нас хозяйство, корова, поросенок, огород. К земле и живности приучена. Но поступила в техникум, замуж вышла, в город перебрались!

В деревню они вернулись, потому что тянуло к земле Владимира Васильевича. Как же так получилось?

— Он все сад мечтал развести. Как у отца. Тот хоть и в городе жил, а сад имел на весь Киров приметный. И еще одна причина, пожалуй, самая веская. У нас две дочки подрастали, а комнатка — девять метров. Сами понимаете. Друзья наши—Карповы—переехали в Русское и нас подбивали. Я все сомневалась, в городе квартиру ждали. Однажды весной приехали Карповы, Валентина с Николаем, и увезли нас к себе. Понравился мне их дом — уютно. Вода в Русском мягкая, вкусная. Хоть без сахара чай пей! Отгостевали мы, а утром пошли к директору...

Алексей Иванович Литвинов встретил новую семью отнюдь не с распростертыми объятиями. В совхозе имени 60-летия СССР особо в людях не нуждались. К тому же Владимир Васильевич — инженер по образованию и работал начальником отдела машиностроительного завода. Директор совхоза предложил ему должность слесаря на животноводческом комплексе. И тот согласился.

Когда на Молодежной построили

Окончание на стр. 8.

ПРОШУ СЛОВА!

ЗАСЛОН СТРАТЕГИИ ОПРАВДАНИЙ

Лев БУЛЫГИН,
старший мастер цеха № 1 Мытищинского машиностроительного завода.

В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ СТРАНЫ ОБСУЖДАЕТСЯ ПРОЕКТ ЗАКОНА СССР О ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ (ОБЪЕДИНЕНИИ).

Не берусь точно процитировать фразу, высказанную однажды академиком С. П. Королевым, но смысл ее такой: кто хочет сделать — ищет возможности, кто не хочет — ищет причины. Последнее время я часто вспоминаю эти слова. Потому что на нашем предприятии, перешедшем с начала года на хозяйственный расчет и самоокупаемость, к сожалению, все остается пока на «старых рельсах». Администрирование, формализм, инерция мышления, по сути, лишь пристраиваются к перестройке. Да и не может быть подлинной перестройки, если на заводе нет штаба, который бы заботился о перспективах развития производства. Я имею в виду службу главного инженера и экономическую службу. Должности людьми заняты, а отдачи пока, увы, нет. Все движется по старинке, и вопреки самоокупаемости все мы трудимся под старым девизом: «План — любой ценой!»

Мне легко пояснить это на примере участка, на который меня недавно перевели. В его жизни как в капле воды отражается работа всего нашего завода. Несколько месяцев коллектив лихорадят авралы. Сказывается отсутствие технического и экономического предвидения. Речь — о старой системе организации труда, при которой высококвалифицированный станочник вынужден терять драгоценное время на подготовку к работе. Тут и поиски необходимого инструмента, отсутствующего в кладовой цеха, и транспортировка заготовок, и решение технологических неувязок...

Отсюда и парадокс, который возникает в любом производственном подразделении: в погоне за «валом» (а значит, и за зарплатой) на втором плане нередко оказывается качество. Сегодня по совести не сработал, а завтра это стало нормой. Дальше так трудиться нельзя.

Нет сомнения в том, что рабочая совесть — лучший контролер. И никто не хочет выпускать некачественную продукцию. Но, чтобы наступил крутой перелом, необходимо изменить организацию труда. Скажем, несколько лет тому назад на участке резинотехнических изделий нам удалось превратить полукустарное производство в высокопроизводительное. При этом вдвое сократилось число работающих, стабилизировался ритм труда, значительно выросло качество продукции.

Что, кроме самоуправления, идея которого, на мой взгляд, правильно заложена в проекте Закона СССР, требуется нам для улучшения дел на производстве?

Думаю, достаточно было бы того, чтобы администрация предприятия выполнила условия коллективного договора по обеспечению участка всем необходимым, чего требует технологический процесс.

Разумеется, все мы за подряд с четкими взаимными обязательствами сторон. Коллективу виднее, как и кого использовать, как распорядиться средствами, которые он заработал. Верю, что принятие нового закона станет значительной вехой в процессе перестройки.

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ ГОРОДА

КОФЕ В «ПОДЛИННИКЕ»

Весть об открытии кофейни на Советской улице в Бресте разошлась быстро. Небольшой зал в подъезде жилого дома. Уютно. Мерцающий свет цветомузыки. Негромкая, приятная мелодия.

В глубине — нехитрое хозяйство и жаровня. За стойкой — Владимир Топаровский. Бутерброды, пирожные. На обычной кухонной плите разместили противень с мелкой галькой. Сюда и ставится для варки кофе. Минута, другая—и вы пьете ароматный обжигающий напиток, запах которого заполнил все помещение и зазывающе вырывается на улицу из чуть приоткрытой двери. Хозяину кафе одному все нужно сделать: и кофе сварить, и подать пирожные, и помыть посуду. Правда, бегать не приходится — все под руками.

В кофейне у Топаровского ежедневно бывает более трехсот посетителей, так что выручку кофе в «подлиннике» дает не меньшую, чем гриль-бар, где занято четыре человека.

Михаил САВИН
Фото автора

Брест.

ПАМЯТЬ

Память об ушедших — вечная эстафета человечности. Никто не должен исчезнуть бесследно, на это и рассчитана жизнь, иначе она была бы бессмысленна. Даже о геростратах надо помнить в назидание поколениям. А уж о людях добрых — в особенности.

Хочу рассказать историю, которая выходит далеко за рамки случая, с которого началась.

Мне посчастливилось написать книгу о русских летчиках первого поколения, точнее, о тех из них, которые, героически прожив свои годы, волею судеб оказались как бы вычеркнутыми из памяти народной, хотя ее, безусловно, заслужили [1]. История связана с появлением книги, только поэтому позволяю себе напомнить о ней. Читательская почта начала приносить не только отзывы, но и фотографии, документы старых русских авиаторов, советы, где можно отыскать материалы о других незаслуженно забытых.

Как-то мне позвонил один из читателей — москвич Г. П. Лазарев — и рассказал, что во дворе большого столичного дома увидел разбросанные возле мусорных ящиков фотографии старинных самолетов. Тут же лежал и большой альбом, выброшенный за ненадобностью.

Альбом и фотографии Лазарев забрал домой, справедливо полагая, что все это когда-то принадлежало одному из старых русских летчиков и может представлять интерес для историков авиации.

Мы встретились. Георгий Павлович передал мне свою находку, которая долгие месяцы хранилась у него и, как он сказал, «жгла душу» своей непристроенностью, ненужностью, как бы бесславным завершением судьбы владельца альбома. Открывалось это собрание фотографий портретом молодого подпоручика в форме артиллериста. На ней надпись от руки: «Август 1914 г.». Потом идут фотографии владельца альбома уже в летной форме. Даты на снимках переносят нас в 1917 год. Самолеты, авиационные классы, мастерские, семейные фотографии...

Кто же он, владелец альбома? Часто повторяются фотографии пожилого морского офицера, похоже, что это отец летчика. Судя по золотому тиснению на паспарту, все снимки сделаны в Кронштадте.

На обороте нескольких открыток, начинавшихся словами «Милая мама!», сохранились часть адреса, имя «Мария Петровна».

Изучение альбома походило на начало некой детективной истории. Я сличал, анализировал снимки, обрывки надписей... И ни на минуту меня не оставляла горькая мысль: неужели все, включая детей, ушли из жизни? Неужели больше никому на свете не нужен, не дорог этот альбом?..

Среди фотографий обнаружился вдруг вычерченный на миллиметровке график. «Полет на экзамен «на высоту» 26 апреля 1916 года. Продолжительность — 58 мин. Высота 2800 м. Планирование 13 м. Гатчина. Подпоручик Ильзин».

Значит, все это происходило в знаменитой Гатчинской школе, где артиллерийский подпоручик стал летчиком! Наконец-то! И следом еще одна находка — незамеченная ранее визитная карточка: «Николай Петрович Ильзин. Военный летчик».

Что-то знакомое слышалось мне в этом имени. Почему-то оно ассоциировалось с именем моего школьного командира эскадрильи. 1935 год, Энгельс. За создание учебника теории и техники полета на У-2 капитана Пестова награждают орденом Ленина! Мы все учимся летать по его книге. Но раньше... Точно, Пестов говорил нам о первом советском учебнике замечательного летчика Ильзина! Неужели у меня в руках его альбом, фотохроника его жизни?! Нет, не случайны в альбоме краснозвездные самолеты.

После этих находок мне уже вовсе не до сна. Снимаю с авиационной полки воспоминания старых летчиков, журналы, папки с архивными выписками. В одном из номеров «Вестника Воздушного Флота» в рубрике «Подвиги красных летчиков» сообщается: «Награждены орденом Красного Знамени... красные военные летчики Ильзин, Никитин, Юнгмейстер и краслетнаб Бронников».

[1] «Воздушный казак Вердена». Молодая гвардия. 1981 г.

Николай Петровичъ Ильзинъ

Военный летчикъ.

Летчик тридцатых — сороковых годов, я с безграничным уважением думаю о первых рыцарях воздушного океана, о Николае Ильзине, к судьбе которого прикоснулся. Мысленно представляю себе старые, истрепанные, в заплатах самолеты, с чихающими касторовым маслом моторами, заправленными бог весть каким горючим. Даже летать в те годы было не так просто, а уж воевать...

Долго, по крупицам я продолжал восстанавливать биографию Ильзина. Мой старый и добрый корреспондент, историк авиации, ленинградец Владимир Васильевич Король подтвердил, что Николай Петрович Ильзин родился в Кронштадте, в семье офицера крепостной артиллерии. Там же окончил гимназию и по стопам отца поступил в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил в августе 1914 года. Дальше — фронт, младший офицер в артиллерийской бригаде, через год — артиллерийский наблюдатель 23-го корпусного авиаотряда — корректировка стрельб с воздуха. Вот где молодому офицеру захотелось научиться летать самому. Он в точности повторил путь великого русского летчика Петра Николаевича Нестерова — тоже артиллериста, наблюдателя авиаотряда, затем учившегося в Гатчине.

О том, каким доверием и уважением пользовался в молодой советской авиации бывший офицер Ильзин, свидетельствует и такой факт: летом 1919 года, когда Венгрия уже была Советской республикой, Николая Ильзина вызывают в Киев. Он должен совершить перелет в Будапешт. Но тут летчика сваливает сыпной тиф. Едва оправившись, он попадает в Туркестан, командует там объединенным авиазвеном. Полтора года на Туркестанском фронте и первый орден Красного Знамени — свидетельство мужества и отваги. Затем снова возвращение в авиашколу. Сначала в Ташкенте, потом в Егорьевске и в Москве.

Заведующий летной частью Московской авиашколы Ильзин не ограничивается одним лишь обучением курсантов. Одновременно он проводит опыты по применению авиации в сельском хозяйстве. На стареньком «Вуазене» с бреющего полета опрыскивает подмосковные поля химикатами, удобрениями. Знает ли, помнит ли наша сельхозавиация одного из ее пионеров?

Есть ли хоть в одной из наших летных школ портрет Николая Петровича Ильзина, портреты первых русских и советских авиаторов? А ведь все они достойны вечно жить в нашей памяти.

«Энциклопедичность его знаний можно было назвать воистину необычной. Не было, кажется, такой отрасли науки, с практическим применением которой ему не пришлось бы сталкиваться, чтобы он не вооружился знанием, которому завидовали часто и спецы. Жизнерадостность его была необыкновенна, и он ею бессознательно заряжал окружающих. Тонкий юмор не покидал его в самых тяжелых условиях. Как инструктор он был строг и требователен, зато смело можно было сказать: кто прошел школу Ильзина, тот классный летчик. Все свои заветы Николай Петрович оставил в солидном труде «Практика полетов», издание которого задача ближайших дней».

Эти воспоминания летчика Бориса Вахрушева были опубликованы в журнале «Вестник Воздушного Флота», но начинались они горестным сообщением:

«29 сентября (1922 г.— **Ю. Г.**) в 7 часов вечера инструктор Московской авиашколы Николай Петрович Ильзин и уже окончивший школу учлет Васильев, поднявшись, первый на «Фоккере Д-7», а второй на «Ньюпоре 17», начали на высоте около тысячи метров примерный воздушный бой...»

И дальше — трагическая картина столкновения двух самолетов: огненным факелом падающий «Ньюпор» и разрушенный «Фоккер», врезавшийся в землю... «Рядом с ним лежал Николай Петрович, вырванный из сиденья. Рука на ручке управления, газ и контакт (магнето — **Ю. Г.**) закрыты... Все говорит за то, что Ильзин еще в воздухе был убит осколком винта в момент столкновения».

...И вот на моем столе лежит альбом — это жизнь Николая Петровича Ильзина в фотографиях. Это его летная школа, возможно, тут и его ученики, боевые друзья, родные и близкие ему люди. Каким же кощунственным был поступок неведомых нам людей, пусть даже и не знавших самого Ильзина, но позволивших себе похоронить на помойке эту незаурядную историю жизни!

Уходят из жизни рядовые и прославленные сограждане, и горят в огне, тлеют на чердаках, гниют на свалках бесценные свидетельства героической эпохи. Но письма, дневники, фотографии не должны исчезнуть бесследно.

Не хочу верить, что не осталось на нашей земле никого из близких роду Ильзиных, детей и внуков его сослуживцев, его учеников, чьи отцы и деды, возможно, запечатлены в альбоме Николая Петровича. Может быть, откликнется кто-то?

Юрий ГАЛЬПЕРИН

ПРОШУ СЛОВА!

В ЗАЩИТУ ЗАЩИТНИКА

...И трудно ответить подзащитным и их близким: в чем же роль и помощь защитника на предварительном следствии

Михаил МУРАВЬЕВ,
адвокат

Несколько лет назад довелось мне участвовать в уголовном процессе, где на скамье подсудимых находились так называемые шабашники и руководители организации, для которой они трудились. Судебному разбирательству предшествовало долгое предварительное расследование, но подсудимые отказались от показаний, которые там давали, и обвинение стало разваливаться...

Тогда встал прокурор. Закон, определяя его права и обязанности в суде, указал, что он поддерживает государственное обвинение, но, если судебное следствие не подтвердит предъявленное подсудимому обвинение, он обязан от него отказаться. Однако за четверть века участия в судебных процессах я не помню случая, когда бы прокурор, обвинив от имени государства, от его же высокого имени попросил извинения у неправедно обиженного, решительно отказался от обвинения и потребовал, чтобы конвой расступился.

Виноват здесь, конечно, не характер прокуроров. Нет. Просто декларированная двуединая задача, увы, нереальна. Прокурор дал санкцию на арест, утвердил итоговый документ предварительного расследования — обвинительное заключение. Как же теперь публично отказаться от обвинения? Публично признать ошибку, некомпетентность? Направляя дело в суд, он должен был проверить доказательства, заглянуть вперед, представить, как дело пойдет в суде, иначе он и впрямь не на своем месте.

В том процессе обвинителем выступал не сам прокурор, а помощник. Разумеется, он тем более не решился заявить, что его начальник необоснованно подписал санкцию, поторопился направить дело в суд. Представитель прокуратуры просил о дополнительном расследовании, чтобы еще раз что-то проверить, замерить, пересчитать, а так называемую меру пресечения — содержание под стражей — пока не менять.

Нетерпимость прокуратуры к оправданию подсудимых, даже если те не под стражей, порой удивительна. Как-то защищал я молодого водителя автобуса, которого обвиняли в аварии, повлекшей человеческие жертвы. Дело несколько раз возвращали на дополнительное расследование, и каждый раз в суде вина водителя не подтверждалась. Наконец через три с лишним года Наро-Фоминский городской народный суд Московской области вынес оправдательный приговор.

Но радость моего подзащитного — Сергея Дехнича и его молодой супруги (они до суда зарегистрировали брак) — была преждевременной. Прокурор опротестовал приговор. И опять месяцы неопределенности и напряженного ожидания. Через полгода дело... прекратили, не возвращая в суд.

То ли случайное совпадение, то ли переживания не прошли даром, но у молодой четы родился мертвый ребенок, а Сергей сейчас не может работать водителем из-за нарушения мозгового кровообращения.

...Причастность прокурора к расследованию, на мой взгляд, связывает ему в суде руки и толкает на поступки, которые кажутся, мягко говоря, странными. Ныне высказывают предложения об изменении взаимоотношений прокурора и следователя. Не вдаваясь в их оценку, хотел бы напомнить о фигуре, сидящей против обвинителя,— о защитнике. Он активный оппонент в суде, а его позиция способствует всесторонней оценке обвинения и уменьшает вероятность судебной ошибки. Но мои коллеги не могут похвастаться профессиональными победами на стадии предварительного расследования, хотя именно там зарождаются драматические ошибки, которые чем дальше, тем труднее и больнее исправлять.

Почему же неэффективна защита на этой стадии уголовного процесса? На первый взгляд защитник и здесь обладает ощутимыми полномочиями. Тут и право знакомиться со всеми материалами дела, возможность беседовать с подзащитным наедине, ходатайствовать о проведении следственных действий и просить обо всем, что имеет значение для дела. Можно даже заявить отвод следователю. Однако практическая ценность перечисленных прав станет ясной, если напомнить, что защитника-то допускают к делу в большинстве случаев, когда следствие закончено, а сроки расследования, установленные законом, истекли. И следователь, пробежав глазами ходатайство, не колеблясь произносит: «Отказать». Иногда при этом и улыбнется.

Он практически неуязвим, а защитник бессилен. Правда, отказ можно обжаловать прокурору, но в законе по поводу такой ситуации отсутствует незначительная на первый взгляд деталь: не оговорен срок, в течение которого следователь должен письменно ответить на ходатайство, а прокурор — на жалобу. И зачастую ответы приходят, когда дело уже в суде. И трудно ответить подзащитным и их близким: «В чем же роль и помощь защитника на предварительном следствии?»

Да что толковать о реальной роли защитника, если невозможно объяснить, почему нельзя обжаловать санкцию прокурора на арест? Конституция СССР почти десять лет назад провозгласила возможность обжаловать в суд действия должностных лиц в случаях нарушения прав граждан. Прокурор единолично лишает человека одного из важнейших жизненных благ — свободы, возможности общаться с близкими, а обжаловать это практически невозможно. А пройди санкция на арест публичное обсуждение в суде, наверное, и прокурор бы чувствовал себя спокойнее.

Но вернемся к процессу, обозначенному в начале статьи и в котором было заявлено ходатайство о доследовании. Суд удовлетворил его, но оставил подсудимых — в прошлом младших научных сотрудников, аспирантов — под стражей. И мы, защитники, снова были бессильны. Действующий закон не предусматривает права обжалования таких определений суда.

Между тем было ясно, что доследование ничего не даст и вопросы виновности надо решать в суде, гласно. Гласно следовало и оспорить оставление отцов семейств под стражей (социальная опасность их возникла в ситуации, которую легко устранить при доследовании, не лишая свободы). Но ни жалобы, ни прошения по этому поводу защитник подавать не вправе.

Просьба обвинителя была обусловлена тем, что «шабашники» лишнего за работу не получили, взяток не давали, а на предварительном следствии оговорили себя. И в суде был острый разговор не только о мнимых приписках и объемах работ, но и о том, как начиналось следствие, как случилось, что люди с высшим образованием, которых «пальцем не трогали», возвели на себя и на других напраслину.

Размеры журнальной публикации не позволяют в деталях изложить объяснения подсудимых. Расскажу, как вообще такое случается.

Начнем с того, что каждое ведомство имеет показатели, с помощью которых определяют его работу. Процент раскрываемости преступлений — соотношение зарегистрированных правонарушений и выявленных виновников — один из критериев деятельности оперативно-розыскных служб. От него зависят соответствие занимаемой должности его сотрудниками, продвижение по службе и, разумеется, материальные блага.

Поэтому задержанным, а ими оказались бригадир и некоторые члены бригады, втолковывали, что их вина в незаконном получении денег подтверждена не только анонимным письмом, но и логикой, документами, признаниями других.

Дар убеждения ценят не только в защитниках, но и в следственных работниках. Правда, у них это называется умением «расположить к себе». И допрос порой напоминает чуть ли не дружеский диалог. Что ж, если к задержанному относиться с позиции, которую юристы называют презумпцией невиновности, если в допрашиваемом видеть человека, роль которого необходимо выяснить,— этот профессиональный прием, вероятно, полезен и имеет право на существование, ибо помогает изобличить действительных преступников и их соучастников. Но если к задержанному относиться как к врагу, в борьбе с которым излишни нравственные нормы — допустимо вероломство, шантаж, ложные посулы,— трагедии неизбежны. Ведь на одной стороне, как правило, несколько профессионалов, обладающих специальным образованием, опытом, знанием обстановки, а на другой — растерянный, сбитый с толку человек. На его вооружении отрывочные правовые знания, почерпнутые в школе при изучении Конституции, да недальновидный инстинкт самосохранения. Он склоняет хозяина поверить обещаниям немедленной свободы в обмен на «нужные» показания, предательски нашептывает о блаженстве общения с близкими, нормальной еде, привычной постели...

Слышу возражения: «Если не крал, не убивал, пусть сулят что угодно, пугают чем угодно — зачем признавать то, в чем не виноват?» Действительно, если не лазил в чужой карман, если не вонзал нож в тело другого, об этом можно однозначно заявить. К сожалению, ныне иногда возникает ситуация, когда судить о собственной вине не так-то просто. За последние годы в Уголовном кодексе появилось около пятидесяти новых норм, которые предусматривают ответственность за действия, которые никогда не были наказуемы. Например, имелась в Уголовном кодексе Российской Федерации статья 156, каравшая за обман покупателей, ныне их пять: 156-1, 156-2, 156-3, 156-4.

Дала ли мелочная регламентация поступков желаемый социальный эффект, не знаю. Судебная статистика пока за семью замками. Но порой и специалист не поспевает следить за изменениями в уголовном законодательстве. А кроме того, есть еще судебная практика. С ее помощью один и тот же закон может применяться по-разному, в зависимости от указаний вышестоящих судебных органов, а те ориентируются на «текущий момент». Хорошо это или плохо — отдельная тема. Скажу лишь, что сегодня рамки уголовной ответственности шире житейских представлений о дозволенном и запретном. Недаром бытует мрачноватая шутка: «Был бы человек, а статью всегда можно подобрать...»

Вроде бы нет беды, если кто-то в свой отпуск от темна до темна трудится в колхозе или совхозе, намереваясь приобрести после автомобиль или садовый домик. Но далеко не все знают, сколько осуждено лишь за то, что их заработки не укладывались в обычные представления о ставке рабочего.

А у тех молодых ученых, дело которых затягивалось, были — это доступно объяснили на следствии — вопиющие нарушения. Большинство не имели права работать по совместительству. Чтобы обойти малопонятный запрет, кое-кто воспользовался трудовой книжкой пенсионера-родственника, некоторые — липовой справкой-разрешением на совместительство. Деньги членам бригады начисляли поровну, а являлись на шабашку неодинаково — по-разному выпадало свободное время, поэтому то, что причиталось по ведомости, бригадир распределял в соответствии со своей бухгалтерией, которая размещалась в общей тетради. И официальный список бригады существенно отличался от тетрадного списка, в котором значились фактически работавшие.

С учетом этого человеку с техническим образованием нетрудно внушить, что он погубил себя и бригаду и всем уготован срок как расхитителям государственного имущества. Но кто-то из допрашивавших подсказал: если часть заработка отдавали начальству, они выходят чистыми. Показали кодекс, статью. Точно, добровольно сообщивший освобождается от ответственности за дачу взятки.

Но ложь прожорлива и для своего существования требует новых жертв. Вскоре члены бригады — не без рекомендаций бригадира — поддержали кривду. И вот уже «дело», подобно раковой опухоли, растет, в сейф складывают все новые и новые тома. Уже никто не в состоянии остановить гибельное производство — ни те, кто был его вдохновителем, ни те, кто согласился в нем участвовать. А освобождение от уголовной ответственности, как вскоре понял бригадир, оказалось блефом. Если взятка дана из государственных средств, все равно наступает ответственность за хищение.

Несостоятельность самооговора была доказана в суде и при доследовании. Не называю имен привлекавшихся к ответственности, это их просьба. Тяжело вспоминать, а еще тяжелее отвечать на расспросы и ловить на себе недоверчивые взгляды. Как в анекдоте: была какая-то история, то ли у него украли пальто, то ли он украл...

Вспоминаю об этом деле потому, что сорока томов и надломленных судеб могло бы и не быть, если б бригадиру, прежде чем домогаться от него показаний, дали возможность посоветоваться с защитником-адвокатом.

Опыт показывает: каковы бы ни были моральные качества оперативно-следственных работников, общество не застраховано от ошибок и перекосов в их работе. Некоторым из них, впрочем, как и многим другим, свойственно тщеславие, азарт достижения ложной цели и, извините, карьеризм. Поэтому защитник необходим у самого истока уголовного дела, чтобы не только помочь составить правильное представление о случившемся задержанному, но и вовремя подать сигнал тревоги.

Не стоит опасаться, что с помощью защитников преступники станут сухими выходить из воды. Преступник — если он преступник — не уйдет от ответственности и с пятью адвокатами, но уровень качества расследования поднимется на порядок выше.

Кстати, наш закон не придает решающего значения показаниям обвиняемого. Тот вовсе может не говорить на следствии и в суде. Это его право, а не обязанность. Объяснения обвиняемого или подсудимого должны служить не основополагающим источником информации о преступлении, а характеристикой отношения виновного к случившемуся. А ставка на признание — это давно установлено — признак профессиональной слабости.

То дело, как уже говорилось, было прекращено в ходе доследования, в тиши кабинета. Должностные лица, имевшие к нему причастность, получили взыскания. Но разве это утешение для того, кто долгие месяцы томился в следственном изоляторе? Элементарная справедливость требует компенсации. В соответствии с действующим положением неосновательно содержавшемуся под стражей должен быть выплачен средний заработок по должности, которую он занимал до ареста. Но такое же возмещение предусматривает и трудовое законодательство при неправильном увольнении, когда человек жил дома, видел небо, дышал свежим воздухом, короче, пользовался благами, которые суть человеческая жизнь. Незаслуженное лишение свободы должно, видимо, компенсироваться сверх обычных норм.

Применительно к моим подзащитным эти рассуждения, к сожалению, носят общий характер. Согласно закону, возмещение в случае прекращения уголовного дела или оправдательного приговора полагается только тем, кто никогда не признавал себя виновным. Что касается бывшего водителя автобуса, то на мое предложение составить заявление о возмещении понесенных расходов и убытков он задумчиво покрутил головой: «Нет». А на настойчивые доводы, щурясь, ответил: «А если они обозлятся и возобновят дело?» После пяти лет «судебно-следственных качелей» трудно было ему что-либо возразить.

Наконец, последнее соображение. Мне приходилось встречаться с зарубежными коллегами, бывать в адвокатских конторах за границей. Могу сказать: у нас самая дешевая юридическая помощь. Несмотря на значительные экономические изменения, происшедшие в стране, гонорары, установленные адвокатам в тридцатых годах, не претерпели серьезных изменений. Обвиняемый и подсудимый могут быть вовсе освобождены от уплаты за расходы по оплате нашего труда, в этих случаях защиту должно взять на себя государство. Так записано в законе. Этим можно было бы гордиться, если бы... Закон этот принят более десяти лет назад, а практического нормативного акта — как, сколько, кто должен платить? — до сего времени нет. То ли кто-то забыл об этом, то ли посчитал, что платить за труд адвокатам необязательно, но сегодня, если подзащитный или его родственники не внесут в кассу гонорар, адвокат вынужден работать бесплатно либо получает мизерную оплату из фонда коллегии (он создается из отчислений от заработка товарищей).

Говорю об этом не для того, чтобы пробудить сочувствие или поправить материальное благополучие своих коллег. Они так или иначе зарабатывают не хуже работников других юридических профессий. Но поскольку адвокат вправе вовсе отказаться от поручения на защиту, то дела, за ведение которых не платят либо платят мало, человек старается не принимать. А если к тому принуждают, то получается видимость защиты, ритуал, а не действительное отстаивание законных прав и интересов граждан. И страдают в первую очередь неимущие, а это не сообразуется с нынешними требованиями социальной справедливости.

По этим причинам расширение участия защитника на предварительном следствии вызывает у моих коллег двоякое чувство: с одной стороны, вроде бы повышается престижность профессии, а с другой... Министерство юстиции установило плату за день участия адвоката на следствии почти вдвое меньшую, чем за день участия в судебном процессе. Как практик могу сказать, что сидеть в зале суда легче и приятнее, чем провести то же время в следственном изоляторе...

ПЕРЕСТРОЙКА С УСКОРЕНИЕМ?

«И теперь вот сюда же приплюсовываются в качестве новейшей моды Гумилев и Набоков... И ни слова о том, что уезжал-то Набоков на чужбину, не принимая революцию, Ленина и Советскую власть, и что неприятие это он пронес через всю свою жизнь. При этом позиция Набокова была идейной. «Мое давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами»,— писал он.

Зачем же нам создавать еще один миф — миф о «безобидном» будто бы Набокове?..»

(Критик Ф. Кузнецов, «Литературная Россия», 14 ноября 1986).

«Открыты шлюзы, все, что лежало, не проходило по тем или иным причинам, но что представляет культурную и историческую ценность, сегодня пришло к зрителю и читателю. Я уж не говорю о кинофильмах. В литературу вернулись Замятин, Гумилев, Набоков... Как видите, идет очень бурная, напряженная духовная жизнь». (Критик Ф. Кузнецов, «Московская правда», 23 февраля 1987).

* * *

«Навстречу во всю ширину тротуара шла толпа ребят, которые скандировали: «Лю-бер-цы! Лю-бер-цы!» Дружно так шли. Вдруг из колонны к нам шагнул подросток и... ударил в лицо парня, стоявшего рядом со мной. Мгновенно еще человек семь отделились от толпы и набросились на упавшего, били его ногами».

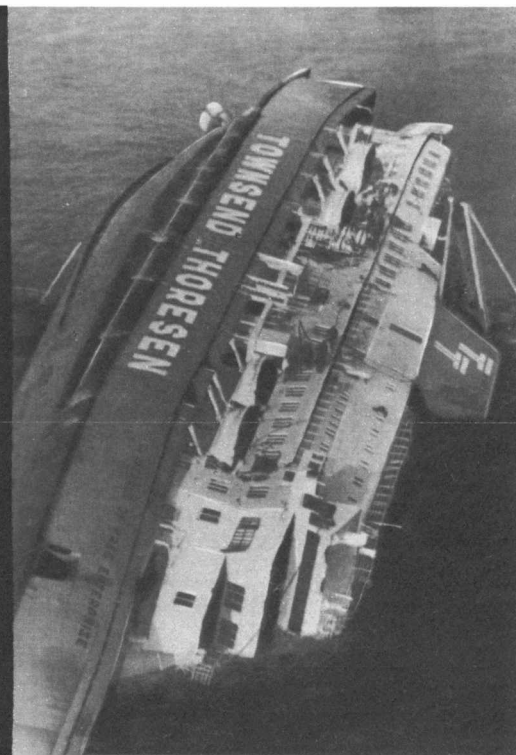
(Статья «Подвиги» от безделья», «Советская Россия», 15 июня 1986).

«Я обращалась в городскую газету, в Люберецкий горком комсомола, в областное УВД и письменно и устно, где прямо указывала, что у нас в Люберцах создана «теплица» для выращивания хулиганов...»

(Письмо читательницы О. Тихачевой, «Советская Россия», 18 июля 1986).

«— Собственно, само слово «любер» трактуется уже не просто географически. Это—человек, исповедующий культ силы и неприемлющий не таких, как он.

— Я вас понял. В этом смысле никаких «люберов» нет. Прошу простить за резкость, но они придуманы некоторыми вашими коллегами-журналистами».

(Беседа корреспондента П. Гутионтова с генерал-майором милиции В. Гончаровым «Сотворили миф о «люберах», «Советская Россия», 4 марта 1987).

Катастрофа произошла в открытом море, всего в 800 метрах от берега, когда морской паром «Геральд оф фри энтерпрайз», совершающий регулярные рейсы между Бельгией и Англией, вышел из бельгийского порта Зегбрюгге. Паром неожиданно накренился и через минуту опрокинулся на левый борт. На судне находились 463 пассажира, в том числе много женщин и детей, и 80 членов экипажа. Спасены 408 человек.

Спасательные работы начались немедленно, и в них приняли участие вертолеты и портовые буксиры, гражданские и военные суда. Однако спасательные работы были осложнены тем, что вокруг парома разлилась огромная лужа мазута, вытекшая из топливных баков, ночная темнота и ледяная вода также оставляли мало шансов для спасения тех, кто оказался за бортом. Что же привело к катастрофе! По мнению специалистов, вода хлынула в грузовые ворота парома, предназначенные для приема автомашин, которые были почему-то плохо закрыты, когда судно отчалило от причала. Трагедия могла бы и не произойти, если бы паром имел водонепроницаемые перегородки и был более устойчив.

Телефото Рейтер — ТАСС.

САРТАС—ЭТО ЗНАЧИТ

ДНЕВНИК РЕПОРТЕРА

**Андрей ВЛАДИМИРОВ,
Анатолий БОЧИНИН (фото).
Специальные корреспонденты
«Огонька»**

Есть в Литве такая легенда. Помещик, чтобы расстроить свадьбу бедняка крестьянина, вызвал его на конное состязание на льду замерзшего озера: разрешу, сказал, жениться, если у меня выиграешь! И плохонькая с виду крестьянская лошадка обошла в скачках двенадцать рыжих жеребцов, что запряг в свой возок помещик. Рассвирепел богач, велел высечь победителя розгами. Но лед на озере не выдержал, как утверждают, такой несправедливости — треснул, и двенадцать рыжих вместе с помещиком ушли под воду.

Сартас — по-литовски рыжий. От этого слова, согласно легенде, и произошло название озера Сартай, на берегу которого стоит небольшой уютный городок Зарасай. Здесь каждый год в конце зимы проходят конные соревнования.

...В день скачек еще затемно потянулись к знаменитому озеру вереницы машин и автобусов. Приехали десятки тысяч зрителей, многие целыми семьями. Рядами стоят на берегу Сартая разноцветные легкие деревянные домики, в них уже идет бойкая торговля сувенирами, блюдами литовской национальной кухни. Невозможно удержаться и не попробо-

вать остро пахнущие колбасы, деревенское копченое мясо... На невысоких сценах — помостах выступают фольклорные группы из окрестных сел. Песни, смех. Жарко горят сложенные из огромных бревен костры — можно погреться.

Шестнадцать районов республики прислали на Сартай лучших рысаков, самых опытных наездников. Под аплодисменты зрителей в легких санях-качалках выезжают они на ледяную дорожку, к месту старта. Гонг! Высекая подковами ледяную крошку, под крики и свист многотысячной толпы упряжки пошли на первый круг...

Кто победил? Да так ли это важно! Главное, продолжается праздник. Продолжается древняя народная традиция...

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Комиссия по литнаследию В. С. Высоцкого с удовольствием отмечает, что интерес к его творчеству с каждым днем становится все больше и больше. Идет работа над изданием книг Высоцкого, воспоминаний о нем, пластинок, телевизионных фильмов. Стихи В. Высоцкого широко публикуются в журналах и газетах нашей страны и переводятся за рубежом (причем за основу переводов берутся тексты, опубликованные на родине В. Высоцкого). Тем более прискорбно, что в последнее время нам встречались публикации, подписанные именем В. Высоцкого, но не имеющие к нему никакого отношения: стихи с искаженными словами и строфами, тексты, вряд ли принадлежащие тому, чьим именем они подписаны.

От имени комиссии по литературному наследию В. Высоцкого и его семьи мы хотели бы призвать публикаторов к добросовестности, отказу от пользования случайными, непроверенными записями. Напоминаем, что основная часть автографов В. Высоцкого находится в распоряжении Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Они и должны служить основой для публикаций. Считаем, что следование этому правилу послужит укреплению доброго имени В. Высоцкого и авторитету его творчества.

Марина Влади,
Роберт Рождественский, председатель комиссии СП СССР по литературному наследию В. С. Высоцкого

КАК НАС ОБСЛУЖИВАЮТ

ОБЕЩАЛИ И НЕ СДЕЛАЛИ...

Банальность: все на свете совершенствуется. Вторая: помимо писчебумажных магазинов. Они год от года хиреют. Это Алексей Толстой мог восхищаться в свое время: ах, писчебумажные магазины... Фантазия отказывается представить все эти вздорные и милые мелочи...

«Огонек» почти десять лет тому (журнал не был в этом одинок; до того и после «Литгазета», «Советская культура», «Журналист», «Московская правда» не раз писали о том, что стране очень нужны современные магазины оргтехники) предложил: откроем универмаг «Оргтехника». Идея была тотчас подхвачена и поддержана. Заместитель министра торговли СССР в 1980 году сообщал, что, «придавая важное значение, а также для расширения и обеспечения» оно, министерство, «дало Главному управлению торговли Мосгорисполкома указание об открытии в Москве крупного специализированного магазина с универсальным ассортиментом этих товаров».

Перчатку в Главторге подняли. И здесь же включились в переписку. Пошли письма в редакции газет и журналов, в Правление Союза журналистов, в разные инстанции. «Мы — за!» — писали из Главторга. «Но не надо торопиться»,— доверительно советовали в личных беседах. «Вот согласуем...» И палец поднимался к потолку.

— А чем торговать будем?— сомневались к тому же в орготделе Главторга. Я принес список: диктофоны, персональные компьютеры, перографы, фломастеры, инкографы, деловые авторучки, картотеки, телефонные автоответчики, пишущие машинки, регистраторы... И набегало более тысячи реальных, имеющихся в министерских сусеках и планах изделий.

В Главторге вздохнули: ваша взяла. И вскоре я читал еще один документ (№ 10—16 от 16. XI. 1981), которому так хотелось верить: «Главное управление торговли Мосгорисполкома сообщает, что решением Комиссии по распределению первых этажей» (протокол № 742) под магазин «Оргтехника» закреплено помещение в первом этаже дома-новостройки по Тихвинской улице». И далее, чтобы выглядело солиднее и достовернее: «В настоящее время мастерская № 2 Моспроект-I приступила к разработке для этого магазина технологического проекта, срок готовности которого установлен — третий квартал 1982 года. Разработка рабочих чертежей намечена на 1983 год, начало строительства на 1984 год».

Когда все намеченные сроки миновали, я обратился в Москультторг. И получил оттуда справку, подписанную начальником торга: «В плане ввода магазинов-новостроек Москультторга данный объект на 1984 год не предусмотрен».

И в 1985 году «Оргтехника» не объявилась.

И в 1986-м — тоже.

Ни одно из обещаний не выполнено.

И хочу спросить: зачем затевалась переписка? Надо ли было обещать, когда никто и не думал выполнять обещанное? Если таков стиль работы Главторга, то это дурной стиль, который никак не вписывается в формулу «обещал и сделал».

Константин БАРЫКИН

Судя по публикациям издаваемого Минторгом СССР ежемесячника «Торговля за рубежом», только в Лондоне за один год открылось восемь крупных супермаркетов «Оргтехника». Продаваемый в них инструментарий помогает лучшей организации управленческой работы, резко повышая ее эффективность. Компания «Ксерокс» намечает создание межнациональной фирмы, эксплуатирующей супермаркеты оргтехники. По данным исследовательской компании «Фрост энд Салливен», потенциальный объем реализации средств оргтехники в мировых масштабах составит в ближайшее десятилетие 98 миллиардов английских фунтов стерлингов.

Вот во что превращаются «милые писчебумажные магазины» в наше время, вот какой они могут принести доход.

К. Б.

МЫ СТАЛИ ДЕРЕВЕНСКИМИ

Начало на II обл.

первые одноэтажные дома, то ключ одного из них директор вручил Кокоулиным. Поняли в селе, что Владимир Васильевич — трудяга, да и Августина Александровна не белоручка: сад, огород разведут. Картошка, капуста, ягоды будут свои. Обживутся, добрый будет двор...

Прав оказался Литвинов. Зайдешь в дом Кокоулиных и понимаешь: никуда они отсюда не уедут. Дом-то какой! С высокого крыльца попадаешь в прихожую, я бы даже сказала — в пригожую, так тут светло и просторно. Две двери, одна—в детскую, другая — в гостиную. Конечно, спальня, кухня. Владимир Васильевич вложил в благоустройство и своих трудов немало. А как же иначе! Зато теперь в доме ванна. Наладил отопление, есть газ.

Из окошка виден сад. И несмотря на то, что на улице холодно, вокруг белым-бело, молодые деревца напоминают о весне. «Вишни, облепиха, смородина уже плодоносят,— с гордостью рассказывает глава семьи.— Попробуйте варенья нашенского. В следующем году, пожалуй, яблоки будут...»

Вошла хозяйка, внесла блюдо дымящейся картошки, поставила на домотканую скатерть. И пригласила отведать угощение с собственного огорода. Малосольные с желтыми подпалинами огурчики, ярко-красные помидоры, салат из моркови, пироги с капустой, оладьи из кабачков...

— Картошка у нас удивительно рассыпчатая, «синеглазка» называется,— рассказывала Августина Александровна.— В первый год ведро посадили, а нынче уже сто пятьдесят ведер накопали! И лук особый. Я, правда, сорт не знаю, но помню, что мама всегда перед посадкой разрезала луковицу на четыре части — тогда лук вырастает крупный. Сорт мамин до сих пор сохранился в деревне, где я родилась. Съездила на родину, взяла несколько луковиц и теперь развожу. Когда впервые здесь сажала, подошла бабушка, местная жительница, говорит: «Молодуш, что делаешь-то, кто же это резаный лук сажает?» А я смеюсь: «У нас сажают! Да еще секрет есть, надо луковку класть срезом против солнышка». Разговорились. Узнав, что мы приехали из города, старушка одобрила переезд: «Молодая кровь нужна деревне». А потом пригласила на пироги.

Дружеские знаки внимания со стороны односельчан помогли семье Кокоулиных быстрее сродниться с деревней.

Спрашиваю девочек: а как им живется? Чему тут научились?

— Цветы выращиваем,— отвечает Лена.— Георгины, астры. На солнечной стороне у нас цветник, а во дворе клумбы. Да еще папа придумал перед каждым домом посадить деревья — по всей улице! Мы их оберегаем...

— Ухаживаем за козлятами, Лялькой и Зинкой,— вторит сестричке Наташа.— Кошка Машка, она у нас красавица, тоже на нашем попечении. Папа с мамой на работе, а мы по хозяйству управляемся. Всех кормим. Летом в огороде дела. И полить, и прополоть надо, потом ягоды собрать, маме помогаем готовить соленья, варенья варить...

Владимир Васильевич уже второй год — председатель исполкома Русского сельского Совета. Забот хватает. С утра спешит на строительство котельной. Со дня на день ее должны сдать, это дополнительное тепло в жилые дома, школу. Почти готов культурно-спортивный комплекс: распахнутся скоро двери концертного, лекционного, спортивного залов, библиотеки, кафе. Всех радует это, а Владимир Васильевич подыскивает специалистов, молодежь скучать не должна!

На молодых в Русском возлагают большие надежды. Директор совхоза Литвинов видит в молодежи главный совхозный «капитал», который позволит завтра решать новые задачи. Важно сегодня не забывать о социальных нуждах селян!

Тогда парни и девушки не будут уходить в город. Недавно совхоз обзавелся детским садом с бассейном, а вот школа тесновата, уже сейчас почти триста учащихся. Будет еще больше...

Восемь лет живут в Русском Кокоулины. Чувствуют ли они себя по-настоящему деревенскими? «Вполне,— отвечает Владимир Васильевич.— Сначала я работал в совхозе, а семья до получения дома жила в городе. И как раз у жены подошла очередь на кооператив. По жребию досталась трехкомнатная квартира. Но мы на попятную не пошли! Забрали деньги, купили машину. И не жалеем».

Скука Кокоулиным неведома. На зависть приезжим веселятся сельчане в праздники — их тут немало: дни весенней березки, первого снопа, встреча и проводы зимы... Свадьбы справляют с тройками да бубенцами. Ни одно гулянье не проходит без песен и плясок. А Лена полюбила вдруг лошадей, занимается в конноспортивной секции. Владимир Васильевич своими руками построил баню, сам ее топит! Августина Александровна тоже любительница попариться. Иногда выбираются в город — собираются старой компанией в кафе; но дома уютнее, а главное—приятнее. Купили магнитофон, отец с дочерьми увлеклись музыкой. А когда наступает грибная пора, семья обожает тихую охоту.

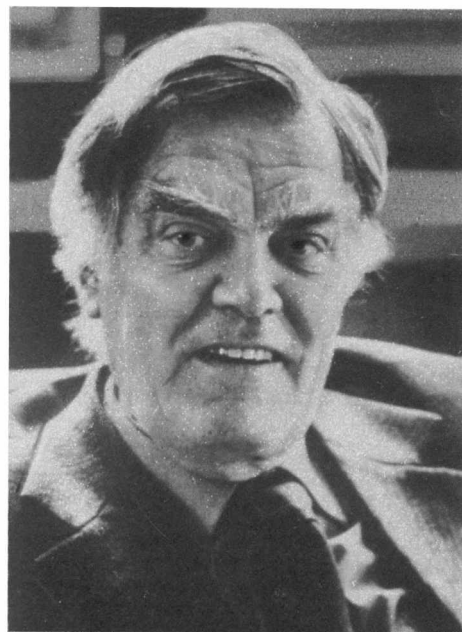
Таких домов, где живут горожане, ставшие деревенскими, в Русском много.

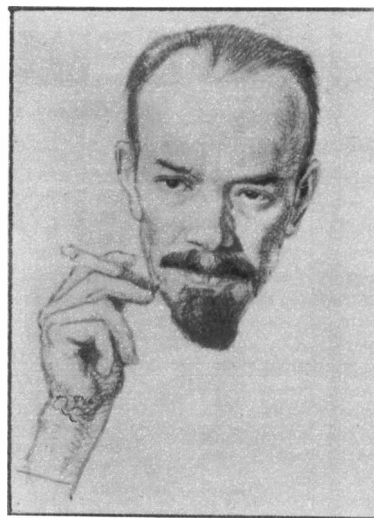
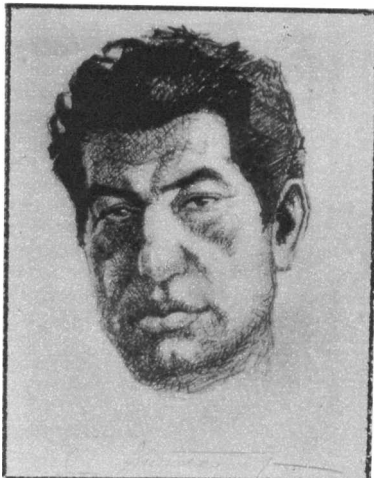
— Чернухины, целых три семьи Зориных,— загибает пальцы Августина Александровна.— Мой племянник Сережа с семьей перебрался недавно. Плотником в совхозе работает, жена Галя в столовой... О них поминать рановато, приживутся ли? Вот Мятелевы укоренились! Павел Евдокимович семью привез да еще и молодежный ансамбль из пяти ребят прихватил! И ничего, прижились парни, деревенскими стали!..

Получается, что в Русском, стоит только захотеть, работа всем найдется?

— Не совсем так,— возражает директор совхоза Алексей Иванович.— К нам попасть не вдруг. Людей-то достаточно. К горожанам присматриваемся пристально. Но если просится человек работящий, инициативный — милости просим!

Кировская область,
Кирово-Чепецкий район.

ПАЛИТРА

Николай Сергеевич Богданов.

ПОРТРЕТЫ НИКОЛАЯ БОГДАНОВА

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН. 1977.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ. 1973.

Фазиль ИСКАНДЕР

Николай Сергеевич Богданов создал огромную галерею писательских портретов. Задача, которую поставил перед собой художник, не только благородная, но и мужественная. Потому что сразу же возникает каверзный вопрос: где взять столько лиц, отмеченных печатью мудрости, чтобы показать духовные силы нашей литературы?

Предположим, набралось достаточное количество лиц. Тогда возникает другой вопрос: в чем именно выражается эта печать мудрости?

Кажется, у Вересаева есть забавное рассуждение о том, что на портретах великих мыслителей мы как бы не видим работу мысли, а на лицах некоторых глупых женщин видим очень умное выражение.

Я бы это наблюдение прокомментировал так. Великие мыслители мыслят, как дышат, естественно, а на лице глупой женщины умное выражение вызвано трудно дающимся ей, но упорным желанием быть на уровне понимания.

Художник признавался мне, что, прежде чем приступить к работе над портретом писателя, он старался прочесть все его книги, если они бы-

Н. С. БОГДАНОВ.
Род. 1917.

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС. «НЕТ! — ВОЙНЕ, ГОВОРЮ Я». 1983.

ЮРИЙ НАГИБИН. В КРАСНОЙ ПАХРЕ. 1980.

ли доступны ему на русском языке. Это облегчало ему задачу, помогало улавливать внешние соответствия внутреннему состоянию.

Нет никакого сомнения, что жизнь лепит нас в соответствии с нашим идеалом жизни. Бунин писал, что Чехов с годами на портретах становился все значительней, все красивей, и это так понятно и так честно со стороны жизни, которая не баловала его здоровьем и обилием светлых дней.

Вот еще непростой вопрос: восхищаясь картиной талантливого художника, мы в ней видим то, что́ захотел увидеть художник независимо от модели, или он все-таки отразил то, что ей свойственно? Я думаю все-таки, что талантливый художник отображает то существенное, что свойственно модели, даже если он сам до конца не осознает этого.

В литературе и в любом другом искусстве происходит то же самое. Всякий дар — это повышенное чувство правды. Правду мы узнаем и правде радуемся — такова наша природа.

Ясность не только этическое качество, но и эстетическое. Стирание случайных черт, движение к ясности — это уже есть художественная работа. И, наоборот, отсутствие субъективного стремления художника

к ясности есть, на мой взгляд, шарлатанство или наивность человека, путающего задачу художника с задачей составителя кроссворда.

Но бывают и такие случаи, когда живописец глубоко копает, стремится ясно увидеть истину, но в силу ее сложности и — частично — собственной слабости не видит ее ясно и потому не может ее нам четко передать. Перед картиной такого художника мы должны задуматься и употребить достаточно усилий, чтобы понять его и насладиться красотой его правды, хотя и затемненной, но значительной.

Впрочем, такое бывает достаточно редко. Николай Богданов — ясный художник, и все, что он нам показывает, мы почти мгновенно улавливаем.

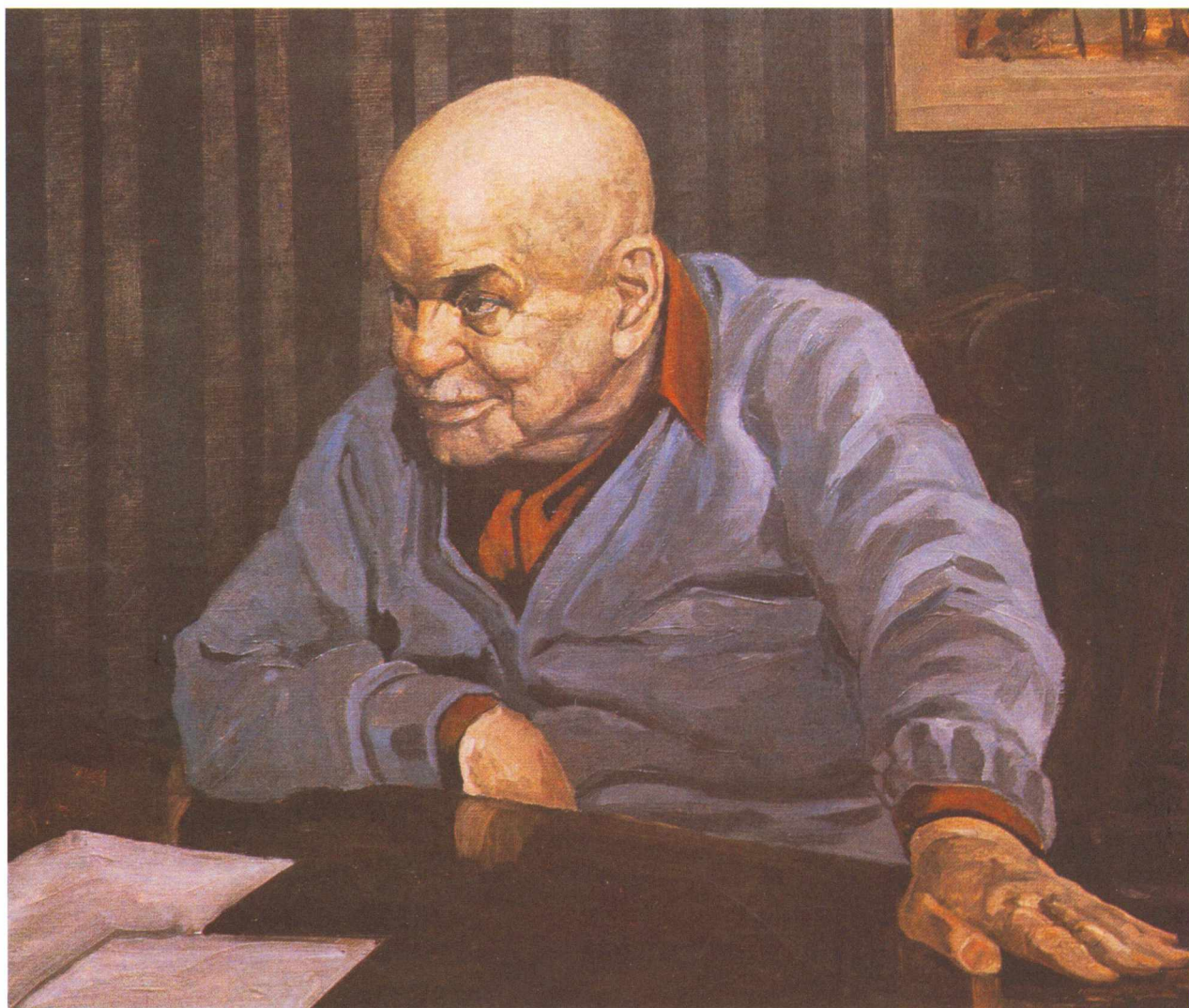
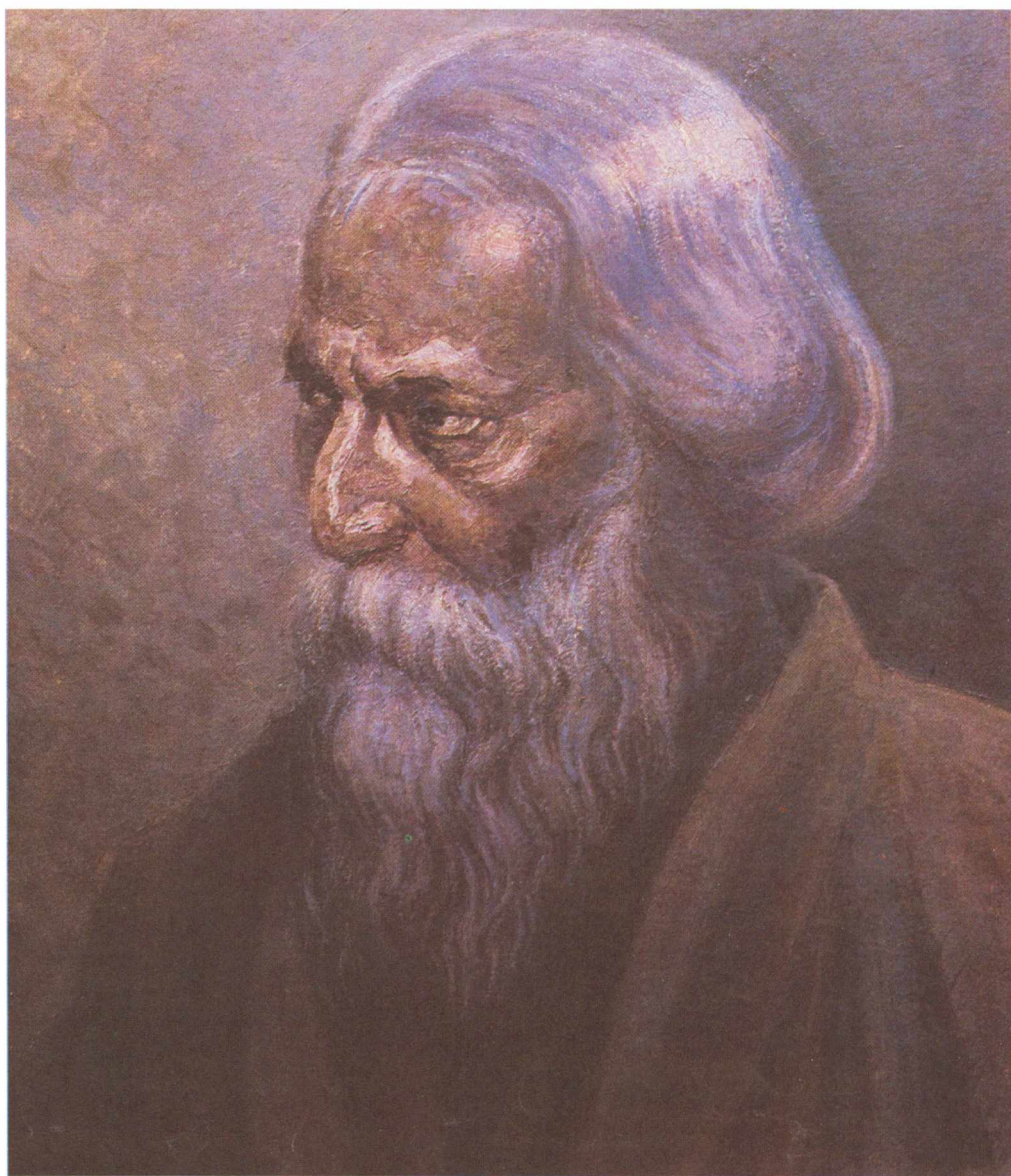
Вот портрет Гранта Матевосяна, замечательного армянского писателя. Обнаженная, детская печаль глаз, жесткость черт лица, прочность позы (попробуй, сдвинь!) — как это соответствует духу его кремнистых, трудных, сильных повестей.

А вот писатель Виктор Шкловский, недавно от нас ушедший. Живой! Вечный ниспровергатель и созидатель. Мощный, таранящий череп, молодая готовность к литературным боям...

А вот состояние совершенно противоположное. Это портрет литовского поэта Сигитаса Геды. Согбенная, сумрачная фигура. Паруса души опущены. Не пишется. Не работается.

Как часто в порыве оптимистического ребячества (чуть не сказал: жеребячества) мы изгоняли из искусства печаль, хотя, увы, были не в состоянии изгнать ее из жизни. Изображение человека в печали, в слабости, если из этого не делать культа, так же правомочно в искусстве, как и всякого другого существенного состояния. Таким образом, изображение человека в состоянии упадка сил в настоящем искусстве есть проверка сил нашего сочувствия, нашей человечности. Укрепление этих сил.

В галерее портретов, написанных москвичом Николаем Богдановым, безусловно, с любовью, есть и портреты, не лишенные легкого налета иронии, насмешки над некоторым самодовольством. Впрочем, впечатление от картины юридически недоказуемо, и сам мастер при полном согласии с моделью может оспорить наше нескромное мнение.

ТАГОР. 1986.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ. «ПОНИМАЕТЕ ЛИ?» 1984.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

1886—1921

Окончил царскосельскую гимназию при директорстве И. Анненского. Глава школы акмеистов. Был первым мужем А. Ахматовой. Его строфа «или, бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет, так что сыпется золото с кружев, с розоватых брабантских манжет» по своей отточенности является классическим образцом строфики. На мой взгляд, некоторые стихи Гумилева перегружены ложноромантическими аксессуарами, однако лучшие из них навсегда останутся в сокровищнице русской поэзии. После Блока был избран председателем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов. Поэзия Гумилева оказала большое влияние на раннего Тихонова и по сей день может являться школой мастерства для молодых.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать —
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;

Так век за веком — скоро ли господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

1921

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонил лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в евангельи от Иоанна
Сказано, что слово — это бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

1921

ВЛАДИМИР НАРБУТ

1888—1944

Своеобразнейший, к сожалению, почти забытый поэт. Принадлежал вместе с М. Зенкевичем к левому крылу «Цеха поэтов», атакуя и своими публичными выступлениями, и самим стилем своих стихов дешевую грациозность декадентщины. В этом задиристом эпатаже был чем-то близок раннему Маяковскому. Сборник «Аллилуйя» был конфискован царской цензурой, увидевшей в нем богохульство. После Октябрьской революции работал на крупных постах в печати — в частности директором «ЮГРОСТА» и издательства «Земля и фабрика». В своей талантливой, однако, на мой взгляд, грешащей субъективными толкованиями книге «Алмазный мой венец» Катаев вывел Нарбута с предвзятой гротесковостью в образе «колченогого». Нарбут как поэт иногда соскальзывал в натуралистический физиологизм, но зато у его поэзии была необыкновенная плотность, сочность, вещность. Судьба и поэзия Владимира Нарбута еще ожидают своих исследователей. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

ТЕЛЕПЕНЬ И ЕГО СЛУГА

Ражий помещик
(Длиннющие руки
И широченная лапа-ступня),
Влезши в короткие
(в клеточку) брюки,
Брюзгнет, как перепел, день изо дня.
Что-то знакомых не видно давненько,
Законопатился в отчем и сам...
Вон на крыльце
(на парадном) ступенька
Плесенью кроется:
Ей бы — ко мхам.
Скоро, пожалуй, и крыша из теса
Рухнет,
Расплющив чердачную ларь...
Только лукавые —
В сажень — колеса
Катят карету,
Отживший фонарь.
О, как торжественно,
В праздник, стремится
В город, влекомая парой коней!..
Спицы мигают, по тракту дымится,
А на запятках — в ливрее лакей.
Пуху подобно
Расчесаны баки,
Выбрил старательно старый усы...
Будка. Баштаны. Отхлынули злаки,—
Брешут и к дышлу кидаются псы.
Весело телепню:
Стонут подковы,
Девки, шарахаясь, липнут к плетню.
И расправляется глоткой здоровой:
— Эй, вы, такие-сякие, тю-тю! —
А на запятках,
Прижавшись, как муха,
И расползаясь улыбкой на крик,—
Вежливо клонит
(К окошечку) ухо
В траченной молью ливрее
Старик.

1911—1912

Из сборника «Аллилуйя»

ЛИХАЯ ТВАРЬ

Отрывок

Луна, как голова, с которой
кровавый скальп содрал закат,
вохрой окрасила просторы
и замутила окна хат.
Потом, расталкивая тучи,
стирая кровь о их бока,
взошла и — желтый и тягучий
погнала луч издалека.
И в хате мшистой, кривобокой
закопошилось, поползло
и — скоро пристальное око
во двор вперилось: сквозь стекло.
И в тишине сторожкой можно
расслышать было, как рука
нащупывала осторожно
задвижку возле косяка.
Без скрипа, шелеста и стука
горбунья вылезла и — вдруг
в худую, жилистую суку
оборотилась и — на луг.
Цепляясь острыми когтями,
перескочила через тын
и — вот прыжки несут уж сами
туда, где лег кротом овин...
И только первого помета
опасен ведьмам всем щенок!
Зачует — ох! — и огороды
гребет ногами: наутек.
И после, в хате, колкой дрожью
Исходит, корчась на печи,
как будто смерть по придорожью
несли в щенке луны лучи.

ПЬЯНИЦЫ

И чарка каторжна гуляе по столи.
Е. В. Гребёнка

Объедки огурцов, хрустевших на зубах,
бокатая бутыль сивухи синеватой
и перегар, каким комод-кабан пропах,—
бой-баба, баба-ночь, гульбою нас посватай!
Услонов-растопырь склещился полукруг,
и около стола, над холщевой простынью,
компания (сам — друг, сам — друг
и вновь сам — друг)
носы и шишки скул затушевала синью.
И подбородки — те, что налиты свинцом
И вздернуты пото́м (как будто всякий — потрох)
так — нитками двумя, с концами, под лицом
заштопанными вкось, где скаты линий
бодрых,—
замазала она, все та же стерва — ночь,
все та же сволочь — ночь, квачем своим
багровым.
Ах, утлого дьячка успела заволочь
под покуть,— растрясти и заклевать под
кровом.
Да гнется — и майор, и поп, и землемер,
обрюзгший, как гусак, под игом геморроя.
Надежен адвокат:
«Аз, Веди, Твердо, Хер»,—
ударился в букварь: «Глиста — вы, не герой!»
и чаркой чокнувшись с бутылью,— попадье:
«Ее же, мать моя, приемлют и монаси!»
Дебёла попадья.
«— Не сахар ли сие?» —
И в сдобный локоть — чмок.
А поп, как в тине, в рясе.
Торчмя торчит, что сыч...

Заведующий партийным отделом газеты «Новгородская правда» Р. Дериглазов.

Дежурить в типографии и хлопотно, и ответственно, и интересно.

Что это будет — интервью! Репортаж! Очерк! Форму рассказа о строителях моста выберет сам журналист.

Разговор по душам — это тоже его работа...

ПОБОЛЬШЕ ДЕЛОВИТОСТИ — ПОМЕНЬШЕ ОБЩИХ РАССУЖДЕНИЙ О ПОЛЬЗЕ ПЕРЕСТРОЙКИ — ТАКОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ СЕГОДНЯ ЛЕЙТМОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.

НИ

**Андрей СОКОЛОВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Фамилию председателя горисполкома я не расслышал. Поэтому пришлось переспросить.

— А зачем? Вы что, обо всем этом писать будете? Нужно ли?— В его голосе звучала тревога.

— Буду ли писать, пока не знаю. Но мне кажется, что в любом случае у вас нет повода для беспокойства.

Этот короткий диалог, к которому мы еще вернемся, произошел в Старой Руссе во время заседания бюро горкома партии. Вопрос обсуждали не простой—о работе редакции газеты «Старорусская правда». Уточню сразу — о плохой работе. Решением бюро горкома главный редактор этой газеты Г. М. Андреева была освобождена от занимаемой должности.

Слова о своем увольнении с работы Г. М. Андреева слушала, едва сдерживая слезы. Но что же привело к этому?

Если коротко, то полное несоответствие газеты и ее руководства требованиям сегодняшнего дня.

...Собираясь в Новгород, мы не знали о том, что станем свидетелями этих событий. С заведующим отделом партийной жизни газеты «Новгородская правда» Русланом Дериглазовым мы оказались в Старой Руссе. На заседании бюро горкома его просили выступить с подробным анализом работы газеты. По пути в Старую Руссу мы старались говорить о пустяках — Руслан не скрывал, что очень волнуется.

— Я даже побаиваюсь,— признался он накануне.— Ведь это похоже на речь прокурора в судебном заседании?

— Не прокурора, а эксперта,— заметил я.

— Не все ли равно? В любом случае трудно будет говорить — коллеги ведь. Но говорить нужно. Все как есть. «Старорусская правда» — газета без активной гражданской и партийной позиции. Два года назад редакцию уже предупреждали об этом, приняли даже постановление бюро горкома партии. Было время для того, чтобы сделать выводы, изменить методы и стиль работы. Но, увы, все на прежнем уровне.

Сейчас и вовсе дошло до крайности. Газета занимается имитацией активности. Сообщает, к примеру, о каком-нибудь недостатке, затем шесть—восемь раз возвращается к этому лишь для того, чтобы констатировать: ничего не изменилось, все по-старому. Другими словами, газета расписывается в том, что с ней никто не считается!

Много нелестных слов о работе «Старорусской правды» услышали мы на том заседании бюро горкома. Здесь и раздутые, никогда не выполняемые планы отделов, и отсутствие деловых контактов с партийными организациями города и района, и недоверие главного редактора к тем журналистам в коллективе, кто не обделен талантом. А в итоге — работа по старинке.

— В областной газете в свое время публиковались мои обзоры о работе этой газеты. В них я указывал коллегам на ошибки, давал конкретные рекомендации,— сказал Руслан Дериглазов, когда мы вышли из здания горкома.— Но вместо того, чтобы прислушаться к ним, на меня обижались, говорили, будто я писал это по чьей-то указке. Никаких спецзаказов! Просто брал подшивку «Старорусской правды», видел там каждый раз одно и то же... Теперь же чувство такое, будто беда произошла не с кем-то, а со мной. Надеюсь, в будущем дела в газете пойдут лучше, но пока этого сам не увижу, успокоиться не смогу.

...Позже мы узнали, что главный редактор «Старорусской правды» (теперь уж бывший) просила дать ей возможность доработать в этой должности до пенсии. Так вроде бы всегда было принято. Но вот незадача: не можем мы сегодня позволить себе иметь пассивную печать. Ни года, ни дня! Эти слова звучали во всех выступлениях членов бюро Старорусского горкома КПСС.

По дороге в Новгород я просматривал записи выступлений: о действенности газеты, о гласности. И удивился, вспомнив реакцию председателя горисполкома на мой вопрос. Ведь он тогда засомневался в том, стоило ли обсуждать вопрос в присутствии двух корреспондентов из «Огонька». Ни в коей мере не хочу бросить тень подозрения на всеми уважаемого человека, но в данном случае, как мне кажется, проявился достаточно характерный для нашего времени феномен. Говоря о гласности, еще многие нет-нет да и подумают: «А не многовато ли ее, гласности этой?» И посещает эта мысль не только тех, кому есть что скрывать, но и людей честных, достойных. Объяснение этому явлению — сложившийся за определенный период времени стереотип мышления по принципу «как бы чего не вышло».

На следующий день я спросил у Руслана Дериглазова: что он думает об этом?

— Помогать надо людям от стереотипа избавляться. Все той же гласностью и помогать. И тут уж, как говорится, кто, если не мы? Никогда, пожалуй, не было так велико доверие

ГОДА, НИ ДНЯ!

людей к прессе, как сейчас. И что характерно: многие из тех, кто еще совсем недавно, как чумы, боялся критических выступлений газет и журналов, изменили свое отношение к подобным выступлениям, поняли, что пресса в этих случаях вовсе не расправы жаждет, что она союзник, помогающий бороться с негативными явлениями. И самое приятное лично для меня, знаете, что? Встречаться с людьми, это понявшими.

Подробнее об этом нам рассказали другие сотрудники «Новгородской правды». Вот лишь один пример.

В августе прошлого года Р. Дериглазов работал в должности корреспондента отдела промышленности. Он опубликовал тогда в «Новгородской правде» свою статью «Драма без действия», в которой рассказал о хроническом застое в строительстве городского театра драмы. Назвал виновных, в том числе ряд партийных и хозяйственных руководителей областного центра. По этому материалу было принято постановление бюро обкома КПСС, в котором всем «отличившимся» было роздано по заслугам, невзирая на чины и звания. Каково же было удивление одного из корреспондентов «Новгородской правды», приехавшего на строительную площадку спустя некоторое время, когда его спросили там: «Почему вы, а не Дериглазов?» «А вы хотели бы, чтобы вместо меня он приехал?» «Конечно». «Но ведь он критиковал вашу работу». «Правильно критиковал. После этого дело у нас и пошло».

Нужно сказать, что Руслан не хотел стать героем нашего репортажа:

— Смилуйтесь, напишите лучше о ком-нибудь другом. В редакции много более опытных журналистов, которые пишут на интересные и острые темы. Да и некогда мне, совершенно некогда...

Пришлось идти за поддержкой к редактору.

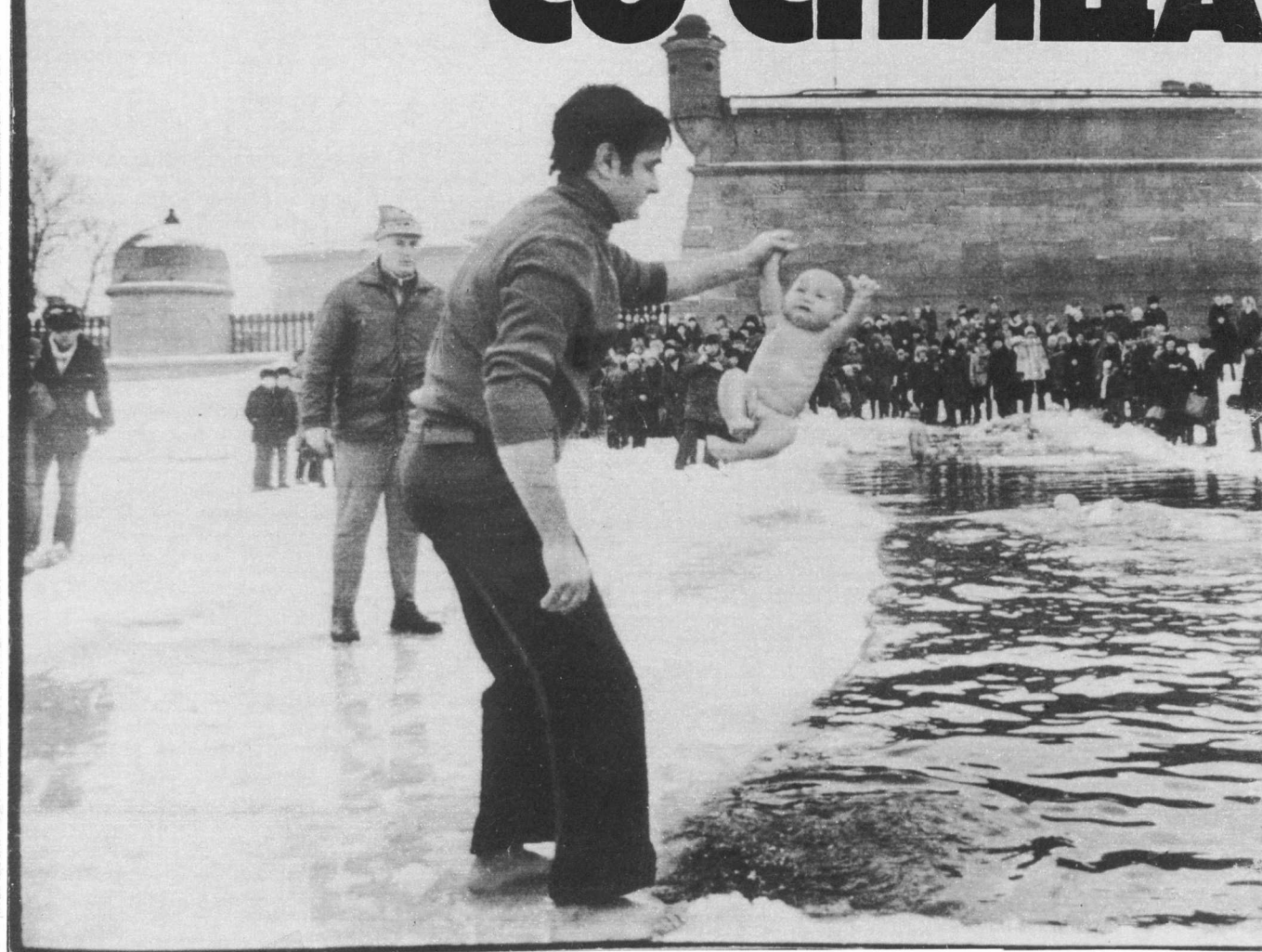
— Руслан, мы знаем, что за два года работы в «Новгородской правде» по целому ряду ваших публикаций принимались конкретные и эффективные меры. Это, конечно, не может не вызывать у вас чувства удовлетворения. А были ли случаи, когда вам помешали сделать то, что вы считали необходимым?

— В этом году не пошел мой материал об Акуловском целлюлозно-бумажном комбинате. Это предприятие—рекордсмен по загрязнению окружающей среды. Загрязняет оно в равной степени и воду, и почву, и воздух. Оборудование древнее, установлено в начале века. Поэтому и очистные сооружения там можете себе представить какие... Около года назад это предприятие уже закрывали, вернее, пытались закрыть, ибо и по сей день оно работает, отравляя все вокруг. Выходит, в этой ситуации Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР, которому оно подчиняется, оказалось хозяином положения, сильнее многих других инстанций, сильнее газеты.

Скверным, заметим, оно оказалось хозяином, хотя и могущественным, потому что не станет хороший хозяин губить землю, на которой живет.

Вместе с Русланом мы побывали на нескольких предприятиях и в учреждениях Новгорода, стараясь не мешать работе нашего коллеги. В каждом случае обращали внимание на то, какую реакцию вызывает у руководителей визит корреспондента.

В целом эти наблюдения подтверждали предварительную оценку положения дел в том или ином месте. Там, где руководство и коллектив стараются жить и работать по-новому, это были встречи единомышленников, делающих общее дело. В других же случаях обращала на себя внимание настороженность: как бы не узнали чего лишнего...

В «БИОПОЛЕ»... СО СПИЦА

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
соб. корр. «Огонька»

Гуляя в морозное воскресенье по набережной Невы, увидел я толпу на льду возле Петропавловской крепости. Густую, взволнованную. Не иначе, думаю, кита рыбаки из лунки выловили. Или белый медведь из соседнего зоопарка сбежал — купается. Купался не медведь. Купался человек. Точнее, человек трех месяцев от роду.

 если еще точнее — Мохов Дмитрий Сергеевич. Принесла его мама к проруби, тепло укутанного в шубу, развернула на морозе и передала в руки невысокого темноволосого мужчины, стоявшего у дымившейся на морозе воды. А он его, не долго думая, за руку и в эту самую воду!

Толпа, конечно же, ахнула. И зашумела. Одни шумели, что это варварство и надо вызывать милицию, потому как про такое даже в журнале «Здоровье» ничего не написано. А другие шумели одобрительно и милицию вызывать не советовали, утверждая, что налицо не варварство, а добровольный научный эксперимент, никак на правонарушение не похожий.

И пока они так спорили, мама и папа Леоновы принесли к проруби следующего мальчика — Женю, тоже трехмесячного. И так же его окунули. Вслед за мальчишками настал черед дамы, пятимесячной Ксении Лужбиной.

Тогда-то я и достал фотоаппарат. И стал снимать все подряд, боясь, что на слово мне никто не поверит. Один из снимков вы и видите на странице журнала. Он подлинный, так же как и диалоги, которые я вел с родителями Димы и Жени.

Впрочем, до диалогов я потолкался в толпе, пообщался с окружающими. И выяснил, в частности, что посторонних вроде меня здесь не так уж и много. Много тех, кто давно и хорошо знает друг друга, так или иначе относясь к славному отряду ленинградских моржей, а точнее, к клубу «Невские моржата».

Клуб этот в Ленинграде довольно известен и цели ставит перед собой благородные — помогает родителям правильно закаливать детей, чтобы, избежав простуд и прочих типичных для младых лет болезней, росли они крепкими, умными и здоровыми.

Купание в ледяной воде для членов клуба не самоцель, а итог достаточно кропотливой и длительной работы, начинается которая с общеизвестных рецептов—дружбы со свежим воздухом, русской баней, обтираний и т. д. Лишь после этого ребенок считается подготовленным для того, чтобы пробежаться босиком по снегу, а тем более окунуться в ледяную воду. Подчеркиваю — окунуться, ибо в отличие от взрослых, иногда удали ради даже чаи распивающих голышом на льдине, пребывание детей в воде по времени строго ограничено.

Веселые, жизнерадостные, кто с визгом, кто со сдержанным достоинством, один за другим плюхались они в студеную Неву. И все же после грудных детей это купание (тоже, по сути, сенсационное) воспринималось уже как нечто само собой разумеющееся.

Ну, а с какой целью окунают младенцев?

Юрий Леонов, кровельщик:

— У нас вся семья увлекается зимним плаванием. Семья — это не только я и Лена (она учительница в школе), но и теща Альбина Сергеевна Климова, вторая ее дочь, Наташа, Наташин муж Константин.

Так что когда родился Женя (27 де-

кабря 1983 года), вопросов не было. Первый раз окунули в Неву, когда ему исполнилось всего две недели. В пользе столь раннего начала убеждены.

Сергей Мохов, пятикурсник ЛЭТИ имени В. И. Ульянова:

— Сам я купаюсь не очень давно... Оля (учится на филфаке ЛГУ) пока только собирается. Дима у нас родился 14 декабря 1983 года. Какой был вес? 3.200. Отличный растет парень. А купается уже два месяца.

Ксения Викторовна Лужбина сейчас является самой опытной среди малюток. Папа — член правления клуба, имеющий более чем двадцатилетний личный стаж моржевания, агитатор за это дело просто-таки яростный. Даром убеждения обладает несомненным, и, собственно, этот дар, равно как и личный пример Ксении, послужил, как я понял, одним из самых весомых аргументов для рисковых пап и мам. Сейчас в клубе купаются шесть грудничков, готовятся (проходя по имеющейся методике стадии предварительного закаливания) еще трое.

Ну, а как ко всему этому относится официальная наука?

Примерно как к инопланетянам. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление после разговоров с членами клуба «Невские моржата». Единственно, кто пока всерьез заинтересовался ребятами,—кафедра детских болезней Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова.

В прошлом году, весной и осенью, здесь обследовали 45 детей. Каковы же итоги?

Преподаватель академии Е. А. Волгарева, с которой я беседовал, вполне логично воздерживается от категорических выводов. Воздерживается хотя бы потому, что, обследуя «готовых» моржат, ученые не имели данных об их состоянии до начала закаливания, а следовательно, не могли достоверно сравнивать, какими они были и какими стали. «Пока ясно, что ослабли проявления аллергических состояний»,— уточнила Елена Анатольевна.

Спасибо военным медикам за то, что они сделали хотя бы первый шаг. Однако замечу, что в числе этих 45 детей не было нынешних малюток. Не могло быть, так как тогда они попросту еще не родились.

Но вот и родились, и уже купаются, опровергая все привычные представления о возможностях детского организма. Купаются не где-нибудь в затерявшемся среди горных круч Тибета селении, а в центре огромного города, где на каждого из этих малышей приходится по многу высококвалифицированных медицинских работников, в руки которых, казалось бы, сам просится воистину уникальный материал.

А его не замечают. Или не хотят замечать? Что это — равнодушие, леность ума, недоверие к очевидному? Во всяком случае, не незнание — о «Невских моржатах» не раз сообщалось в местных газетах, купание самых маленьких недавно показали по телевидению.

Так хорошо это или плохо — столь раннее закаливание? Быть может, это и в самом деле панацея от многих возможных детских болезней? А если наоборот? Иммунная система организма — слишком тонкий инструмент, чтобы без особой нужды подвергать его подобным встряскам. Как они отзовутся через пять, через двадцать лет?

Вопросы, вопросы, вопросы... И пока светила с научного небосклона определяют свое отношение к происходящему, в толпе, окружающей прорубь, загадочно хмурит бровки бабушка-одуванчик с вязальной спицей в руках. Спица изогнута под углом в 45 градусов и зажата в кулачке. Бабушка протягивает руки к проруби и задумчиво бормочет: «Четыре... восемь... одиннадцать... шесть...»

Что она делает? Спросил, и самому неловко стало — с таким искренним изумлением посмотрели на меня скопившиеся вокруг старушки люди. Наконец один, молодой и бородатый, снисходительно объяснил: «Биополе меряет... Сколько раз спица повернется вокруг оси — такая сила... Вы вообще про лозоходство чего-нибудь слышали?»

Слышать-то слышал. Но какое отношение имеет к нему эта трепыхавшаяся в пожилом кулачке спица? До проруби метров десять, кругом полно народу — откуда уверенность, что именно «моржовое», а не чье иное «поле» замеряет она? И почему никто из собравшихся вокруг бабули членов руководимого ею «кружка биоэнергетики» не сообразит, что не тайные силы, а изрядный невский ветерок и мелкая дрожь старческой руки заставляют двигаться спицу? Не смущает их даже очевидная глупость показаний этого «прибора» — судя по ним, некоторым из взрослых моржей ввиду крайнего нездоровья уже не имело смысла и вылезать из Невы.

И смешно, и грустно, и... закономерно. Там, где отмалчивается наука, немедленно выползают на свет любители всякой чертовщины, беззастенчиво спекулирующие на святой человеческой вере в чудеса.

Но их истины ради надо изучать. К сожалению, рассказанная выше история лишний раз подтверждает, что к оперативному исследованию некоторых выходящих за рамки привычного явлений наши научные силы, увы, не всегда готовы.

В отличие от старушки, измеряющей биополе вязальной спицей...

...Наблюдательный читатель, наверное, обратил внимание на некоторое несоответствие дат — грудничками автор называет детей, родившихся в 1983 году.

Однако это не ошибка: описываемая встреча с «Невскими моржатами» относится к зиме 1984 года. Почему же материал этот появился только сейчас? По причине, вполне объективной: увиденное купание двух-трехнедельных крох в морозный, ветреный день произвело на меня настолько ошеломляющее впечатление, что я попросту не рискнул привлечь массовое внимание к этому бросающему неподготовленного человека в дрожь эксперименту. Подумалось: а, ну как кто-нибудь из молодых родителей, прочитав и не дожидаясь авторитетного заключения медиков, тоже решит последовать этому примеру? Самолечение, к сожалению, стало опасной модой, и мне лично не хотелось бы, даже косвенно, рекламировать столь необычное начинание ленинградского клуба.

Вот почему, отложив написанное в долгий ящик, стал дожидаться, когда подрастут упоминавшиеся младенцы и когда определятся со своей позицией представители медицины.

Ребятишкам нынче по три с лишним года. По словам родителей (места их работы, учебы, естественно, тоже изменились), растут жизнерадостными, крепкими. По словам В. Н. Лужбина, взявшего на себя руководство «Невскими моржатами», «крещение» ледяной купелью за эти три года прошло уже около ста (!) грудных младенцев.

— Наладились ли контакты с учеными? — спросил я.

— С самого начала нас курируют представители Военно-медицинской академии,— ответил Виктор Николаевич.— Наш опыт раннего закаливания изучали Е. Волгарева (сейчас она сотрудник педиатрического института), заведующий кафедрой профессор А. И. Клиорин.

Звоню профессору Клиорину.

— Наши наблюдения за детьми из клуба отражены в статье «Экстремальные холодовые воздействия на организм ребенка», опубликованной в книге «Гипокинезия растущего организма и ее коррекция» (Ташкент, 1983 г.),—ответил Александр Ильич.— К сожалению, с 1984 года мы не имеем возможности для дальнейшего регулярного наблюдения за детьми, так как тов. Лужбин от этого уклоняется, предпочитает письма и телефонные разговоры. Что касается грудничков, то мы в свое время обследовали только Ксению Лужбину. В ее развитии и состоянии здоровья нарушений не обнаружено.

Ну, а как остальные дети, родившиеся в 1984, 1985, 1986 годах?

Увы, за минувшие годы ничто, похоже, не изменилось. Официальная медицина по-прежнему не одобряет чрезмерный оптимизм энтузиастов сверхраннего закаливания, ну, а энтузиасты, в свою очередь, прекрасно обходятся без благословения официальной медицины, вербуя (и не безуспешно) новых сторонников в свои ряды.

В отвлеченных спорах, взаимной неприязни взрослых потеряно уже несколько лет.

Страшно, если потеряны будут идеи...

МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

Практически все или почти все сенсационные факты и рекомендации, приводимые на страницах массовой и популярной печати, относятся к одному классу явлений. Этот класс называется паранаукой. Врачу трудно ориентироваться в огромном множестве направлений, которые возникают стихийно или полустихийно. Здесь и отдельные школы или секты питания, культы тех или иных видов гимнастики или йоги, клубы моржевания просто или моржевания совместно с голодом и... молитвой. Иногда импульс для жизни этих школ или движений дают начинания достаточно интересных, оригинальных исследований. Но все-таки большая часть стихийных энтузиастов здоровья основывается в своих поступках отнюдь не на научных рекомендациях.

Медицинская наука в современном ее виде остается наукой о болезнях, их распознавании, методах лечения и только в малой степени — их предупреждения. Сегодня же должна создаваться медицина здоровья. То есть наука о формировании здоровья человека и его сохранении на максимально продолжительный срок. Именно ее отсутствие и является причиной того, что люди начинают самостоятельный, иногда очень смелый и всегда в той или иной мере рискованный поиск своих путей к здоровью.

В исследованиях, которые касаются образа жизни, доказательными могут быть только сотни строго организованных, объективно проводимых наблюдений, при длительности не менее двух-трех поколений. Не имея таких исследований, врачи, естественно, не могут поддерживать деятельность многих клубов здоровья, ориентированных на крайние методы.

Что касается моржевания, то, по данным ученых, охлаждение детей в первые недели и месяцы их жизни в 25 процентах случаев приводит к летальному исходу. Известно, что любое экстраординарное воздействие на ребенка заставляет его организм напряженно адаптироваться к такому воздействию, на что тратится много сил. В результате замедляются и качественно изменяются его развитие и созревание. Купание в проруби, обливание ледяной водой не предохраняют детей от опасных инфекций. Более того, переохлаждение делает течение многих заболеваний более тяжелыми, видоизменяет симптомы, что, разумеется, затрудняет постановку диагноза и лечение.

Таким образом, родители, окунающие своих детей в прорубь, ставят сомнительный эксперимент, подвергают их жизнь опасности и рискуют встретиться с самыми непредсказуемыми последствиями.

Нет никаких сугубо универсальных советов, которые можно было бы дать большой группе людей. Исключением является, конечно, элементарная личная гигиена. Во всем остальном люди поразительно различны и требуют обязательного индивидуального подхода в организации всех моментов жизни, в том числе питания, движения, закаливания и т. д. Беда всех самодеятельных школ именно в их тяге к поиску и открытию панацеи от всего и для всех. Это бесперспективно и несерьезно. И особенно плохо, когда новоявленных изобретателей подобных панацей начинают поддерживать средства массовой информации. Не могу назвать это иначе, чем инфантилизмом представителей печати, непониманием вреда, который они приносят людям. С другой стороны, нам нужно активнее заниматься проблемами науки о здоровье и, может быть, организовать какое-то количество групп или лабораторий по этим исследованиям в НИИ или медицинских институтах.

И. ВОРОНЦОВ,
главный педиатр Главного управления здравоохранения исполкома Ленсовета, доктор медицинских наук, профессор

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

СВОЙ ПУТЬ У КАЖДОГО ТАЛАНТА

— У нас нет литературы «учителей» и литературы «учеников». У нас есть единая многонациональная советская литература, подлинное соревнование талантов. Ее сравнивали и с обширным плодоносящим садом, в котором множество видов растений, и с большой рекой, создаваемой множеством отдельных рек, в ней сливающихся, и с горным массивом из разных по возрасту, высоте и форме горных цепей и вершин...

Корреспондент «Огонька» ведет беседу с секретарем правления Союза писателей СССР, известным критиком и литературоведом, автором книг «В лабиринте ревизионизма», «Необходимость диалектики», «В 70-е и сегодня» Ю. И. СУРОВЦЕВЫМ. Более тридцати лет он занимается проблемами развития наших национальных литератур, в том числе и русской, проблемами теории литературы, эстетики, социологии культуры, ведет он и большую организационно-координаторскую работу по линии СП СССР.

— Мне кажется, Юрий Иванович, точно и образно сказал об этом Константин Симонов, он назвал наши литературы «системой сообщающихся сосудов».

— Да, это так. В каждом из образов-сравнений есть истина. Точнее, своя доля истины, ведь говорят, что всякое сравнение хромает. По мне наиболее верное сопоставление — с большой семьей, дружной и многоликой... Что же касается образа большой реки с многочисленными притоками, то он лишь частично подходит. Уже отмечалось, что воды большой реки, образуемой из вод притоков, поглощают их собою, ну, а наши литературы своеобразными были, и остаются, и останутся, и каждая социалистическая национальная культура, каждая литература с ходом нашей общей жизни не нивелируется, ни в чем не «растворяется», ничем не «поглощается», а, напротив, раскрывает — в общей работе — свои возможности, все новые потоки рождает, каждая литература — в одной семье живя — куда больше приобретает, чем теряет. Да и теряет она (должна терять, на благо себе избавляться!) то, что отживает свой век, национально-консервативное и национально-развитое противоречат друг другу.

— В басни о «русификации», распространяемые антисоветчиками-пропагандистами, мало кто уже верит и на Западе, во всяком случае, из тех, кто хоть немного знаком с нашей жизнью, не так ли?

— Да, из тех, кто знаком... Но сколько еще на Западе незнания нас, нашей культуры! Как, многолико и беззастенчиво хитря, лгут о нас антисоветчики! И как сложно, трудно бывает поэтому прорваться здоровой, честной информации о нас к западной общественности — правде и о советской политике мира, и о советской культурной политике. Если же иметь в виду сколько-нибудь рациональную аргументацию, то антисоветчикам на Западе с этим туго приходится, конечно, но с тем большим усердием разжигают они национализм как темную силу, противостоящую классовому сознанию трудящихся масс, проповедуют национализм как якобы естественное состояние психики личностей и психики народов, и вот еще поэтому не устают наши противники порочить социальный строй и культуру нашей страны, где господствует «чувство семьи единой», по крылатому выражению поэта, и где всякий национализм, всякий шовинизм поставлены вне закона. Я думаю, что «советологи» и сами не верят ни в «русификацию», ни в «мусульманизацию», не верят, потому что знают истинное положение вещей (за это знание им деньги платят), но, не веря, все же лгут, потому что хотят напугать нас и расколоть, а «своих» — отвлечь от собственных социальных дел (за что антисоветчикам платят в первую очередь и более всего...).

Национальные проблемы приобретают все большее многообразие в современном мире, национальные чувства по всей земле поднимаются и бушуют — и в целом-то, в общем балансе поднимаются они против империализма, это обстоятельство империалистическая идеология и пропаганда, конечно, учитывают.

Так вот, о сегодняшнем, именно сегодняшнем уровне взаимосвязей наших национальных литератур. Сегодня он высок, интенсивен, как никогда. Действует с отдачей, которая соответствует той степени интернационализации, что характеризует всю нашу общественную жизнь. У нас равенство литератур не только, так сказать, юридическое, но заработанное практикой, авторитетом их реального творческого опыта, особенно в последние десятилетия.

Это факт.

Но и другое, противоположное развитию, взаимообогащающему движению вперед,— тоже факт. Застойные явления в нашей хозяйственно-экономической, общественной, идейно-нравственной жизни, тенденции, не только не совместимые с движением вперед, но толкающие назад,— это ведь и в культуре нашей, в литературно-художественной деятельности, в работе организаций культуры и творческой интеллигенции было и не исчезло. В области межнациональных отношений слабости и недостатки идеологической, воспитательной работы драматически выявились в известных алма-атинских событиях конца прошлого года. Тоже неожиданно? Да, в определенном смысле. Привыкли употреблять верные слова об интернациональном единстве, дружбе и братстве народов, о том же «чувстве семьи единой», о «планете ста языков», как называют Казахстан, всуе, до обветшалой бездумности их доводя, не обеспечивая их постоянной, повседневной работой и скрупулезным знанием дела на том или ином конкретном участке. Интернациональное воспитание, как и вообще воспитание, не терпит суесловия, а суесловие это самое ведь было, весьма широко «функционировало» на рубеже 70—80-х годов, да и до сих пор не исчезает. В литературе тоже. Декларативно все сплошь у нас интернационалисты. Но, глядишь, то в ином историческом романе чувство гордости автора за своих предков не сливается воедино с объективностью анализа, и потому это чувство гордости, святое и справедливое в принципе, «незаметно» превращается в данном разе в чванливость, которая, помимо прочего, вредна и тем, что отгораживает один, «свой» народ от иных, «чужих». То вдруг прочтешь в сугубо ученых вроде бы статьях, что «патриотизм» будто вне социальных «измерений» существует, что он только и всецело «национален», и даже обкорнать ленинские цитаты или цитаты из материалов XXVII съезда партии считают незазорным во имя «доказательства» этого и подобных утверждений. А еще, увы, не исчезает из литературы, из поэзии особенно, бездумное, неоригинально-стандартное, псевдогражданское и псевдопатриотическое лепетание о родине— общие слова, общие места; к таким стихам привыкли, их суесловности часто не замечают ни пишущие, ни печатающие их (имя же и тем, и другим легион), а ведь такое строчкогонство приносит вред, оно скользит по сознанию читающих, вызывая скуку, но и не только скуку — и отталкивание уже не просто от ординарных слов, но и от необходимых, подлинно патриотических, по-советски патриотических, по-социалистически интернационалистских мыслей и чувств.

Понятно, что не на одну литературу падает вина за недостатки действенного воспитания интернационально-патриотических (вместе, в единстве!) чувств. Но и на нее тоже.

— Тем не менее от общей положительной оценки сегодняшнего уровня литературных взаимосвязей и вообще современного творческого опыта вы не откажетесь?

— Нет, не откажусь. В отличие от иных своих коллег я не думаю, что «серый поток» залил у нас все и вся, что «читать в журналах нечего» и т. п. Не думаю, что серости в литературе 80-х пропорционально больше, чем в 70-х, или в 60-х, или в 50-х, или в 30-х и 20-х; растет непримиримость к серости — это очень хорошо. Иногда это неприятие конъюнктурности, парадно-глянцевого «благополучизма» склонно преувеличить их размеры — тоже не беда. Но вот пугать тем, что вокруг все плохо (можно ли добиваться лучшего, не опираясь на хорошее, что было и есть?),—это негоже. Замечу, что возможность «приспособить» перестройку к личным амбициям, стремление выделиться не трудом, а криком о том, что все вокруг плохо работают,— это явление, увы, тоже не исчезающее из нашей жизни, в том числе из жизни литературной, оно родилось задолго до времени перестройки и ныне ей мешает весьма сильно.

Между тем...

Просмотрите центральные журналы за прошедший год. Какое заметное движение, например, прозы в них происходит! Имею в виду не только «возвращение в строй» таких произведений, как роман А. Бека «Новое назначение» или замечательную повесть Андрея Платонова «Ювенильное море», нашедшую тонкую интерпретацию в статье критика И. Борисовой в январской книжке «Нового мира» за этот год. Я говорю о новинках! «Серости», слабых вещей, конъюнктуры (уже нового толка) тоже немало печаталось в 1986 году. Однако требовательность выросла, и нынче такие произведения не на авансцене. Что же до мечтаний, чтоб вообще слабых произведений не было или чтоб их вообще не печатать...

— Несбыточная мечта?

— Нереалистическая, лучше сказать. В литературе обеспечить «госприемку», пожалуй, еще трудней, чем в области материального производства. Тут не подогнать всех под один одинаково высокий уровень требований, тут и требовать, по-моему, надо иного. Два, собственно, требования наиболее актуальны: первое — работай с максимально возможной (для тебя, автора) отдачей, то есть не халтурь, не спеши во имя спешки, не давай себе поблажек; и второе — следует обеспечить условия подлинной соревновательности талантов.

Думаю, что журнальная проза 1986 года, скажем, к таким условиям приблизилась.

— Ну, а конкретно, какие произведения последнего времени повлияли или могут повлиять, по вашему мнению, на развитие всей нашей литературы? И из-за чего: из-за актуальной темы, художественного качества, авторитета авторского имени? И еще вопрос: какие, на ваш взгляд, жанры обладают сейчас наибольшим коэффициентом воздействия? Не исторический ли роман, как вы думаете?

— Не будем оперировать понятием «последнее время»: оно и слишком широко, и слишком неопределенно. Возьмем некоторые центральные журналы, например, «Дружбу народов», «Октябрь», «Наш современник»... Новые прозаические произведения М. Карима, В. Мартинкуса, М. Слуцкиса, Ю. Мушкетика, Р. Киреева, М. Ганиной, Б. Екимова, В. Конова, С. Есина, О. Попцова, С. Алексеева, а также повести К. Воробьева

и В. Тендрякова, не увидевшие, увы, света при жизни авторов, но написанные будто сегодня,— разве это проза не подлинно серьезная, нужная и честная? Во всяком случае, для меня это так. Я назвал только часть опубликованного в этих журналах, да и почему бы ими ограничиваться. Вот недавно прочитал (скоро появится в «Дружбе народов») роман Виктора Козько «Сад»— глубокоэмоциональный, значительный и оригинальный по художественно-эстетическому исполнению. А если принимать в расчет книги, романы и повести, миновавшие ступень журнальной публикации, тут из недавнего своего круга чтения хотел бы выделить несколько романов азербайджанских (Чингиза Гусейнова, Юсифа Самедоглу, Эльчина...) и роман А. Курчаткина «Вечерний свет». Это, повторяю, сегодняшняя по остроте проблематики и исканий в области формы проза. Искания идут сейчас, как говорится, от Балтики до Тихого океана...

— Но вы не называете почему-то ни Белова, ни Айтматова, ни Астафьева, ни Гранина...

— Минуточку терпения! «Зубр» Гранина, который сейчас и по заслугам широко читается,— это 1987 год. Из всего ряда журнальных прошлогодних публикаций я бы выдвинул на авансцену всей нашей прозы «Карьер» Василя Быкова и «Плаху» Чингиза Айтматова. Роман «Все впереди» В. Белова к удачам этого талантливого писателя не отнесешь, даже если очень того захочешь, а вот новые произведения Быкова и Айтматова, по-моему, истинно значительные. Они, я уверен, окажут серьезное воздействие на нашу многонациональную литературу — совсем не в том смысле, что им будут подражать в теме или форме построения. Сверять будут себя, свою работу с их высотой — вот на что надеюсь. Тут я несколько расхожусь с Дм. Ивановым, писавшим в «Огоньке» об этих произведениях более сдержанно. Я же хотел бы видеть «Плаху» и «Карьер» именно влиятельными для всей нашей прозы.

Что же касается «Печального детектива» Астафьева, то я, подобно другим критикам, вижу характерность, в добром смысле слова злободневность и в добром же смысле слова публицистичность этого незаурядного, оригинального произведения, этого крика души (и писательской, и нашей — сумел «заразить»!), взыскующей добра и не приемлющей зла, разных и многих кровоточащих нравственных зол. Сильно действующая, по-моему, книга, где публицистичность идет в общем-то во благо художественному «заражению» (жаль, что в иных, непосредственно публицистических, уже не в прозе своей, а прямо «от себя» высказываниях В. Астафьев позволяет себе, бывает, раздражительность неправедную и суждения обидно несправедливые...).

Публицистичность — не только в очерковой нашей литературе, где она доказала свою общенародную значимость давно, а ныне тем более широко развивается в тематических областях самых разных, и «внутренних», и «зарубежных»,— нет, я имею в виду публицистичность как одну из коренных стихий нынешней прозы, естественно сливающуюся с пластическими и психологическими средствами изображения,— такая авторская публицистичность, что и доказывает опыт «Пожара» Распутина, «Грядущему веку» Маркова, «Печального детектива» Астафьева, «Плахи» Айтматова, есть плодотворная творческая стихия, она приумножает возможности нашего реализма, многогранно-правдивого художественного воссоздания действительности. В целом — приумножает. Оговорка не напрасна, потому как авторская публицистичность бывает и не на пользу делу,— излишне велеречивой, как, например, у Проханова случается.

Или мелковато-поверхностно трактующей то или иное жизненное противоречие, как вышло в романе Белова, и уж совсем плоско в «антимосковской» повести А. Астраханцева «Развилка»... Но в целом, повторяю, публицистичность приумножает и правдивость, и действенность нынешней прозы, она важный элемент едва ли не во всех жанрах, темах, видах творчества. Мы требуем активизации человеческого фактора, перестройки не в одной экономике только — в сознании и поведении людей, умах и душах людских. Но именно искусство — как оно может активизировать человеческую душу? В жизни все связано друг с другом и в душе — тем паче, она вовсе не отдельные «полочки»: тут — разум экономический, рядом—социальное сознание, чуть ниже — потребности житейские, а выше — потребности в переживаниях более одухотворенных... Нет, искусство, овладевая нами, «заражая» нас, как любил говорить Лев Толстой, действует универсально, открывает во всех областях жизни, во всех предметах, за которые берется, нравственные их «подтексты». Не прагматической односторонности, но универсальности, я думаю, требует от искусства наше время. От лирики до исторической романистики, которую хвалят и которая действительно развивается сегодня интересно и повсеместно.

— Почему это так, Юрий Иванович? Чем вы эту повсеместность объясняете?

— Есть огромная — у всех советских народов — жажда понять смысл своего исторического «прорастания» из прошлого в настоящее. Благое патриотическое это движение составляет объективную основу бурного роста исторической романистики, исторической поэмы, исторической драмы как в литературах, где традиционно сильна «историческая тема», так и в литературах новописьменных. В этом большом потоке возникает, как говорится, и пена: необъективно самолюбивые изображения «своего» как лучшего потому только, что оно свое; альковное освещение исторических фактов и фигур (на потребу неразвитому, с такой именно стороны интересующемуся «историей» читателю); отступления от классового анализа тех или иных исторических ситуаций, что лишает или по крайней мере снижает и психологическую убедительность изображаемого. Пена эта, увы, тоже бывает популярной. Но основной поток историко-художественной литературы нашей — и русской, и украинской, и грузинской, и казахской, и эстонской, и башкирской, и бурятской, и т. д.— это все литература интернационалистская, литература социальной и национальной объективности (включающей и национально-историческую самокритику). Это относится к изображению далекого прошлого и близкого прошлого. Нам очень важно быть классово страстными и гуманистически проницательными в изображении исторически новаторского и сложного опыта нашей советской истории...

— А из произведений именно советской исторической тематики, которые имели бы актуальный, а не только исторический смысл, какое вы назвали бы в первую очередь? Из произведений, понятное дело, «последнего времени», не уходя далеко от нынешнего года...

— Роман Сергея Залыгина «После бури» — произведение очень интересное, сложное, многомерное. Роман белоруса Ивана Шамякина «Петроград — Брест»... Драматургия Михаила Шатрова...

— Заметьте, Юрий Иванович, вы оперируете — по крайней мере здесь, в нашей беседе — именами писателей известных. Ну, а где же «звезды» среди молодых? Не слишком ли долго «подают надежды» на всесоюзный интерес те авторы, что помоложе? К тому же, как я слышал не раз в писательской среде, общение друг с другом нынешних «сорокалетних», тем паче «тридцатилетних» писателей, живущих в разных республиках, менее активно, а знание их друг друга меньше, чем у писателей старших поколений. Так ли это, и если да, чем это объяснить?

— Если я буду здесь оперировать именами менее известных писателей, то придется давать те самые «списки», которые говорят что-то специалистам, но только им. И потом не будет ли справедливо считать так: у каждого таланта свой путь к положению всеми видимой яркой звезды. Вспышки «сверхновых» возможны и в литературе: Вознесенский и Евтушенко «вспыхнули» сразу, вызвав своими «излучениями» у одних восторг, а у других — резь в глазах. Ну, а большинство русских поэтов «военных поколений» разгоралось постепенно. Быстро и уверенно вошли в современную прозу Бакланов, Бондарев, а у их младших собратьев — за исключением, пожалуй, Распутина — был иной шаг, иная походка. В иных национальных литературах было так, в других — эдак, во всех — по-своему. Тут, я думаю, опасно обобщать. «Звезды» среди молодых есть. Во многих республиках — признанные. Сдвигаются в сторону увеличения возрастные границы молодости литератора. Вот что верно для всех республик. Процесс, как теперь говорят, неоднозначный. Он связан с увеличением объема учебы молодых людей, в тех или иных ее формах. А где учеба, там ученичество,— оно длится ныне больше, чем прежде. Приобретение общественно значимого, жизненного опыта растягивается на годы и годы, и потому дата реального начала профессиональной литературной работы молодого литератора поздняя. К тому же еще — это уж безусловный минус, о котором немало говорилось на VIII съезде писателей, — дата первой публикации, совсем не по вине молодого автора, сплошь и рядом задерживается. Как тут — в ситуации существующего сурового издательского дефицита (а издательства не хотят рисковать, у них строгий план, у них зависимость от книготорга, им не хочется «теснить» более маститых и т. д.), как тут разгореться «звезде», не вспыхивающей, а постепенно силу набирающей?

Другой ваш вопрос, касающийся взаимоотношений писателей молодых, живущих в разных республиках, тоже не имеет однозначного ответа. В разных республиках накоплен разный опыт укрепления и развития связей между писателями — у кого больший, у кого меньший. Я бы сказал, что в целом «сорокалетние» писатели любой национальности знают широкий спектр многонациональной нашей литературы лучше, чем их сверстники знали прежде. Кстати, история мировой литературы осваивается ими, мне кажется, меньше, чем «параллельное» нынешнее творчество коллег. Так, как дружили и работали писатели старшего поколения, как дружат и работают совместно, переводя и пропагандируя друг друга, писатели фронтовых поколений, надо уметь дружить. Этот опыт дружбы остается замечательным образцом, примером для действительно плодотворного подражания.

— Хочу обратиться к вам как к секретарю правления Союза писателей СССР. В последнее время, в особенности в выступлениях делегатов VIII съезда писателей, критиковались некоторые масштабные мероприятия, устраиваемые Союзом писателей, такие, как декады, конференции, творческие «десанты» на местах, которые нередко превращаются в «галочные мероприятия», не дающие настоящего творческого эффекта. Появились ли сегодня какие-то альтернативы подобным акциям в работе нового секретариата?

— Нам не нужна парадность, то есть убаюкивающая «пафосная» неправда, «галочные мероприятия» не нужны никому, а вот декады, кстати, многие делегаты VIII съезда из республик рекомендовали расширять. Но такие, чтобы правда была, чтобы такая праздничность создавалась, которая не помеха делу, а подспорье душе, на дело нацеленной.

Надо изгонять формализм, показуху. Перестройка — дело не просто форм, а смысла, содержания работы: так везде, так и в Союзе писателей.

— Я с сожалением наблюдаю, что в крупнейших московских книжных магазинах залеживаются книги замечательных национальных авторов. Не буду называть имен, ибо понимаю, что дело здесь в незнании торгующих организациями вкусов и интересов читателей...

— Это сложная проблема — круг чтения. Конечно, русские более всего читают русских авторов, литовцы — литовских, узбеки — узбекских и т. д. Это естественно. Национальная призма не социально-профессиональная: преодоление различий между классами, постепенное сближение всех социальных групп проявляется, в частности, в становлении общенародного круга чтения. Но конкретно-социологических исследований того, кто что читает сегодня в нашей стране, очень мало. Они если и ведутся, то бессистемно и отрывочно. Отрывочно, кстати, и от критики. Ее представителям, я считаю, было бы полезно участвовать в таких исследованиях совместно с социологами культуры.

Мы реалистически точно и дифференцированно должны представить себе, кто он и каков, наш советский многонациональный читатель 80-х годов.

Интересно было познакомиться с высказываниями уважаемых авторов «Огонька» — «Книга: читать или иметь?» («Огонек» № 33, 1986), но сколько же было и тут субъективных пожеланий вместо точного знания в «сильно запущенной у нас области» — социологии литературы (верное слово Валерии Стельмах).

...Читатель «не берет» национальных авторов? Но у этой проблемы тысячи граней, хотя я соглашусь, что бывают и необоснованно большие тиражи, и плохо поставленная реклама, и неумение торговать... А трудность понимания сложной литературы? А неосведомленность в национальных реалиях, играющих важную роль в том или ином произведении?

Вот и давайте осуществлять союз социологов, критиков, общества книголюбов, журналистов — кого еще? — для важной работы — изучения читательских мнений и предпочтений, для анализа их и в перспективном планировании (переводов, в частности). Не выступит ли «Огонек» инициатором такой работы?

— Мы уже начали ее публикацией материала «Книга: читать или иметь?». Но, а заканчивая нашу беседу, Юрий Иванович, хочется задать последний вопрос — традиционный: чем вы сейчас заняты как критик?

— Чтением новых произведений писателей. Большая это радость — читать хорошую, яркую книгу. И немалый это труд — читать книги посредственные, слабые (увы, они тоже разнонациональны). Но предмет критика — живое движение литературы. У нас слишком много стало критиков — узких специалистов (по той или иной теме в литературе, жанру), то есть, иными словами, нечитающих критиков. Писать можно и должно о том, что тебе ближе: а знать — стремиться надо знать именно многообразие, полноту процесса...

Ну, а если говорить о следующей моей книге, то она будет, хочу надеяться, о движении нашей литературы и литературной мысли по ступеням истории...

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.

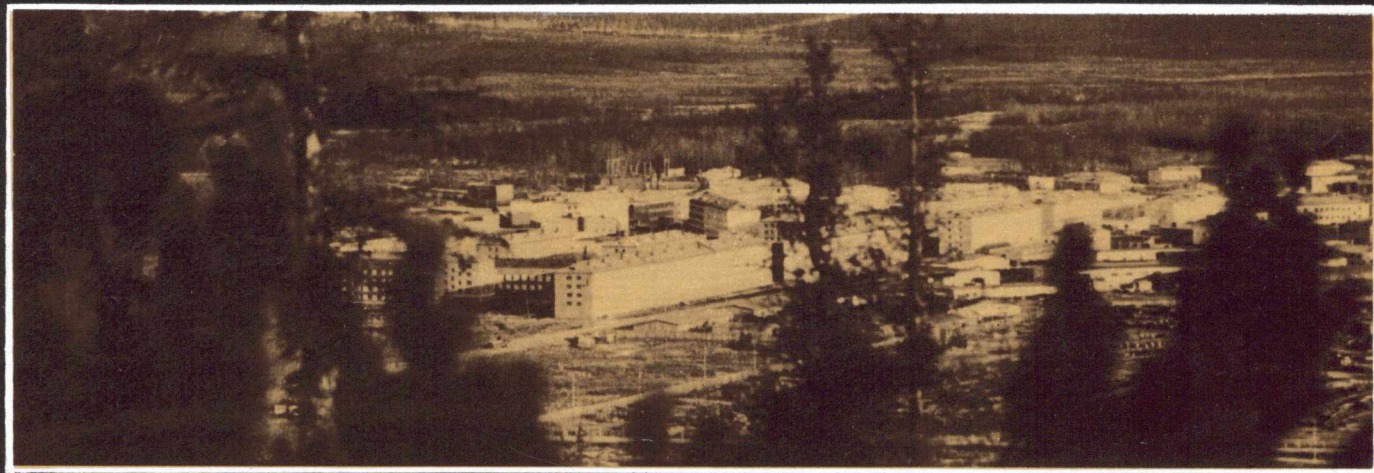
СВЕТ ИЗ ОКОН ЗНАНИЯ

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

Фото Александра ЛЫСКИНА

— Как хорошо и тепло мы начинаем сегодня жить! — сказала мне недавно мудрая чукотская женщина из далекого Инчоуна. Да, красив наш народ, а какие солнечные глаза у молодого северянина! А как поют и веселятся теперь свободными вечерами! Наверное, так же радовались много лет назад мои земляки, когда до далекой российской окраины долетел теплый ветер Октября, который принес малым народностям Чукотки радость обновления.

Слышала или нет моя мама Ивнеут о приходе в наши края Советской власти? Не знаю, не дано мне этого знать. Богатый родственник бросил ее с малыми детьми на пустынной стоянке без единого оленя, без кусочка мяса. Она со старшей дочерью Кавратваль впряглась в нарты и двинулась в сторону далекого стойбища. Сколько они шли — неизвестно. И сколько мне было тогда — тоже не знаю. Точно одно вспоминаю, как сон: в печи трещали дрова, я, уже накормленная, играю в палочки (естественно, других игрушек не было), старшие доедают худую зайчатину и сухую юколу. Слышу, хозяйка, бабушка Вентына, говорит маме: «Обязательно хорошо будете жить, и этот ребенок (то есть я) выйдет замуж за оленного человека, хорошей хозяйкой будет».

Да, мне с рождения была уготована именно такая судьба. В лучшем случае — такая. Но из далекой России уже дули новые ветры...

Еще вспоминается то время, когда мы приезжали домой из школы, потом из училища, а бабушка Вентына, счастливая внуками, учила нас делать силки на зайцев, ловить хариусов, выделывать заячьи шкуры. Маленькая, почти уже слепая, она просила меня: нека, покажи мои буквы! — то есть как пишется ее имя.

Никогда не забудется еще одно имя из моего детства — председатель Аимет. Неграмотный, бедный каюр взял на себя руководство впервые организованным колхозом. О нем шла молва как о человеке, который засыпал, не донеся головы до подушки, и затемно вставал. Быстро ездил, все время спешил...

После него славился своей быстрой ездой на собаках его помощник, неугомонный Шитиков. У него всегда были породистые собаки. Он развозил продукты в тундру, школьников — на каникулы. Его даже в Анадыре называли «дирижабль». Он гордился этим прозвищем. Он знал, что из его уст тундровики узнавали о делах в поселке, на фронте, о земляках, ушедших защищать Родину. За это он имел еще одно прозвище — «радио».

Первой заповедью для всех нас, родившихся в тундре, было никогда не сидеть сложа руки, пока бодрствуешь. И вот, видимо, это правило и сработало в период становления Советской власти на Чукотке. Тогда не считалось нескромностью предложить свою кандидатуру в Совет, в правление колхоза. Так прямо и говорили: «Меня выберите, наверное, справлюсь».

Моя память хранит голодные послевоенные годы — не только как трудные, но как светлые и радостные. В школу я пошла, вернее сказать, бежала от семьи нареченного мужа в 1947 году. Плохо мне жилось у будущей свекрови... Единственное, что я от нее взяла,— это красивый шов, то есть умение правильно держать иглу.

Как я счастлива была обрести свободу! Училась взахлеб. Даже на рыбалку брала книги. (Никто нас не гнал на реку, мы знали, что, если не наловим хариусов, придется спать с голодным желудком. Интернатских харчей явно не хватало. Ох, как же мы однажды огорчились, когда наутро обнаружили пустой котел: все наши запасы ночью съели собаки.)

Мы всегда очень ждали очередного прилета «Аннушки», которая сбрасывала для поселка продукты. Некоторые мешки лопались, разбивались банки со сладостями, и вот мы, помогая старшим собирать, конечно, кое-что тут же съедали. В такие часы мы, грешники, даже забывали про уроки, школу. Однажды я получила первую в жизни двойку, да еще по поведению, как зачинщица коллективного прогула: в тот раз мы собирали пресные лепешки. Ребята шутили долго: «Ну что, съедим Антошкины двойки!» За любовь к Антону Чехову меня звали Антошкой.

Первые стихи родились весной, во время половодья. У нас в селении деревья высокие, красивые и стройные. А какой ребенок не хочет залезть на верхушку! Я даже уроки учила на дереве. Очень спешила я в то время вырасти, потому что хотелось увидеть Всемогущего человека, который принес людям солнечную жизнь. Высоким, выше всех гор, нам представлялся Владимир Ильич Ленин. Думали: вот чуть-чуть подрастем и увидим. Я думала, что все новые слова — Октябрь, колхоз, школа, букварь — это как домики вокруг Ильича, а раз такие слова дошли до нас, то и он где-то здесь рядом.

Как нам хотелось быстрее поделиться тем, что мы узнали, со своими земляками! Вот один пример. Когда я еще училась в Анадырском педучилище, в округе были созданы отряды ликвидаторов неграмотности, в основном из числа студентов и комсомольцев. И вот я поехала в Усть-Белую. Еще в районе мне рассказали о бригадире Николае Рынтытегене, который за одно лето освоил грамотность. Мы с подругой, лектором, в первую очередь направились к нему. Нас ноги уже не держали, когда пришли в яранги, но был день, поэтому нам, молодым, очень хотелось сразу заняться работой. Николай Рынтытеген был уже там. Пока я разбирала свои бумаги, попросила Рынтытегена коротко ознакомить людей с новостями из газеты «Советская Чукотка». Николай как ни в чем не бывало взял газету, стал с большим усердием изучать, что-то помечать ногтем. Я, поглядывая на него, думаю: «О, основной смысл подчеркивает!» Даже малость оробела — как же мне выступать рядом с таким знатоком! Минут через пять говорю: «Внимание, товарищи! Новости прочитает Рынтытеген!» И вдруг слышу: «К, О, И, Е...» Я сначала не поняла, потом догадалась: Николай просто произносит буквы! Оказалось, он только и знал ровно 22 буквы! Правда, он еще знал счет до десяти по-русски...

Любознательный, хваткий умом, Николай у нас очень скоро выучился читать и писать. И стал хорошим, настоящим пропагандистом.

В тот период нас, только что вступающих в жизнь, учили жить все кому не лень — и не всегда правильно. Иные наставники запрещали тундровикам праздновать свои национальные праздники как якобы религиозные. В некоторых районах даже заставляли сжигать национальные музыкальные инструменты. И вот мы, подростки, ожидая приезда гостей, старались переправить музыкальные инструменты в другую бригаду... Может, это было нарушением инструкции, но зато теперь в тех местах все традиционные праздники сохранились. А в других районах обычаи отцов и дедов приходится восстанавливать по рассказам старожилов.

Как хорошо, что я в те годы догадалась записывать ритуалы празднований! Это мне очень пригодилось позже, во время работы в области фольклора, культуры.

Я очень благодарна всем людям разных национальностей, бескорыстно учившим меня. И не могу не вспомнить Бориса Моисеевича Рубина, пригласившего меня работать литсотрудником в окружную газету «Советская Чукотка». Поэт-фронтовик, он тонко чувствовал русский язык, учил всех уважать слово...

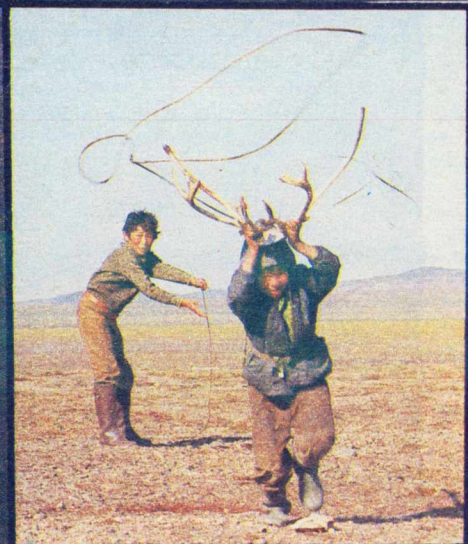
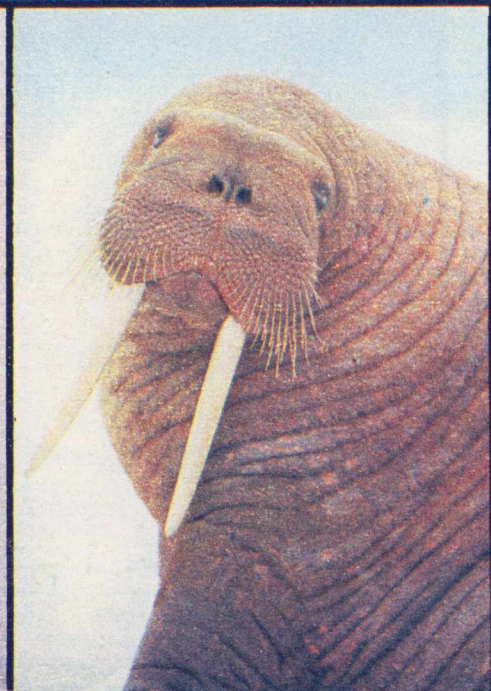
Первым литературным наставником, моей энциклопедией стал русский поэт Валентин Португалов. Сколько писем-уроков получила и я, и многие начинающие писатели северных народов! Книги, вырезки из газет, советы — что прочитать и какой странице уделить особое внимание... Хватало же у Валентина терпения на все!

Светлая жизнь, подаренная нам Великим Октябрем, поддержала мой не очень громкий голос, воспевающий чукотский народ. Пока есть силы во мне, в моих детях, будем отдавать их во благо новой жизни: я — своими стихами, а муж и дети — мирной наукой. И от прилива наших сил, всех наших народных сил, Великий Октябрь будет и мужать, и молодеть. Вот так бы и нам, как Октябрю, не стареть!

Берингов пролив ●

Заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии имени Репина Иван Сейгутегин за работой (Уэлен) ●

Полярные цветы ●

**Два океана —
Тихий
и Северный Ледовитый —
омывают земли Чукотки.
Большую часть года
прибрежные воды
скованы льдом,
но как только
пригреет солнце,
жизнь торопится
наверстать свое:
спешат в порты суда,
радуются солнцу дети,
отправляются
в тундру геологи,
а на безлюдных островах
появляются моржи.**

— Вы не утратили до сих пор способности влюбляться с первого взгляда?

— О чем вы думаете, идя по улице и глядя на простых смертных?

— Скажите, ваше кривлянье на сцене происходит от внутренней потребности или вы идете навстречу пожеланиям трудящихся?..

Это вопросы из писем наших читателей, адресованных народной артистке республики Алле Пугачевой. После того, давнего о ней репортажа в «Огоньке» (№ 11, 1977 год), в редакцию пришло много писем. Благодарили, возмущались (как «солидный журнал позволил себе публиковать о такой певице хвалебную статью»), просили прислать ее автограф... Еще тогда, в 77-м, мы задумали собрать все читательские вопросы к Алле Борисовне и, когда поток их иссякнет, попросить ее на них ответить. Ждать пришлось десять лет.

КТО РАЗГОНИТ ТУЧИ?

«Огонек» № 11, 1977 год.

...И вот я задаю певице ваши, уважаемые читатели, вопросы.

— Сколько комнат у вас в квартире? Какова ее площадь?

— Три комнаты, 47 метров,— усмехнувшись, отвечает Алла Борисовна.

— Ваше любимое блюдо?

— Макароны и картофельное пюре.

— А что вы больше всего не любите?

— Апельсины. Меня от них воротит.

— Любимое время года?

— Их у меня два: осень и весна. Только когда не льет и не слякотно. Люблю солнце...

— Ваше любимое время суток?

— Закат.

— Какую марку часов вы носите?

— Никогда не ношу часов, они мне не нужны. Для меня есть просто «утро», просто «день», просто «вечер» и просто «ночь».

Я вижу, что мою собеседницу мутит от этих вопросов, как от апельсинов, но я с упорством продолжаю их задавать, дорогие читатели. Да и самому ведь любопытно — когда, наконец, артистка сорвется, не выдержит, вспылит, пошлет к черту, как она умеет... Однако терпения у нее хватает еще надолго.

— Как вы относитесь к своим портретам на хозяйственных сумках? Вас не смущает, что ваш лик соседствует с капустой, луком и селедкой?

— Нормально отношусь. Жалко, что ли?

— Что вы думаете о своем будущем?

— Будущее для меня — это конец сегодняшнего дня. Да, я живу сегодняшним днем и не вижу в этом ничего дурного. Я считаю, что глупо откладывать жизнь на завтра. Я не хочу ждать до завтра, я хочу сегодня и как можно быстрее. Все и — сразу. Летать — так летать! Любить — так любить! Работать — так работать! Радоваться — так до полусмерти. Страдать — так до одури. Не люблю ничего половинчатого.

— Жить — так «на разрыв аорты»?

— Вот именно! За день к вечеру я обязательно должна себя измотать и заснуть с чувством, что прожить день лучше, то есть полнее, насыщеннее, я бы не смогла. Вот и вся моя философия. Так я живу и считаю, что живу лучше всех и никому не завидую, чего и другим желаю.

— Наших читателей, то есть ваших почитателей, интересует: что вы больше всего не любите в человеке?

— Ложь, фальшь.

— А что выше всего цените?

— Искренность и доброту.

Наш разговор постоянно прерывают телефонные звонки. А вообще ритм жизни певицы напоминает предельный ход курьерского поезда, и при этом с непредвиденными поворотами. Ее небывалая популярность дает право и обязанность постоянно выбирать... Вчера мы так и не смогли поговорить: за пять минут до моего прихода Аллу Пугачеву срочно вызвали на переговоры с каким-то невероятно известным импресарио из ФРГ, но потом я даже был рад, что провел несколько часов в ее доме на улице Горького.

Не будь моих разговоров с теми, кто ее окружает долгие годы, я бы, наверное, не понял, почему она похожа была в те дни, что мы с ней общались, на подстреленную птицу.

Конечно, не сразу, но все же я задаю ей этот вопрос:

— Что стряслось? Что с вами случилось?..

Сначала она ничего не ответит, только еще глубже, подобно улитке, спрячется в свою «раковину».

А когда я начну ей подсказывать, подбирая слова, на мой взгляд, подходящие — «Кризис?»... «Тупик?»... «Перелом?..»,— она вдруг засмеется своим низким грудным смехом и скажет тихо:

— Устала Алла.

И тут же серьезно добавит:

— Если бы я сама могла понять, то бы давно собралась, сориентировалась и вышла из этого состояния.

Интервью продолжается:

— Вы читаете детективы?

— Нет. Не хватает времени.

— Какая последняя книга, которую вы прочли?

— Воспоминания художника Константина Коровина.

— Как вы относитесь к авантюризму?

— Ко мне он отношения не имеет. Авантюризм подразумевает расчет, а я человек чувства прежде всего. По-моему, у меня вообще отсутствует рассудочность, иногда она, конечно, появляется, но часто мне мешает, особенно в последнее время. Я живу эмоциями и стараюсь им не изменять.

— У вас есть мечта?

— О-о!— весело отвечает Алла Борисовна.— Их у меня много, даже, наверное, больше, чем надо. Одна из них,— на мгновение Пугачева умолкает, как бы раздумывая, говорить или нет,— одна из них... видеть, слышать и все ощущать после физической смерти. И как-то влиять на происходящее.

— То есть это мечта, простите... о бессмертии?

— Да, о духовном.

Очень хочется продолжить тему, но нас ждет очередной вопрос требовательного читателя:

— Скажите, наконец, четко и определенно, вы замужем?

— А вот это уж, извините, никого не должно интересовать! Это мое личное дело!— взрывается все-таки Пугачева, вскакивает, уходит в другую комнату. Ну и хорошо: миссию я свою честно осуществил, поручение читателей исполнил. А теперь отложим их письма в сторону...

Почему все же так нелегко живется человеку талантливому, «из ряда вон выходящему»?

Честное слово, я бы не взялся писать о Пугачевой, если бы у нее все было в порядке, как два-три года назад, скажем. Уж сколько написано! Уж все, казалось бы, сказано-пересказано. Что, как и почему. Да, было сначала непонимание, а потом она все превозмогла, все преодолела, победила, взошла на Олимп и теперь царит... Чего ж тут говорить, украшение сцены, любого концерта, словом,— звезда первой величины на небосклоне нашей эстрады.

И тем не менее ее всегда поругивали. И не то поет, и не так одевается на концерты, и в фильмах снимается никуда не годных... Отдельные ее творения публично, в газетах назывались «апофеозом примитива». Прислушался я, присмотрелся. И в самом деле, например, песня «Белая панама»? Муть какая-то. (Извините, Алла Борисовна, за искренность, но вы же не любите лжи.) Кинофильм «Пришла и говорю»? Не смог досмотреть до конца — таким воинственно-фальшивым, таким претенциозным он мне показался.

И уж как хотелось кинуться вслед за другими судить, осуждать! Ах, как хотелось!

И все-таки что-то остановило меня...

А потом был знаменитый ее концерт в Чернобыле. И многим не понравился тогда ее наряд. «Этот немыслимый бант, мини-юбочка. Замысел-то понятен, но вот то, что вышло, извините...— ширился хор критических голосов.— Ну, это никуда не годится! Девочка она, что ли? Пугачевой изменил вкус. Пугачева кончилась!»

Голоса эти или их отголоски не могли до нее не доноситься. И она, конечно, на них отвечала. Злилась, что не понимают, и в этом озлобленном состоянии отвечала. И выходило еще хуже: что ни песня, то — надрывное желание что-то доказать. Но что?.. Что она прежняя Пугачева. А зачем?

Но она настоятельно доказывать продолжала. «Мне объясняют,— горячилась она на страницах журнала,— что я насаждаю дурной вкус и потрафляю низменным инстинктам толпы (что же это за толпа такая, тысячами осаждающая стадион, где я пою, и раскупившая 200 миллионов моих пластинок?)... Раньше меня осуждали за бедный мой балахон и растрепанную челку (не может прилично одеться и причесаться, не уважает нашего зрителя!), теперь клянут за мои меха и якобы роскошные туалеты (кичится своими деньгами!), раньше раздражал мой лирический репертуар (поет только о себе!), теперь — современные ритмы и стиль (хочет нравиться подросткам!). Вывод тогда, теперь и всегда — Алла Пугачева должна перестать быть Аллой Пугачевой. Успокойтесь, критики, начальники и чутко реагирующие граждане, не хмурьте брови и — не терзайте своим читателям и подчиненным душу. Пугачева останется Пугачевой. Казенный патриотизм и мещанское ханжество пусть хранят и славят другие, благо желающих хоть отбавляй...

Сегодня я думаю о музыке и ритмах нынешних семнадцатилетних. Вы видели, как они танцуют брейк? Их юмор, их раскованность, их своеволие и даже жестокость — это какой-то совсем новый стиль, новое направление. И не скрою, мне хочется, чтобы они пели и танцевали под мои песни. Я не собираюсь уступать место тем, кто дышит сейчас мне в затылок и норовит спихнуть в этакие гранд-дамы советской эстрады. Я еще молодая, у меня еще тысяча планов, и из тысячи шансов я не упущу ни одного...»

Вы слышите за этими словами боль? Вы чуете за ними надрыв?

Я почувствовал. И подумал: а может, Пугачевой нужно как-то помочь, поддержать ее, ну хотя бы вместе с ней поразмыслить, к чему, куда она идет?..

Да-да, конечно, талант имеет право на ошибки, конечно! И даже более того, ошибки, «загибы» таланта нам несомненно дороже, чем правильность умелого середняка. Но все же, все же любовь не хочет оставаться слепой, а рвется подать сигнал предостережения. Именно это желание и двигало нами. Замысел был дерзок: предостеречь, переубедить Аллу Пугачеву.

Те, кто хорошо ее знает, наверняка сейчас рассмеялись. «Нелепая, абсурдная идея! Переубедить Аллу Пугачеву ни в чем нельзя!» Да, теперь и мы это знаем. А тогда, в холодном январе, я пришел к чуть «затуманившейся» звезде, чтобы сказать только одно: не надо огрызаться, не надо тратить силы, поберегите себя...

Народная артистка РСФСР Алла Пугачева. Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Разве я знал, что произнести это будет так трудно?..

И вот я сижу в ее комнате один и говорю ей все, что хотел сказать, хотя она, из другой комнаты, этого слышать не может:

— Да, Алла Борисовна, поберегите себя, вы нам нужны, мы вас любим, а это значит, что мы в вас верим. Ведь мы же помним ваши песни, которые приводили нас в трепет, которые заставляли сжиматься горло. Мы помним счастливую радость, подаренную вашим искусством огромным толпам и каждому из нас поодиночке, если мы пребывали в одиночестве. Так верьте же и вы нам! Верьте, что мы не станем кидаться на вас вместе с теми, кто спешит навесить на вас ярлык сошедшего с дистанции олимпийца. Пусть сейчас вы «подстреленная птица», но мы знаем, что вы снова полетите, и очень скоро. О, еще как полетите!.. Только не надо торопить события. Не надо тратить силы на оправдания, все равно вас поймут не так, не так... Так зачем же попусту «сорить» душой? Она вам еще пригодится. Для возрождения, для катарсиса, для полета наяву.

Мы просим вас: остановитесь и оглянитесь, пока, пока не запоет душа, а не жажда кому-то что-то доказать. Не волнуйтесь, мы поймем и ваше молчание, как поняли ваши песни... Поберегите себя. Вы нам очень нужны...

Я прошел в другую комнату, откуда вдруг понеслась громкая рок-музыка. Алла Борисовна сидела у окна, и в глазах ее...

«А в глазах тоска такая, как у птиц...»

Я сел в углу комнаты рядом с белым роялем и подумал: что же все-таки случилось?

Впрочем, пора продолжать прерванное интервью.

Антракт окончен. Второе отделение. Теперь последуют иные вопросы.

— Алла Борисовна, у вас тысяча песен, тысяча разных состояний души, и тем не менее, когда вы поете...

— Когда я пою, у меня одно состояние, мое, и оно у меня не меняется. В нем я исполняю все песни независимо от того, какие они — грустные, веселые, лирические...

— И оно не зависит от вашего настроения? От дневных неудач, обид, огорчений, успехов? От погоды? От самочувствия?

— Нет, не зависит. Оно появляется там, куда я выхожу. На сцене. Это единственное место на земле, где мне абсолютно хорошо.

— Вы можете назвать или описать это состояние? Похоже на эйфорию?

— Нет.

— На спуск с высокой горы? На полет на дельтаплане?

— Никогда не пробовала... Там, на сцене, я сама себе полная хозяйка. Там моя беспредельная сила, независимость. Свобода!

— И все-таки состояние это можно с чем-то сравнить?

— Пожалуй, только... с ожиданием чуда.

— Алла Борисовна, вы сильный человек?

— Да!— ответила певица очень уверенно, даже с вызовом.

— Простите, не верю.

— Все меня считают очень сильной.

— А вы сами?

— Я считаю себя очень слабой,— сказала она с усмешкой.— Я настолько слаба, что мне ничего не остается делать, как быть сильной.— Тут уж она рассмеялась громко и вольно.

— Вы не однажды говорили, что поете о ком угодно, только не о себе.

— Да, о себе я еще не спела.

— А собираетесь?

— Это будет реквием.

— Он уже написан?

— Их написано много, но все это не обо мне. О себе я напишу сама. Только поймите, я не о физической смерти говорю...

— Если собрать все песни, спетые вами за двадцать лет, точнее — все роли, сыгранные вами на сцене, получится целый театр, театр Аллы Пугачевой. У вас есть в этом театре любимая роль? Любимая песня...

— Я нелюбимых не пою. Проходит время после премьеры, острота восприятия притупляется, и я на какой-то срок оставляю песню. Потом опять хочу ее петь.

— Как сказал поэт, литература — это исповедь, под видом исповеди — проповедь, для ненавистных — отповедь...

— Грустно только, что за многие исповеди-отповеди поэтам приходится получать тычки и подзатыльники. Впрочем, тычки хоть и делают больно, но придают творческой злости.

— Азарта.

— Вот именно! Азарта, куража...— Она вдруг осеклась.— Впрочем, то, что меня ругают, сегодня мне уже не может помочь. Раньше — да, помогало. Но тогда я была другой. Главное в том, что те, кто меня ругает, совсем не знают меня. Да, они не знают, какая я.

Пугачева замолчала, и я понял, что ей мешает говорить обида, хотя не один раз я слышал от нее, что она не умеет обижаться.

— Алла Борисовна, когда вы говорите «они», кого вы имеете в виду?

— Видите ли, зритель у нас разный, даже очень разный. Но особенно я боюсь своих ровесников, точнее — ровесниц. Больше всего упреков я слышу от них. Мне говорят, в 37 лет нельзя жить, как в 17. Но почему?.. Мне говорят, так принято. Но кем? Когда? А если я не хочу становиться старше? Если я не хочу жить по канонам? Я не хочу себя переделывать, подлаживать под «правила» — это же не правила уличного движения! Я ведь никому не мешаю, я просто хочу не изменять своей сути, не изменять своей Мечте. Хочу жить, как птицы поют, естественной, непридуманной, никем не навязанной мне жизнью!

— Но мне кажется, что в вашем искреннем, в этом самом искреннем вашем стремлении таится еще и некая надуманность, неестественное желание сделать все наперекор всем. Нет?

— Вы совершенно не знаете меня. Как вы беретесь судить?

— Я, как и многие, не берусь судить о физике или астрономии — там дилетанта быстро поставят на место. А вот в эстраде, в кино, в театре мы все разбираемся, мы все понимаем, и судим, и обвиняем, и выносим приговор... Терпите.

А вы не задумывались о том, что ваши критики хоть изредка, но могут оказаться правы? Например, насчет ваших фильмов.

— Эти фильмы можно будет оценить только со временем. Они, как хорошее вино, должны вылежать свой срок. Недавно я пересмотрела «Женщину, которая поет» и поняла, что сейчас только пришло время этот фильм показывать. Мы снимали его двенадцать лет назад, а песни, звучащие в нем, до сих пор лучше тех, что сейчас пишут и поют.

— Вы о своих нынешних песнях говорите?

— Нет. Я сейчас пою песни, которые будут оценены по достоинству годы спустя.

— И «Белая панама» тоже?

— Да.

— Простите, но мне она показалась...

— А я, например, плачу, когда ее пою. Это очень грустная песня... А фильм «Пришла и говорю»... Что касается меня лично, то этот фильм дорог мне, как открытка на память. Я не хочу, чтобы после моей смерти долго искали доказательства моей популярности. Одно из них — наш фильм. Но учтите, эта лента о той Пугачевой, которой уже нет. Та, прежняя Пугачева еще хотела показать то, чего на самом деле в ней не было. Мне часто бывало плохо, а я улыбалась, всем подряд улыбалась: «У меня все в порядке, товарищи!..» В фильме я и играла ту, которой плохо, но она ни за что никому об этом не скажет. Теперь с такими играми покончено. Для меня этот фильм — подытоживание прежних ошибок, рубеж, очень важный этап.

— Я хочу уточнить, Алла Борисовна. Значит, покончено с той Пугачевой, которая вынуждена показывать, что ей хорошо? Значит, теперь вы решили быть только самой собой?

— Естественно,— тихо и грустно промолвила она.— Да. Вот она я, такая, какая я есть. И не пытайтесь меня переделать — поздно!

— Как все-таки трудно быть звездой!

— Трудно.— Она снова спряталась в свою «раковину», голос ее стал едва слышен.

— А что при этом труднее всего?

— Жить... как звезда.

— То есть постоянно быть на виду?

— Нет,— совсем тихо сказала она,— звезда потому так и называется, что она недоступна. А я с детства привыкла быть доступной и простой. Я намного проще, чем кажусь. Но я вынуждена казаться недоступной.

— А вам это нужно?

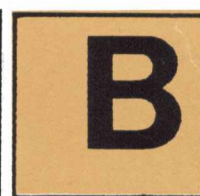
— Мне — в последнюю очередь. Но это надо тем, для кого я пою, тем, кто хочет слышать меня, тем, кто в меня верит, тем, кому я помогаю жить и без кого я сама жить не смогла бы...

Я слушал артистку и думал, что сколько ее сейчас ни пытай, она все равно не скажет самого важного о себе. Она не скажет, как тяжело ей оставаться, несмотря на все свои зароки и обещания, самой собой...

Талант — это сила жить, громко повторила певица однажды за Станиславским.

Талант — это непрерывность усилия, повторю я за другим мудрецом.

Тучи приходят и уходят, а небо остается. Как и звезды на нем. Но кто разгонит тучи?..

Сергей **ВЛАСОВ**

древнем Китае возраст после 60 лет называли желанным: то ли потому, что достигали его немногие, то ли потому, что речь о времени, когда человек может с высоты лет наслаждаться плодами рук своих и видеть собственное продолжение в своих внуках и правнуках. Сегодня каждый из четырех, достигших 30 лет, имеет все шансы прожить уже не 60, а все 80 — успехи медицины и социальный прогресс отодвинули границу желанного возраста до столь преклонных лет.

Население нашей планеты медленно, но неуклонно стареет. Пожилых людей становится больше — вот главная тенденция, характерная для всех развитых стран, в том числе и нашей. Численность пенсионеров в СССР составляет более 50 миллионов человек, а через полтора десятилетия, согласно прогнозам, превысит 70 миллионов! Такое изменение демографической структуры населения порождает целый комплекс проблем: социальных, семейных, этических, экономических, медицинских, наконец. Среди них на первый план выдвигается задача сохранения социальной активности пожилого человека и прежде всего продления его трудового века, а с ним и века жизненного, ибо, перефразируя древних римлян, можно сказать, что «труд — это жизнь». По данным Академии медицинских наук СССР, с выходом на пенсию ухудшение здоровья отмечают 65 процентов мужчин и 40 — женщин. Особенно плохо переносят «заслуженный отдых» люди, страдающие сердечно-сосудистыми заболеваниями. Дурное настроение, апатию и общее недомогание пенсионеры испытывают в два с лишним раза чаще, чем их работающие сверстники. Появилось даже такое понятие, как «пенсионная болезнь». Самым действенным средством против нее, как показывает жизнь, является посильный труд.

— Для человека, которому перевалило за 60, у меня есть один рецепт: много работать и — еще больше работать,— так говорил Альберт Швейцер, выдающийся ученый нашего времени, лауреат Нобелевской премии, врач, писатель, философ. Он прожил 90 лет и до последнего дня вел напряженную трудовую деятельность. Собственную жизнь он сделал главным аргументом своего учения о долголетии. Его пример блестяще подтверждает правило, открытое людьми еще в глубокой древности и которое более двух тысяч лет назад предельно четко сформулировал Цицерон: «Ничего так не следует остерегаться в старости, как лени и безделья».

Подобного рода цитаты и примеры можно приводить бесконечно. Проще оглянуться вокруг себя, чтобы убедиться без ссылок на высокие авторитеты, а на примерах окружающих нас людей: лишь те из них до глубокой старости сохраняют здоровье и ясный дух, кто не позволяет себе расслабиться, предаться соблазну ничегонеделанья.

Ничто не старит так сильно, как сознание того, что стареешь. Мой отец вышел в отставку в 55 лет. Это был энергичный, властный человек, заядлый охотник, хлебосол. И вдруг в один прекрасный день он стал пенсионером. Отец не любил ни домино, ни шахматы, поэтому дворовых развлечений у него не появилось. Но появилась стенокардия. И пошло, и пошло. Он, еще недавно цветущий и вполне здоровый мужчина, стал таять на глазах. Одни врачи прописывали одно, другие — другое, третьи — третье, но лекарства не помогали, и кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не его старый товарищ по службе — дядя Васо. Он, встретив как-то мать и узнав от нее, что дела у отца плохи, немедленно примчался. Май еще только наступил, но дядя Васо уже загорел дочерна, и от него вкусно пахло свежескошенной травой.

— Посмотри на меня,— твердо зая-

СТАРИКИ?

В наши дни, когда идет процесс глубокой перестройки всех сторон жизни советского общества, особую ценность приобретают знания и опыт людей старших поколений. На XXVII съезде партии было высказано предложение о создании Всесоюзной организации ветеранов войны и труда. Эта идея получила широкую поддержку во всех слоях населения.

Перед Всесоюзной организацией ветеранов войны и труда, как отмечалось в приветствии ЦК КПСС участникам учредительной конференции, стоит благородная задача — способствовать активному участию ветеранов в хозяйственной и общественно-политической жизни страны, в нравственном, трудовом и военно-патриотическом воспитании молодежи.

От своевременного решения проблем «третьего возраста», как образно называют старость, зависит в немалой степени как экономическое благополучие, так и нравственное здоровье общества. О том, как решаются сегодня эти проблемы, что необходимо сделать в первую очередь и как сделать,— об этом будет идти разговор в материалах рубрики «Старики?», которую мы продолжаем «ПИСЬМАМИ ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА».

И ТРУД КАК БЛАГО

Фото Игоря ФЛИСА

вил он отцу.— Мои врачи — мой виноградник, мой сад, огород и свежий воздух. Сколько можно сидеть в четырех стенах?

В тот же день, не слушая никаких возражений, дядя Васо отвез нас на свой садовый участок недалеко от Рустави. Он уговорил и отца взять себе кусочек земли рядом, и через пару лет на отвоеванных у пустыни сотках уже зеленели, цвели и тихо шелестели на ветру листвой вишневые деревца и шпалеры ркацители. Вместе с ними возвращался к жизни и мой отец. И, когда я получаю от пенсионеров письма с жалобами на одиночество, на отсутствие любимого дела или встречаюсь с ними и смотрю в их потухшие глаза, я каждый раз рассказываю про отца и говорю: «Сотворите свой сад».

В нашей стране, как известно, установлен самый низкий пенсионный возраст, миллионы людей, превысив его, сохраняют не только завидную работоспособность, но и желание трудиться. Сегодня проблема выглядит так: труд пенсионеров — это и дополнительные рабочие руки, и способ сохранения и развития личности ветеранов, их активного долголетия.

Спад естественного прироста трудовых ресурсов будет продолжаться у нас почти до середины 90-х годов. Но необходимо подчеркнуть: вопрос не в том, чтобы с помощью ветеранов временно компенсировать нехватку рабочих рук. Речь идет о качественно новом подходе к роли и значению труда в жизни пенсионеров. С детства впитав коллективистский образ деятельности, человек у нас и на склоне лет стремится реализовать свои устремления в общественно полезном труде.

— Пока ноги держат, работы не оставлю,— говорил мне Григорий Терентьевич Стенько, сталевар-наставник Нижнеднепровского трубопрокатного завода имени К. Либкнехта. Он оформил пенсию восемь лет назад, но от «заслуженного отдыха» отказался наотрез. Григорий Терентьевич трижды избирался депутатом Верховного Совета СССР, дважды награжден орденом Ленина.— Кому-то нравится варить компоты, а мне нравится варить сталь,— пошутил он.

Он по-прежнему варит сталь. Однако годы, что ни говори, берут свое, но на заводе от Григория Терентьевича вовсе и не требуют тех рекордных плавок, которыми он славился когда-то. У него сейчас другие задачи. Он — наставник. Григория Терентьевича прикрепляют к молодому, малоопытному сталевару, и за несколько месяцев он «вытягивает» его. К сожалению, экономический эффект такой работы мне на заводе не смогли назвать.

— Да разве и так не ясно, что польза громадная? — пожал плечами начальник отдела кадров Иван Григорьевич Ярошенко, но потом задумался и согласился, что подсчитать в общем-то не мешало бы.— Нам важно,— говорил он,— чтобы ветераны не покидали завод, достигнув пенсионного возраста, поэтому делаем все, чтобы человек оставался на производстве, а не возвращался вновь после перерыва,— в этом случае заново включиться в работу бывает уже очень трудно, даже если перерыв был недолгим, скажем, полгода, год.

В коллективе трубопрокатного сейчас около 12 процентов пенсионеров. В 1980 году их удельный вес составлял всего 6,4 процента. Чем же удалось привлечь ветеранов? Прежде всего заботой, душевным отношением и, конечно же, созданием соответствующих условий для посильного труда. Подчеркиваю, труда посильного. Еще за три года до выхода на пенсию с работником встречается и беседует лично директор завода. Кто-то хочет остаться на старом месте, как, скажем, Стенько, кто-то просится на более легкую работу, одни желают трудиться неполную рабочую неделю, другие — неполный рабочий день и так далее и тому подобное. И все эти пожелания отдел кадров внимательнейшим образом изучает и подыскивает пенсионеру дело по душе и по силам. В результате на трубопрокатном сумели практически полностью избавиться от пресловутого дефицита рабочих рук. Такова же картина и на других предприятиях Днепропетровска и области.

— Ежегодно на улучшение труда и быта людей в области расходуется более 100 миллионов рублей,— рассказывал председатель облисполкома Юрий Петрович Бабич.— На всех крупных предприятиях по решению облисполкома созданы комиссии по медико-социальной подготовке к выходу на пенсию. Они координируют работу администрации, отдела кадров, профсоюза и органов социального обеспечения.

В области успешно действует целевая программа «Труд». В ней четко определены задания исполкомам городских и районных Советов народных депутатов по рациональному использованию трудовых ресурсов, в том числе пенсионеров. Заметно изменилось также и в колхозах и совхозах Днепропетровщины отношение к пожилым: им устанавливают различные доплаты, полностью компенсируют расходы по коммунальным услугам, помогают обрабатывать приусадебные участки, обеспечивают топливом, кормами для скота и т. д. Почти во всех хозяйствах созданы звенья или бригады пенсионеров, которые дают иной раз до четверти всей валовой продукции!

...Сегодня уже никто не оспаривает той истины, что пожилых необходимо привлекать к посильному общественно полезному труду. Однако от признания идеи до ее воплощения иногда пролегает очень длинная дистанция.

В стране продолжают работать 12 миллионов человек, получающих пенсию. Количество их значительно бы возросло, если бы руководители предприятий, кадровых служб, профсоюзных комитетов, органов социального обеспечения в полной мере использовали возможности существующего законодательства и свои собственные.

Опыт Нижнеднепровского трубопрокатного завода, всей Днепропетровской области и многих других регионов страны убедительно доказывает, что там, где к трудоустройству пенсионеров относятся заинтересованно, по-научному, гибко подходят к организации их работы, когда дело это находится под неослабным контролем партийных и советских органов, результаты оказываются в высшей степени эффективными. Благоприятные условия для повышения занятости пожилых людей создает Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», в котором указывается более 30 наиболее распространенных видов промыслов и услуг, где ветераны могут найти занятия и для себя. Причем на местах этот перечень с учетом потребностей населения, традиций, национальных особенностей может быть расширен. Вот узнал недавно, что в Латвии образован республиканский Союз агрокооперативных обществ. Он будет представлять интересы владельцев садовых участков и сельских подворий. Основную массу их, как известно, составляют пенсионеры. Это хозрасчетная организация, которая будет вести закупки по договоренности, доставлять излишки урожая на рынок или реализовывать их через свои магазины, строить свои хранилища, базы переработки, обеспечивать садоводов саженцами, удобрениями, пчелиными семьями и так далее и так далее,— все то, о чем так мечтал в свое время мой отец.

Старость — такой же равноправный этап жизни, как юность и зрелость. И ни в коем случае нельзя забывать, что мы все прямые наследники того, что сделано до нас другими. Своим участием в общих делах, своим опытом ветераны обогащают жизнь окружающих. В той же мере, в какой окружающие обогащают их жизнь.

Валерий КАДЖАЯ

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей **ПАРНОВ**

РОМАН

Рисунки Валерия **КАРАСЕВА**

При расследовании обстоятельств исчезновения профессора Солитова сотрудник уголовного розыска Люсин и следователь прокуратуры Гуров узнают, что Георгий Мартынович занимался на своей даче опытами по расшифровке старинных лекарственных рецептов. Что-то заставило Солитова срочно уйти с дачи, не отключив водяную баню. Этим и объясняется взрыв в его кабинете. В тот же день профессор взял из сберегательной кассы полторы тысячи рублей. Опрошены сотрудники и близкие Георгия Мартыновича, проверены «Скорая помощь» и больницы, объявлен всесоюзный розыск, но все безрезультатно. Майор Люсин ведет проверку тех, чьи телефоны обнаружены в записной книжке Солитова.

Глава девятнадцатая

ТРАВНИК МАКРОПУЛОСА

Утро началось для Люсина со стрессовых ситуаций. Не успел он получить от начальства очередное многозначительное напоминание о том, что всякому терпению есть предел, как поступила добрая весть: нашелся долгожданный Петя! Застопорившийся было маховик вновь готовился набрать обороты, и это внушало безусловный оптимизм. Однако за неизбежными хлопотами и лавиной телефонных звонков освежающее дуновение радости вскоре растаяло, а вместе с ним притупилось и едкое чувство обиды. В итоге все пришло к общему знаменателю, и вторую половину дня Владимир Константинович провел сравнительно спокойно, хотя и ощущал себя время от времени несправедливо задетым. И это прежде всего мешало ему самозабвенно погрузиться в запутанные лабиринты чужой души.

Жизненный путь Петра Васильевича Корнилова, известного среди московских книжных жучков под кличкой Петя-Кадык, не был отмечен особо патологическими эпизодами. По крайней мере в масштабах уголовного розыска. Ухватиться было, в сущности, не за что, хотя общий фон рисовался вполне определенно: задержания по подозрению в спекуляции, предупреждение насчет тунеядства и плюс ко всему неоднократное знакомство с медвытрезвителями различных районов Москвы. Детально изучив справку, полученную из отделения милиции, Люсин вынес твердое убеждение в том, что сорокашестилетний Петя практически никогда не занимался общественно полезным трудом. Покончив после девятого класса с образованием, он трудоустраивался великое множество раз, но нигде долго не задерживался. На иных предприятиях, вроде СМУ № 31, где подвизался в должности моториста водооткачивающей установки, его трудовой стаж вообще исчислялся двумя неделями. Судя по всему, Петя упорно искал свое особое место в жизни, и последние пять лет в обескураживающем перечне его мытарств явно указывали на то, что скиталец обрел долгожданный покой под сенью Литфонда. Должность литературного секретаря члена Союза писателей Неликбезова явилась как бы зенитом карьеры. Во всяком случае, по сравнению с предыдущей ступенькой (упаковщик почтовых посылок) это был несомненный взлет.

Поскольку фамилия Неликбезова не всколыхнула в натренированном мозгу Владимира Константиновича даже ничтожной волосинки нейрона, он заподозрил липу и позвонил в Союз писателей знакомому консультанту, с которым неоднократно встречался у Березовских. К великому его удивлению, консультант действительно обнаружил искомое лицо в справочнике.

— Автор «Пролетки»,— сообщил он дополнительные сведения с торжеством в голосе.— Была, знаете ли, песня такая в предвоенный период... А вообще у нас есть забавная игра. Открываешь на любой странице и если найдешь среди дюжины хоть одно мало-мальски знакомое имя, то выиграл.

— Будем считать, что на сей раз победа определенно за вами,— пошутил Люсин.— Отпразднуем это дело, как только Юра вернется из Чехословакии.

Чувствовал он себя при этом не слишком уверенно. Хоть консультант и посоветовал не относиться серьезно к вырождающемуся институту литсекретарей, следовало признать, что Петя-Кадык обеспечил себя надежным прикрытием. Если создатель «Пролетки», его принципал, тоже окажется любителем половить рыбку в мутной воде, придется серьезно повозиться. Что-что, а статус писателя достаточно высок.

В том числе и по части добывания книг. Скажет, например, товарищ Неликбезов, что поручил своему помощнику достать столь необходимый для творческой работы травник,— и все, и концы в воду. О каком-то там обыске и заикаться нечего. Никто не позволит. Впрочем, особенно волноваться пока не стоило. Со слов Березовского Люсин знал, что иные писатели даже в лицо не видали своих литсекретарей. Уступая просьбам друзей и знакомых, жаждущих пристроить на какое-то время подающего надежды недоросля, они ставили необходимую подпись и умывали руки. Не столько воображаемые осложнения, сколько логические противоречия не позволяли Люсину наметить основные вехи предстоящей беседы. Подлинное занятие Кадыка явно не соответствовало примитивному стилю его существования. Невольно сложившийся в представлении образ запьянцовского недоучки определенно не вязался с репутацией тонкого, хотя и хищного знатока книги. А ведь именно таким, этого у него не отнимешь, слыл Петя среди весьма уважаемых людей. В числе его постоянных клиентов были, наверное, не только Солитов и Баринович. Люсин не сомневался, что в лице Корнилова ему встретился довольно редкий тип подпольного букиниста-профессионала, чувствующего себя в книжном море как рыба в воде. А это подразумевало определенный уровень образования, интеллекта, культуры, словом, весьма тонкой материи, которой, судя по справке, скрупулезно составленной участковым, Кадык был лишен почти начисто. Оставалось лишь предположить, что это самородок, который, несмотря на разрушительное пристрастие к праздности и пьяным дебошам, до всего дошел своим умом. По крайней мере научился читать хотя бы названия латинских, старогерманских и прочих редкостных изданий, вроде того же травника, оттиснутого преподобным Вольфрамом из Дубенец.

Промучившись допоздна, но так и не заполнив заготовленную повестку, Владимир Константинович позвонил Гурову.

— С книжником вроде все в порядке, Борис Платонович,— сообщил он с несколько наигранной беззаботностью.— Хочешь взглянуть на субчика?

— С превеликим удовольствием! Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Сам на него вышел или соседи подсобили?

— Не без их участия,— дипломатично заметил Люсин, хотя помощь ОБХСС практически не понадобилась — все решила записная книжка.

— Поздравляю, Константиныч!

— Может, возьмешь на себя?— предложил Люсин.— А я посижу в сторонке, послушаю, понаблюдаю...

— Тебя что-нибудь смущает?— насторожился Гуров.

— И сам толком не знаю. Уверенности как-то в себе не нахожу. Неясен мне этот тип, и все тут. Наверное, испортить боюсь, Борис Платонович. Вдруг здесь нечто большее, чем просто звено?

— Будь по-твоему. Вызови его на следующий вторник часам к десяти. Я подгребу. Психологически так будет эффектнее. Ты прав, тут тебе и угрозыск, и прокуратура, но все корректно: по повесточке и без драматических сцен.

— Так ведь и повода нет для драматизма. В конце концов что мы против него имеем? Спекулирует книжками?

— Это еще доказать надо.

— Вот и я про то! Да и не наша это забота. Во всяком случае, не моя... Я рад, что ты меня правильно понял, Борис Платонович. Все нужные материалы я тебе подошлю.

— Ну и ладушки. Попробуем разработать сценарий.

Сценарий они с грехом пополам наметили, но Петя с первых же слов дал понять, что писано было явно не про него. Начав с того, что явился с опозданием на целый час, когда его почти перестали ждать, он сразу же захватил инициативу.

— Кто тут Гуров?— вызывающе осведомился он, помахивая повесткой.

— С вашего позволения, это я, следователь горпрокуратуры,— кратко представился Борис Платонович.

— А этот товарищ?— Не удостоив Люсина взглядом, Петя как-то боком дернулся в его сторону.

— Моя фамилия Люсин, старший инспектор угрозыска.— Владимир Константинович с любопытством взглянул на явно нескладную фигуру в коротких брючках и затрапезной курточке, надетой поверх застиранной рубахи. На дурно выбритом лице виднелись запекшиеся царапины, костистый выступ, словно взломавший изнутри тонкую шею, оправдывая прозвище, назойливо бросался в глаза.— Присаживайтесь.

— Куда, хотел бы я знать?— Петя вновь дернулся и, запустив ногти в спутанную проволоку волос, медленно закачался, восстанавливая утраченное равновесие.— Единственный стул, насколько я понимаю, занят угрозыском, хотя вызывала меня прокуратура. Правильно?— Он обнажил в ухмылке крупные прокуренные до черноты зубы.

— Вы совершенно правы.— Люсин осветился ответной улыбкой и, водрузив свой стул посреди комнаты, пересел на диванчик.— Можете не обращать на меня никакого внимания.

— Ага!— Петя Корнилов плотоядно осклабился и решительно хлопнул по столу, припечатав повестку.— За каким чертом я вам понадобился?— осведомился он, придвигаясь вместе со стулом.

Слегка шокированный следователь потянулся за сигаретой.

— Мне тоже дайте!— потребовал Петя, но тут же отшатнулся с гримасой крайнего отвращения.— «Дымок»?! Вы случайно не в такси работали, если потребляете такую дрянь?— Поковырявшись в кармане, он вытащил согнутую «беломорину» и, осыпая табаком колени, прикусил мундштук. Затем, не дав Борису Платоновичу опомниться, завладел коробком и, ломая спички, разжег папиросу, корча в дыму совершенно немыслимые рожи.

Люсин с радостным изумлением следил из своего уголка за этой бесподобной клоунадой. Петя-Кадык превзошел все его ожидания. Если он и играл заранее приготовленную роль, то делал это талантливо, более того, виртуозно.

— Не стоит поминать черта, Петр Васильевич,— ласково посоветовал Гуров.— Мы пригласили вас в качестве свидетеля. Согласно закону, вы обязаны ответить на все интересующие следствие вопросы. Причем правдиво, ибо за дачу ложных показаний свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности.

— Ничего не понимаю!— Зажмурившись, Петя покрутил головой.— Бред какой-то.

Не обращая внимания на реплику, Гуров заправил в пишущую машинку бланк протокола,

Продолжение См. «Огонек» №№ 1—10.

плавным движением подвинул микрофон, включил запись.

— Ваша фамилия, имя, отчество, год и место рождения?

— А что, вы не знаете, кто я есть?!

— Знаю, но существуют формальности, которые нам с вами, хотим мы этого или нет, придется выполнить.

Корнилов для вида слегка погримасничал, но в конце концов подчинился.

— Подпишите, пожалуйста, здесь, что предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний.— Разгладив слегка свернувшийся лист, Борис Платонович показал нужное место.

— Только этого мне не хватало! Ничего подписывать не буду. Судите, если можете!— Петя демонстративно принялся ковырять спичкой в зубах.

— За отказ от свидетельских показаний я действительно могу передать ваше дело в суд,— холодно разъяснил Гуров.— Надеюсь, вам, как и мне, ни к чему подобная канитель?

— Мое дело?!— взвился Корнилов.— Это оскорбление! Нет у вас на меня никакого дела!

— Вы совершенно правы, Петр Васильевич, нет... Но оно появится, если вы и далее станете отказываться от выполнения своих обязанностей. Мы в прокуратуре приучены чтить букву закона.

— Я никому ничем не обязан.

— Ошибаетесь. У каждого из нас есть равные обязанности перед обществом.

— И права тоже!

— Совершенно верно, и права. Обвиняемому, например, закон дозволяет уклониться от дачи показаний, свидетелю — нет... Надеюсь, вы не сделаете из этого неверный вывод, что положение обвиняемого предпочтительнее?

— Что вы все плетете свои юридические кренделя?— Петя без спросу выхватил сигарету, раскурил, закашлялся и затушил в пепельнице.— Ведь вы даже не удосужились объяснить мне причину вызова! Сразу какие-то требования, угрозы... Чего вы добиваетесь?

— Как?— удивленно заморгал Гуров, медленно снимая очки.— Неужели я допустил подобную промашку? Вы вправе жаловаться, Петр Васильевич, честное слово, вправе... Это не оправдание, но я просто-напросто забыл. Впрочем, я был уверен, что вы знаете...

— Ничего я не знаю и знать не желаю. Оставьте меня в покое раз и навсегда. Это единственное, чего я хочу!

— Вы хорошо знаете Георгия Мартыновича Солитова?— успокоительно кивая, осведомился Гуров.

— Ну, знаю, и что с того?— не проявляя признаков волнения, поморщился Петя.— От меня вам чего надо?

— Правдивых показаний, не более,— отрезал, замкнувшись, Борис Платонович.— Ставлю вас в известность, что профессор Солитов при невыясненных обстоятельствах пропал без вести, и вы были последним, или одним из последних, с кем он общался в тот день.

— Быть того не может,— отмахнулся с явным облегчением Петя Корнилов.— Мы не виделись с ним месяцев пять-шесть.

— Можно занести ваш ответ в протокол?

— Хоть в газете пропечатайте.

— Подписывать будете?— Гуров услужливо пододвинул ручку.

— Вот напасть на мою бедную голову! Ну, давайте, давайте, раз вам так хочется.— Петя поставил размашистую закорючку.— Мне ведь правды бояться нечего. Я перед законом чист.

— Вот и ладненько... Надеюсь, далее у нас с вами все пойдет как по маслу? Значит, когда вы видели его последний раз?

— Весной вроде...

— Поточнее нельзя? В марте? В апреле?

— В апреле, кажется. Лужи уже подсыхали.

— У вас во дворе?

— У меня, у него — какая разница?

— Разницы никакой,— согласился Борис Платонович, неторопливо возвращая назад листки перекидного календаря.— Но для освежения памяти мы с вами попробуем возвратиться в недавнее прошлое. «Машину времени», конечно, помните?

— Ваш эксперимент скорее напоминает «Между двух миров» Финея. Воссоздание обстановки.

— Не читал, к сожалению, но насчет воссоздания вы попали в самую точку... Значит, лужи уже подсыхали, мальчишки гоняли мяч, а девочки прыгали через веревочку... Или, может, чертили на асфальте классы?

— Ну-ну,— покровительственно усмехнулся Корнилов.— Поглядим, что у вас получится.

— Без вашей помощи у меня ничего не получится, Петр Васильевич... Вы когда были у Солитова? Вечером? Днем?

— Ближе к вечеру.

— На даче?

— Зачем на даче? В Москве.

— И по какому, позвольте полюбопытствовать, поводу?

— Одна, но пламенная страсть, гражданин следователь. Книги.

— Надо полагать, привезли какую-нибудь редкость?

— Ничего я ему не привозил. И вообще за кого вы меня принимаете? Книги — мое хобби. Я коллекционер, а не торговец. Иногда, конечно, продаю кое-что, но больше меняюсь со знакомыми библиофилами. Имею право?

— Экий вы, голубчик, чувствительный.— Гуров неторопливо снял очки и, подышав на стекла, протер их кусочком замши.— У меня и в мыслях не было покушаться на ваши права. Обменивайтесь себе на здоровье. Речь ведь идет лишь о воссоздании обстановки. О чем вы беседовали с профессором, не припомните?

— Допустим, об Альбрехте Дюрере. Вас это устраивает? О факсимильном альбоме.

— Вполне... А от Солитова куда направились?

— Думаете, я помню?— Петя негодующе пожал плечами.— Надо полагать, прошелся по ближайшим букинистическим и вернулся домой... А может, в кафе поужинал. Это в детстве один день на другой непохожим казался. Нынче время летит, мешая события и лица. Все, как в мясорубку, проваливается.

— Своеобразное сравнение, Петр Васильевич, ничего не скажешь... Однако предположим, что в тот вечер вы вернулись домой, даже после ужина в ресторане... Что по телевизору показывали, не обратили внимания?

— Я уже забыл, когда врубал ящик. Каждый день одно и то же.

— Позвольте мне вмешаться в вашу беседу.— Люсин слегка привстал с дивана.— Если я не ошибаюсь, профессор Солитов переехал на дачу в последних числах марта, двадцать седьмого, коли быть абсолютно точным. Как вы полагаете, Петр Васильевич, почему он оказался в тот день в Москве?

— А я знаю? Он же в институте работает, на кафедре. Мало ли какие могли быть дела... Вспомнил!— Петя торжествующе рассмеялся.— У них на другой день субботник намечался! Так что Георгий Мартынович загодя прибыли.

— Вот мы и установили с вами точную дату.— Борис Платонович вернул календарь на прежнее место.— У них, как вы изволили выразиться, намечался субботник. Больше вы с ним не виделись?

— Нет.

— И не звонили?

— И не звонил.

— Боюсь, что на сей раз память вас основательно подвела. Мы располагаем сведениями, что вы все-таки говорили с ним по телефону после той встречи. По крайней мере один такой разговор имел место шестнадцатого августа.

— Интересное кино!— Петя закинул ногу на ногу, обнажив спущенный носок, к которому пристали какие-то колючие семена.— У них, видите ли, сведения есть, а я вот почему-то не помню. Поглядим, что вы мне шьете...

— Были за городом недавно, Петр Васильевич?— благодушно поинтересовался Люсин.

— Так-так... Похоже, я нахожусь под колпаком. Мои телефонные разговоры подслушивают, за мной следят и все такое прочее. На каком, хотелось бы знать, основании?

— У вас мания преследования, Корнилов!— Люсин порывисто поднялся и, пройдя к окну, слегка прислонился к широкому подоконнику.— Кому вы нужны? Просто я совершенно случайно обратил внимание на облепившие вас колючки... Однако должен предупредить, что вам действительно грозят серьезные неприятности, если вы не перестанете валять дурака. Имейте в виду, что профессор Солитов пропал без вести сразу же после вашего звонка. Это немаловажное обстоятельство. Вам придется напрячь свои мозговые извилины и сообщить нам, где вы были в тот день и что делали, минута за минутой... Надеюсь, с августом дело пойдет легче, чем с более отдаленным апрелем... Извините, пожалуйста, Борис Платонович.

— О чем вы говорите, Владимир Константинович!— улыбнулся Гуров.— Вполне существенное замечание... Так как насчет шестнадцатого августа, Петр Васильевич?

— А как насчет тридцать первого июня, инспектор?— Петя хмуро покосился на Люсина.— Вы, например, можете вспомнить, как провели этот день?

— Похоже, вы не вняли добрым советам, Корнилов. Кстати, для вашего сведения, в июне всего тридцать дней.

— Ну и бог с ним, мне без разницы. Меня в создавшейся ситуации интересует совсем другое: как обстоят нынче дела с социалистической законностью? С презумпцией невинности?

— Не путайте невиновность с невинностью, Корнилов. Это смешно.— Люсин, словно бы потеряв всякий интерес к разговору, отвернулся к окну.

— Действительно, Петр Васильевич, по части юриспруденции у вас в голове полнейший хаос,— как бы вскользь заметил Борис Платонович.— Ваша ссылка на нарушение социалистической законности абсолютно беспочвенна. В чем вы усматриваете такое нарушение?

— Когда тебя обвиняют неведомо в чем, когда шьют дело...

— Стоп-стоп!— Гуров предупредительно постучал по столу.— Не увлекайтесь. Вы находитесь здесь лишь в качестве свидетеля, о чем были своевременно предупреждены и дали соответствующую подписку. Насчет обвинений не было сказано ни слова.

— Пока,— уточнил Люсин, вглядываясь в беспросветное небо над крышами.— Хотелось бы напомнить, что профессор Солитов имел при себе крупную сумму денег.

— И что с того?— Корнилов вскочил, резко отбросив стул.— Я его ограбил? Убил? Вы это хотите доказать? Это?!

— Сядьте,— не оборачиваясь, бросил Владимир Константинович.— И постарайтесь усвоить, что подобными заявлениями вы сами свидетельствуете против себя. Да простит меня Борис Платонович, но я питаю на ваш счет серьезные сомнения, Корнилов.

— Да-да,— подхватил Гуров.— Ваши реакции не всегда, как бы это поточнее сказать, адекватны.

— Это с одной стороны.— Люсин словно бы отстаивал свою, несколько отличную от Бориса Платоновича, точку зрения.— А с другой, думается, будет правильнее, если мы скажем свидетелю, что знаем, ради чего он пригласил в тот день, шестнадцатого августа, профессора Солитова.

— Интересно,— выдавил из себя Корнилов, пряча слегка задрожавшие руки.

— Я думаю, Владимир Константинович, что будет лучше, если Петр Васильевич расскажет сам,— вкрадчиво заметил Гуров.

— Конечно, это был бы наилучший вариант. По крайней мере мы получили бы подтверждение искренности свидетеля. Но он почему-то предпочитает запутываться в своем голословном отрицании все глубже и глубже. В чем дело, Корнилов?— Владимир Константинович отошел от окна и присел на краешек стола.— Чего вы, собственно, боитесь? Ваши букинистические игры, можете поверить на слово, никого не волнуют. Речь идет о жизни человека, и какого человека!

— То есть как это о жизни?— Петя Корнилов испуганно заморгал. Похоже было, что он только сейчас полностью уяснил создавшуюся ситуацию.— Разве Георгия Мартыновича?..

— А вы как думали?— Люсин вновь устроился на диване.— Человек снял со сберкнижки деньги и вдруг исчез среди бела дня.

— И никаких следов?

— Почему никаких?— Люсин переглянулся с Гуровым.— На вас, полагаете, мы по наитию вышли?

— Я-то тут с какой радости?

— Вот это нам и предстоит сейчас уточнить. Спокойно, доказательно, объективно.— Владимир Константинович почувствовал, что добился перелома.— Поставьте себя на мое место, Корнилов.

— Ну?

— Тогда вы должны понять, что в ваших интересах всемерно помогать следствию.

— Мне кажется, что Петр Васильевич уже уяснил определенную деликатность своего положения.— Гуров сочувственно кивнул Пете.— Продолжим, если не возражаете?— И положил пальцы на клавиши «Рейнметалла».— Итак, о чем вы говорили в то утро с Георгием Мартыновичем?

— Во-первых, я позвонил ему не утром, а вечером, накануне.

— О чем вы говорили с профессором Солитовым по телефону вечером пятнадцатого августа сего года?

— Я сказал, что мне случайно попалась любопытная книга. Георгий Мартынович заинтересовался и пообещал заглянуть на другой день, но почему-то не приехал.

— Какая именно книга?— требовательно спросил Люсин.

— Это имеет значение?.. Хорошо, я скажу. Речь шла о богемском травнике семнадцатого века из библиотеки императора Рудольфа.

— Откуда это известно, что из библиотеки императора?

— На титуле была печать.

— К вам она каким путем попала?

— Совершенно случайно. Умер один старый коллекционер, и дебилы наследники распродали все его книги, причем по частям, идиоты.

— «Один коллекционер»— это нас не устраивает.— Словно позабыв про магнитофон, Люсин неторопливо раскрыл блокнот.— Имя, фамилия, адрес, что за наследники.

— Зачем вам это?— с опаской осведомился Петя.

— С одной-единственной целью: проверить каждое ваше слово.

— Спасибо за откровенность.

— Книга все еще находится у вас?

— Н-нет, к сожалению, такие вещи долго не задерживаются.

— Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. Сколько вы запросили за свое сокровище?

— Конкретно о сумме речь не шла,— уклончиво пробормотал Петя.— Разве что грубо ориентировочно... Я уже точно не помню.

— Хватит ссылаться на забывчивость!— Люсин слегка повысил голос.— Имейте в виду, что нам известно, сколько денег снял Георгий Мартынович со сберкнижки. Не упустите свой шанс, Корнилов. Докажите, что вам еще можно верить.

— Ну да, а после вы станете лепить мне спекуляцию.

— Владимир Константинович, кажется, уже дал вам разъяснения на сей счет,— осторожно вмешался Гуров.— Я, со своей стороны, как говорят, не для протокола могу лишь заметить, что на суде, если до этого дойдет, вы будете вправе отказаться от своих показаний. Но я почему-то уверен, что мы с вами поладим без всякого суда... Итак, сколько вы запросили за книгу?

— Полторы,— после долгого размышления ответил Корнилов.

— Кстати, куда вы звонили в тот вечер Солитову: на дачу или же на квартиру?— спросил Люсин.

— На дачу.

— А, собственно, почему профессор, пожилой, уважаемый всеми человек, должен был обязательно ехать к вам? Не проще ли было вам самому отправиться к нему на Синедь?

— Не знаю, право.— Петя взглянул на Люсина с некоторой растерянностью.— Уж так вышло. Да и не с руки мне было переться на край света с таким талмудом. Мало ли чего...

— Ладно, это я так, замечание по ходу.— Владимир Константинович демонстративно закрыл блокнот.— Лично мне почти все ясно. Еще раз простите за вмешательство, Борис Платонович.

— Собственно, мы приблизились к финишу.— Гуров довольно потянулся в предвкушении предстоящего отдыха.— Остается уточнить, Петр Васильевич, где и как вы провели интересующий всех нас день шестнадцатого августа?

— Короче говоря, вас интересует мое алиби?

— Вы не ошибаетесь.

— К великому сожалению, у меня его нет. Весь день я провел дома. Сначала ждал профессора, потом занялся составлением одного библиографического списка и провозился до ночи. Живу я одиноко, и никто не может свидетельствовать в мою пользу.

— Ничего страшного,— успокоительно заметил Гуров.— В такого рода делах вообще не бывает полного алиби. Ведь в принципе вы могли позвонить Солитову и не по собственной воле, а, скажем, выполняя чье-то поручение? Это первый вариант. Возможен и второй. Вы могли рассказать об условленной встрече другому лицу, причем без всякой задней мысли. В этом случае вы не несете ответственности за неблаговидные действия этого лица, при условии, конечно, что назовете его нам. Я ничего не утверждаю, а лишь выдвигаю вполне естественные предположения.

— Одним словом, куда ни кинь, всюду клин и мне хана?

— По-моему, вы превратно истолковали мое разъяснение. Мы ничего от вас не скрываем, ни я, ни Владимир Константинович. Игра идет, что называется, в открытую. Такое доверие надо ценить, Петр Васильевич.— Гуров протянул Корнилову отпечатанный протокол.— Пожалуйста, прочитайте и, если согласны, подпишите свои показания.

— А что потом?

— Потом?— Борис Платонович недоуменно пожал плечами.— Потом вы напишете, у кого купили и кому продали книгу. Я тут же отмечу вашу повестку, и мы разойдемся, к обоюдному удовольствию. Если понадобится, вызовем еще...

— И что ты о нем думаешь?— спросил Люсин, закрыв за Корниловым дверь.

— Дрянцо человечек, но к делу, по-моему, не причастен.

— Мне тоже так кажется, хотя чего-то он явно не договаривает.

— Боится, что всплывут живописные подробности книжных гешефтов. Это очевидно.

— Не только, Борис Платонович, тут что-то еще есть...

Глава двадцатая

ОЗЕРО СИНЕДЬ

Тело Солитова было обнаружено в частоколе ржавых труб, служивших некогда опорами для лодочной пристани. После реконструкции шлюзовой системы прокатный пункт передвинули в другое место, в результате чего на торчащих над водой железных концах появилась доска, предупреждающая пловцов об опасности. Это было сделано скорее для очистки совести, потому что едва ли кому-нибудь взбрело бы на ум здесь искупаться. Деревянная лесенка, которая раньше выводила прямо к мосткам, была давным-давно разобрана, и спуститься с отвесной кручи стало куда как затруднительно. В довершение всего подводные течения, особенно усиливающиеся с сезонным подъемом шлюзов, сгоняли в этот застойный заливчик всякий мусор. На общем индиговом фоне здешняя вода выделялась расплывчатым бурым пятном. Лишь в самом начале лета, и то если стояла сухая погода, муть немного рассеивалась.

Трудно сказать, что заставило водолазов еще раз как следует пошарить в этом далеко не безопасном местечке, где в сваях запутался топляк, а на непроглядном илистом дне валялись битые бутылки, искалеченная детская коляска и покореженные части автомобильного кузова.

Длительное пребывание в воде сделало свое дело. Даже такие стреляные волки, как Гуров, Целиков да и сам Люсин, видавший, кажется, виды, не без внутреннего усилия заставили себя приблизиться к останкам.

— Опознать будет трудненько,— поспешно закуривая, заметил Гуров.

— Сделаем это с помощью рентгена,— возразил Люсин, не отводя напряженных глаз с того, что скрывалось теперь от него за спинами водолазов, врача и деловито озабоченных криминалистов.— А вообще-то я не сомневаюсь, что это он... И плащ его, судя по описанию.

— Конечно, он,— уверенно кивнул Гуров.— Кто же еще? Ведь других сигналов как будто не поступало?

— Тот еще натюрморт! Нарочно не придумаешь.— Крелин, закончив работу, присоединился к остальным.— Дайте закурить!— попросил он, пряча за спиной руки.

— Вы же вроде бросить хотели?— Гуров сунул ему в рот зажженную сигарету.

— Человек должен быть хозяином своего слова, а не рабом.— Крелин несколько раз с торопливой жадностью затянулся и выплюнул окурок.

— Он сам или?..— спросил Гуров.

— Всяко возможно.— Крелин с сомнением дернул щекой.— Ни денег, ни сберкнижки, во всяком случае, нет. К тому же одна пуговица вырвана чуть ли не с мясом, хотя это еще ни о чем не говорит. Поживем — увидим.

— А что врач?— Гуров кивнул на лысого толстяка, по-детски присевшего на корточки возле тела.

— Так он и скажет до экспертизы. Как же! Если человек попал в воду живым, то в легких должны обнаружиться микроводоросли.

— Ну и что с того?— на повышенных тонах возразил Целиков. Скорее всего ему просто хотелось поговорить, чтобы поскорее снять напряжение.— Свалиться тоже можно по-разному. Одно дело — случайно поскользнулся и упал, и совсем другое... Вот, помню, был у меня такой случай в шестьдесят девятом году...

— Ладно!— раздраженно оборвал Люсин, заставив слегка обиженного Целикова примолкнуть.— Нечего переливать из пустого в порожнее. Крелин прав: поживем — увидим. Что дальше будем делать, Борис Платонович? Криминалисты и медик, я вижу, свою задачу выполнили.

— За Солдатенковой надо бы послать.

— Здесь, в такой обстановке?.. Не слишком для нее?

— В морге, полагаете, будет выглядеть лучше?— Гуров с сомнением пожевал губами, но, взглянув на угрюмо-сосредоточенное лицо Люсина, махнул рукой.— Ладно, пусть увозят...

— В карманах больше ничего?— Люсин обернулся к Крелину.

— Насколько можно судить, ничего, кроме ключей и мелочи. Господи!— Всеми помыслами уйдя в осмотр, где любая соринка могла впоследствии сыграть первостепенную роль, криминалист только теперь обрел способность нормально мыслить.— Ключи!

— А браслет куда-то подевался?— пробормотал Владимир Константинович, думая о своем.

— Какой браслет?

— Неважно... А ключики мы проверим.— Люсин ожесточенно прищурился.— Причем незамедлительно.

Санитары задвинули носилки в машину, затарахтели моторы, и в студеном прозрачном воздухе разлился запах отработанного бензина.

Озеро блестело под безоблачным небом невозмутимой синевой летних дней, хотя леса вокруг, тронутые последними пламенеющими мазками, сквозили оцепенелой пустотой. Изредка посверкивающий то здесь, то там гребешок пены лишь подчеркивал безмятежную чистоту горизонта. Природа не замечала неуклонно стягивающейся петли, и не было у нее памяти о человеке.

Сад ведовских зелий, куда вошли Люсин с Крелиным, отворив жалобно скрипнувшую калитку, являл печальное зрелище. Травы на куртинах и грядках увяли, давно облетевшие розы топорщились колючими прутьями, и лишь чертополох в глухом углу стойко противостоял иссушающим ночным заморозкам и гипнотическому дыханию неукротимо подступавшей зимы. В слегка подрагивающей паутине запутались семена, живо напомнившие Люсину спущенный носок Пети-Кадыка. Сумрачный дом больше, чем когда бы то ни было раньше, напоминал запечатанный склеп. Окна были скрыты за тяжелыми черными ставнями, дверь заперта, и никто не откликнулся на стук.

— Может, отлучилась куда?— подумал вслух Крелин.

— А ставни?

— Значит, уехала ненадолго.

— Откуда это видно, что ненадолго?

— Так, подумалось почему-то...

— Делать нечего.— Люсин подкинул на ладони ключи.— Придется сходить за понятыми.

— Не терпится попробовать?— понимающе улыбнулся Крелин.

— Не только это.

Можно пригласить тех, что были тогда.

— Так мы и сделаем. Особенно того старичка, в очках. Уж он-то должен знать, куда запропастилась Аглая Степановна.

— Ты чего, огорчился? Небось надеялся, что опять угостят вкусной похлебочкой?

— Тебе, я вижу, здорово весело, а мне, представь, не очень.

— Мировая скорбь? Я тебя уже предупреждал однажды, что нельзя поддаваться настроению.— Крелин перехватил вновь подброшенную Люсиным связку ключей и сунул ее к себе в карман.— Если бы все полицейские и врачи переживали каждую смерть так трагически, то в мире давным-давно не осталось бы ни врачей, ни полиции. Не укорачивай себе жизнь, Люсин. Да что там жизнь! Раньше или позже, как говорится, все там будем. Болезнь — вот чего надо по-настоящему опасаться. Побереги нервы, Володя. С них все и начинается. Медицинский факт.

— Вовсе не в том дело.— Люсин надулся, словно застигнутый на месте преступления дошкольник, и отвел глаза.— Просто мне немного не по себе. Может, погода, может, давление подскочило.

— Знаю я эту погоду! Постарайся усвоить одно: на нас, в первую очередь я подразумеваю тебя, нет и тени моральной ответственности. Ты понял? Солитов был убит, то есть я полагаю, что он был убит, задолго до того, как тебе поручили дело. Так какого, прости меня, черта? Делай свою работу и радуйся жизни, которая нам тоже дана не навек... Сколько ему было? Я позабыл.

— Семьдесят три.

— Нам бы с тобой дожить! Ей-богу, Володя, ты мне ужасно не нравишься. Так нельзя. При нашей службе смерть нужно воспринимать с минимальной затратой эмоций. Иначе попадешь в реанимацию или хуже того — в психбольницу.

— Так ведь смотря чью смерть! Ты представить себе не можешь, что это был за человек. Даже ты! За эти месяцы он, как бы тебе объяснить, стал для меня очень близким, живым, что ли. Да, я упорно искал все это время его труп и вроде бы даже знал, что найду, но в глубине души вроде как на чудо надеялся. Готов был ухватиться за любую соломинку. Так бывает, Яша, ты сам это знаешь. Мы ведь не заблуждаемся насчет собственного конца, все распрекрасно знаем, даже разряд, по которому похоронят. И все же...

— И все же?— вопросительно повторил Крелин, облизав пересохшие губы.

— Всегда рады поверить, что с нами, как бы это точнее выразиться, все случится немножко не так.

— А как, ты случайно не знаешь?

— Брось иронизировать. Ведь ты прекрасно понимаешь, что именно я пытаюсь сказать,— проговорил Люсин, присаживаясь у крыльца.— А сейчас не сочти за труд — приведи понятых. А я пока посижу, погреюсь на последнем солнышке. Устал чего-то, ноги не держат.

— «И это пройдет». Вот единственная мудрость жизни. Но она дает и некоторое утешение. Не в пример познанию, которое лишь умножает скорбь. Для твоего сведения, Флобера как-то нашли лежащим в беспамятстве. «Только что умерла госпожа Бовари»,— объяснил он, когда его привели в чувство. Поэтому не завидуй создателям бесплотных форм. У них тоже есть свои огорчения. Им даже приходится убивать своих героев. Как Бальзаку, который едва не заболел, когда умер старик Горио.

— Ты-то откуда все это знаешь?

— Я давно не расту над собой, как хохмил в годы нашей молодости какой-то эстрадный трепач. Я перестал штудировать перед сном работы по специальности. Я читаю только художественную литературу. Причем отдаю предпочтение древней жизни.

— Утешает в горестях?

— И утешает, и наставляет на ум... А понятых я тебе достану из-под земли. Сиди себе спокойно, дыши озоном. Все-таки нет ничего лучше сосен! Чувствуешь, какой аромат?

Когда Крелин привел живущего по соседству старичка Караулкина и юную почтальоншу Таню, Люсин, превозмогая охватившую его дремотную слабость, отомкнул оба замка, демонстративно распахнул и, словно прощаясь, медленно притворил обитую искусственной кожей дверь.

— Что и требовалось доказать, товарищи,— заметил он с наигранной беспечностью.— Ключи принадлежали Солитову.

Понятые, осведомленные Крелиным по дороге, понимающе закивали.

— Жалко Георгия Мартыновича.— Караулкин под конец прослезился.— Редкого душевного совершенства был человек! Да будет земля ему пухом. А вам спасибо, хоть похоронят теперь достойно. Рядом с хозяйкой, с Анной Васильевной. Я знаю могилку, могу показать, если надо.

— А Аглая Степановна разве не знает? Кстати, где она сейчас?

— Степановна? Уехала от нас, голубушка, совсем уехала.

— Так скоропалительно? Ни с того ни с сего?

— Значит, была причина.— Караулкин насупился.— Тут Игорь Александрович на днях приезжал, беседу имел с ней серьезную. Только нас это не касается, товарищ начальник, ни с какой стороны. Последнее дело — соваться в семейные дела.

— Но ведь Солитов завещал дом именно ей!

— Эх, легко сказать... Скоро улита едет! Не стала Степановна ждать суда. Собрала свой чемодан деревянный, понавязала узлов и отбыла в родимые края. Тянет нас, стариков, к отчим могилкам. Только боюсь, что не больно ей там обрадуются.

— Адреса не оставила?

— Писать обещалась. Как, значит, обоснуется, так и сообщит. Травку свою раздала по соседям. Каждому наказала, как и чего пить. Мне тоже оставила. Против давления и от радикулита.

— А не сказала вам, на чем они порешили с Игорем Александровичем?— без особой надежды спросил Люсин.

— Сказала, не сказала — какая разница? Уехала — вот что важно. А куда уехала? В белый свет! Лично у меня большого доверия к ее сродственникам нету. Хоть она и прикопила кое-чего на черный день, но человеку, кроме корки хлеба, внимание требуется, ласка.

— И когда она уехала?

— Третьего дня, аккурат через неделю после наезда Игоря. Он и ко мне заходил, за домом просил приглядывать, за участком. Сами они с Люсей, с Людмилой Георгиевной, значит, обратно за рубеж собираются, к месту службы. Пока, говорит, пусть все, как есть, остается, а там они решат, что делать, когда окончательно возвернутся. Я так понял, что в нынешнем виде садик его решительно не устраивает. И то правда: на кой ему эти дикие сорняки? Может, фруктовых деревьев побольше насадит? Кто его знает, чего он там себе думает... Люсю бы надо предупредить, что отца-то нашли.

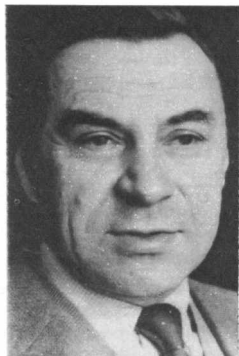
Решив, что не стоит заходить в покинутый дом, Владимир Константинович присел на ступеньку, набросал коротенький протокол и, дав понятым подписаться, подтолкнул Крелина в спину:

— Поехали.

Ему захотелось как можно скорее уехать отсюда, чтобы не видеть ни этого уподобившегося заброшенному погосту вертограда, ни возвышающегося над ним траурного мавзолея с плотно пригнанными слепыми ставнями.

— Может, дадите знать, когда Георгия Мартыновича хоронить будут?— семеня вслед, попросил Караулкин.

— Обязательно,— пообещал Люсин, обернувшись на ходу.— А с Людмилой Георгиевной я сам свяжусь, вы не беспокойтесь.

Продолжение следует.

КУДРИН ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ.
Родился в Москве. После окончания факультета журналистики МГУ работал на Сахалине разъездным корреспондентом местного радио, позже — на Московском радио в редакции, вещающей на страны Латинской Америки. С 1978 года по 1984 год был корреспондентом советского телевидения и радио в Испании. Ныне — политический обозреватель Центрального телевидения и Всесоюзного радио.

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ

Игорь **КУДРИН**

ДОРОГАМИ ДОН КИХОТА

Осторожно, чтобы не задеть фасадов средневековых домиков из серого камня, я выезжаю на уютную крохотную площадь незнакомого мне поселка. Судя по тому, что на ней размещены местная мэрия, отделение сельской жандармерии и таверна, можно даже не искать табличку с названием: как и повсюду в Испании, она просто обязана называться «Пласа майор», то есть Главная площадь. На этом пространстве, под десятком дающих тень тополей, узнаются все здешние новости, жарко обсуждаются долетевшие из Мадрида или Толедо слухи, выносятся категорические суждения о видах на урожай или о ценах на хлеб, сыр и вино. Но сейчас на дворе осень, а потому неизменные старожилы Главной площади, не снимая черных беретов, вместе со своими извечными проблемами и разговорами переместились в деревенский трактир.

Его полутемное помещение за многие десятилетия насквозь пропиталось запахами вина, табака, оливкового масла. На незнакомца мгновенно устремляются взгляды всех «черных беретов», перекидывающихся в карты и стучащих костяшками домино, а заодно потягивающих из узких стаканчиков «вино де каса»— домашнее виноградное вино. Через несколько секунд они уже не смотрят на меня, но настороженно слушают: ждут, о чем я спрошу хозяина, чего закажу. Иностранец в таких селениях в диковинку, будет что рассказать дома жене. Ведь по каким-то неписаным правилам местные женщины никогда не переступают порог таверны, оставляя ее на попечение своих мужчин. Тем временем хозяин с унаследованной от отца-трактирщика вежливостью и приветливостью спрашивает:

— Сеньору кофе или вина?..

В этой стране кофе варят всюду одинаково щедро и вкусно, будь то в шикарном зеркальном зале на мадридской Гран-Виа или в таком поселочке, как этот. Из крохотного окошечка таверны открывается вид на обширное пастбище. Отара овец, скрюченная от холода фигурка пастуха, скорее всего подростка. А еще дальше, на холмах, вытянулся длинный ряд ветряных мельниц. По опыту прошлых поездок я знаю, что далеко не все мельницы Ла-Манчи, даже если они выглядят совсем-совсем древними, построены во времена Дон Кихота. В период франкизма здесь наблюдался самый настоящий приступ туристского бизнеса. Чтобы заманить побольше американцев, англичан, французов, предприимчивые дельцы построили те самые мельницы, с которыми сражался благородный рыцарь. Строили наспех, так что уже через несколько лет подделки выглядели обветшалыми развалинами. И это было на руку организаторам тура по Ла-Манче: мол, смотрите, вот мельницы прошлых веков, они, правда, развалились, но в этом вся их прелесть. Туристы фотографировались на фоне «сказочных великанов», тайком обдирали с мельничных стен штукатурку, не подозревая, что она изготовлена в дымящей по соседству кустарной мастерской.

— Мельницы настоящие?— тихо спрашиваю хозяина. И чувствую, как разом заулыбались люди за деревянными столами. Но, если верить Санчо Пансе, житель Ла-Манчи столь же раздражителен, сколь честен. Владелец таверны, ничуть не раздражаясь, тут же лукаво отвечает:

— Думаю, то, что ищет сеньор, находится по другую сторону шоссе, а эти сооружения несколько более поздней эпохи...

Он уже сидит рядом со мной. К нам подсаживаются вновь пришедшие люди. Заходит обычный разговор о жизни, земле, работе, налогах, урожае, вине, овцах. Им приятно выговориться перед чужеземцем, которого интересуют повседневные крестьянские дела и заботы, их труд, их жены и дети. Хемингуэй, этот прекрасный психолог и отличный знаток Испании, очень тонко подметил однажды, что испанец предан своей семье и своему ремеслу. И действительно, если интересуешься его селом и работой, его родными, он проникается к тебе доверием, становится на редкость откровенным.

Среди этого разговора, вслушиваясь в незатейливые истории, байки и споры, я невольно думаю о том, насколько же многолика и прекрасна эта страна, Испания. В ста пятидесяти километрах отсюда шумит нарядный Мадрид. В пяти часах езды плещут под Валенсией волны Средиземного моря. Если поспешить, то к вечеру можно въехать в столицу Андалусии Севилью. Впрочем, большинство моих собеседников вряд ли выезжали намного дальше Толедо и Сьюдад-Реаля, разве что в Мадрид изредка. Сами условия жизни и труда прочно привязали их к этой земле. Как и большинство сельских жителей, они не терпят дальних переездов, боятся больших городов с их суетой, сутолокой, лабиринтами улиц, вечно занятыми и спешащими пешеходами. Пусть здесь труднее, беднее, глуше, но на этой земле твоя деревня, твой дом, твои дети. Тут всегда под рукой добрый сосед, который придет на выручку.

Меня давно занимает одна неспокойная мысль. Когда Сервантес садился за написание своего знаменитого романа, он уже немало побродил по белу свету, многое увидел, пережил, испытал. К тому времени он сполна познал и родную Испанию: видел старые и новую столицы — Вальядолид, Толедо и Мадрид, вдыхал свежесть арагонских лесов, вслушивался в гул портовых городов, глотал красную пыль на андалусских дорогах. Так почему же все-таки однажды вечером (почему-то кажется, что случилось это таинство непременно под вечер) он, обмакнув гусиное перо в оловянную чернильницу, вывел ставшую классической фразу: «В некоем селе Ла-Манчи, имени которого мне не хочется упоминать, жил один идальго...»?

...Говорят, здесь жила его первая любовь донья Ана Мартинес Сарко де Моралес. Отсюда же родом и жена писателя Каталина Паласьос, дядю которой звали Алонсо Кихада (улавливаете созвучие — Кихада и Кихот?). А может быть, Сервантес считал, что характер жителей этого края лучше всего отвечает представлению об испанцах? Кто знает, может быть, здесь он, человек, испытавший в жизни столько несправедливости, горя, обид, унижений, на какое-то короткое время почувствовал себя счастливым, независимым, сытым... Да-да, именно сытым. Ламанчский исследователь творчества Сервантеса Энрике Гарсиа Солана, перечитав страницы романа о Дон Кихоте, где описываются сцены трапезы, пришел к печальному выводу: в этот период автор переживал полуголодное существование.

Так кто же ответит на этот вопрос? Мои новые знакомые?

— Почему Сервантес назвал Дон Кихота Ламанчским?

Хозяин таверны и посетители недоуменно посмотрели на меня: не шучу ли?

— Потому что он родился у нас в Ла-Манче,— отвечают мне, словно непонятливому ребенку.

— Вы верите, что Кихот — лицо реальное, что он и в самом деле жил на этой земле?

В углу перестали стучать игроки в домино. Стало совсем тихо. Все ждали самого авторитетного ответа от хозяина.

— Конечно, сеньор! Как вы могли сомневаться? Спросите у любого. У нас в селе до сих пор живут дальние родственники и доны Кихады, и Санчо Пансы.

«Черные береты» согласно закивали головами, заговорили: мол, чудной народ эти иностранцы. Разве можно сомневаться в такой простой истине? Милые, наивные люди. Я отлично знаю, что, кроме владельца трактира, вряд ли кто из них вообще брал в руки книгу своего великого соотечественника. Ла-Манча наряду с Эстремадурой постоянно упоминается в одном из самых горьких разделов официальной статистики — здесь самый высокий по стране уровень неграмотных. Так что многие из них и сегодня, спустя почти четыре столетия, могут подписаться под печальным признанием земляка Санчо: «Я не знаю даже первой буквы алфавита».

Я и раньше нет-нет да и задавал такие вопросы в других деревнях Ла-Манчи, другим крестьянам. Одни смущенно признавались, что книги не читали, а потому судить о ее героях не могут. Другие ссылались на то, что еще от родителей слышали нечто в этом роде. Но большинство уверенно отвечали: Кихот и Санчо не просто существовали на самом деле, но даже жили именно в том самом селе, где я находился. Так что, считай, мне просто повезло.

На память приходит, например, встреча в Пуэрто-Лаписе, откуда, как считают некоторые ученые, начинался в романе первый выезд благородного рыцаря. В придорожном ресторане есть дворик-патио. Это своеобразный музейчик под открытым небом: старинный колодец, телега, предметы домашнего обихода прошлого. Опасаясь, как бы я не уехал дальше, ограничившись одним осмотром и ничего не отведав, ко мне подходит пожилой официант:

— Да-да, сеньор, именно здесь провели усталые путники ночь перед посвящением Дон Кихота в рыцари. Этот постоялый двор всегда славился хорошей кухней,— как-то незаметно у меня в руках оказывается меню, где перед каждым блюдом значатся настораживающие цены.

Фиеста в Консуэгре.

Подлинные мельницы Ла-Манчи.

Памятник героям Сервантеса в Тобосо.

●

Приветствуют королеву красоты в Консуэгре.

●

Сборщики винограда.

●

Обычная сцена на улицах Толедо.

Фото Леонида **ПРИДОРОГИНА**

Напрасно я пытался увернуться, ссылаясь на такого верного свидетеля, как Сервантес. А он писал, что здесь идальго дали кусок соленой трески и черный заплесневевший хлеб.

— Вы читали плохой перевод романа,— сразу нашелся официант. Пришлось остаться, и, надо сказать, кормили здесь несравненно лучше, чем в то далекое время. Поднося мясо и сыр, прыткий работник частного сервиса приговаривал:

— Вот видите, а вы не хотели мне верить... Да вам любой мальчишка скажет, что здесь Дон Кихот...

Мальчишек не было, зато мимо шел плотный коренастый старик. Оказалось, это местный гончар Инесо Морено. Он тут же призывается в свидетели того, что Кихот обедал на этом самом постоялом дворе и чуть ли не за тем же столиком, где сижу я. Инесо степенно ждет, пока ему нальют красного вина, а потом начинает долгий разговор.

Для него, Инесо Морено, уроженца Пуэрто-Лаписе, потомственного гончара, отца пятерых детей и деда восьми внуков, нет никакого сомнения в том, что и Дон Кихот, и Санчо родом именно отсюда, из этого селения. Во всяком случае, его отец с детства учил своих детей верить на слово такому мудрому человеку, как Мигель де Сервантес Сааведра. Боясь опровержений, гончар переходит в атаку:

— У вас в России читают нашего писателя? Ага, видите, сами признаете, что много читают и очень любят. А за что мы все, испанцы, русские, все остальные любим Сервантеса? За то, что он говорил сущую правду, описывал жизнь такой, какая она есть на самом деле. Так чего же тут сомневаться?

Логика говорливого ремесленника кажется ему самому убийственной. В наказание я должен еще раз угостить его тем самым вином из Сьюдад-Реаля, которым не прочь был побаловаться самый известный на белом свете оруженосец. Уходя и прощаясь, Инесо вроде Санчо говорит о том, что он привык летом после обеда поспать часик-другой и что Дон Кихот все же родом из Пуэрто-Лаписе.

Ах, какой же все-таки дальновидный писатель был Мигель Сервантес! Как гениально нашел он эту обтекаемую форму «в некоем селе Ла-Манчи». Пусть ломают себе головы историки, литературоведы, писатели! Только для местных жителей здесь не кроется никакой тайны, никакой загадки. Каждый из них знает истину, правду, которую Сервантес скрыл только для того, чтобы никого не обидеть.

О том, что ты находишься в Ла-Манче, а не где-нибудь еще, путнику постоянно напоминают монументы писателю и его героям, улицы и площади, носящие их имена. Даже дорожные указатели здесь изготовлены в форме копья Рыцаря Печального Образа. Дон Кихот и Санчо то весело, то печально смотрят на тебя с рекламных проспектов. Специальные справочники сулят тебе повсюду встречи удивительные, знакомства невероятные, открытия самые чудесные. А сами названия населенных пунктов, нанесенные на местные карты! Они словно взяты со страниц романа — Кинтанар, Антекера, Монтесинос, Алькобендас, Альмодовар... Здесь каждый эпизод книги тебе растолкует на свой лад мэр, учитель, врач, крестьянин, неграмотный пастух, но в каждом рассказе так или иначе будет фигурировать их родное селение. Поэтому я уже не удивлялся таким рассуждениям:

— Да, это у нас, в Кампо-де-Криптане, шло сражение с мельницами. А мальчишку Андреса пороли возле Кинтанара. Случай со львом произошел в Бельмонте... Нет-нет, каторжников, помилуй бог, добрый сеньор отпустил далеко от этих мест...

После сказанного совершенно очевидно, что версию о том, будто идея романа, его первые главы родились у Сервантеса в севильской тюрьме, Ла-Манча начисто отвергает. Причем приводит свой веский аргумент — городок Аргамасилья-де-Альба.

Впервые я попал сюда под вечер. Солнечный шар был раскален до предела, просто не верилось, что дело идет к закату. Поднимая густую пыль, путаясь под колесами попутных и встречных машин, по улицам брели отары овец. С трудом добрался я в этой толчее до узенькой улочки Сервантеса, где и нашел дом Медрано. Согласно легенде, именно в подвал этого особняка по несправедливому обвинению в растрате казенных денег был брошен кристально честный, всю жизнь не имевший лишнего реала за душой Сервантес. Дом-то нашел, но его двери украшал ржавый амбарный замок. Я начал беспомощно оглядываться по сторонам, не заметив поначалу, что из подслеповатых, заставленных горшками с геранью окошек меня уже «засекли» несколько пар любопытных и острых глаз, и вот передо мной уже стоит, позвякивая ключами, маленькая круглая старушка, одетая во все черное. Донья Пилар шумно распахивает дверь, засвечивает тусклую лампочку, и я спускаюсь вниз по скрипучим деревянным ступеням.

На каменном холодном полу валяется соломенный тюфяк. Рядом низкий столик с чернильницей, сделанной под старину, и полбутылки с темной жидкостью — вроде бы недопитое вино. Осколки другой бутылки разбросаны в дальнем углу. Должно создаваться впечатление, что в отчаянии и в порыве творчества узник швырнул ее о камень. Дальше этого фантазия провинциальных устроителей музея не пошла. Подделка под время, под стиль, даже под правду очевидна. И все равно становится трогательно и грустно в этом подвале, как горько и трагично все, что связано с великой личностью Сервантеса. Да, скорее всего писатель никогда не переступал порог этой мрачной одиночки — так считают многие специалисты. Но ведь я-то нахожусь в Ла-Манче и на себе чувствую ее магнетическую силу, ее неистребимую любовь к писателю, веру в реальность его героев. А тут еще за спиной тихо и жалостливо всхлипывает старушка Пилар, шепча: «Бедный дон Мигель...»

И я невольно чувствую комок в горле. Уже нет никаких сомнений в истории, происшедшей в Аргамасилье. Думаю о том, что чертовски холодно, наверное, было Сервантесу в этом промозглом склепе. А еще больше терзали его обида, непонимание, обман. И тогда он сунул в руку служителю последнюю монету, в обмен на которую получил вино и заветную чернильницу. Отпил, согреваясь, из стакана, задумался ненадолго и разом вывел на бумаге давным-давно выношенную фразу: «В некоем селе Ла-Манчи...»

Находясь на этой земле, кажется, можно засомневаться в самых непреложных истинах. Сервантес родился в городе Алькала де Энарес, в 40 километрах от Мадрида. Не так давно я услышал, что кто-то в городе Алькасар де Сан-Хуан, роясь в архивах, вроде бы нашел в местной церковной книге запись о рождении будущего писателя. Надо съездить и туда, тем более Алькасар числится одним из первых в перечне сервантесовских мест и достопримечательностей.

И снова вокруг однообразный пейзаж. Давно уже нет тех просторных, дающих благодатную тень дубовых рощ, в которых отдыхали рыцарь и его болтливый спутник. По обе стороны дороги красноватая земля, изнуренная длительным засушьем. Кто знает, может, поэтому и нарекли край этот арабским словом «ламанча», что означает «сухой». За всю эту зиму здесь почти не было дождей. А к поселку Бельмонте и его окрестностям и слово «почти» неприменимо: словно заколдован он неким злым волшебником, три года подряд обходят его дождевые тучи, ни капли влаги не упало с небес. Напрасно истово молились в храме хмурые женщины в черных одеждах. Тщетно взывал во время крестного хода священник: «Да поможет бог добрым ламанчским христианам!» В таверне мнения были гораздо трезвее: «Не бог, а власти должны помогать! Впрочем, кому мы нужны. Рядом со столицей, а забытый всеми край!»

Потери от засухи огромные. Еще беднее стали люди. Хотя, кажется, дальше уж некуда. Согласно статистике, хуже ламанчцев живут только в Эстремадуре да в отдельных провинциях Андалусии. То есть Дон Кихоту и сегодня было бы впору снова отправляться в путь, чтобы помочь обездоленным землякам исправить несправедливость, восстановить права, уплатить долги. Почти все земли за колючей проволокой — частные угодья, в большинстве своем невозделанные. Принадлежат они сиятельным особам: герцогам да маркизам, обладателям звучных старинных фамилий и древних наследственных гербов. И какой-нибудь отпрыск графа Рамамонеса, живущий либо в мадридском особняке, либо в роскошной вилле под Валенсией, запрещает обрабатывать свои наделы в Ла-Манче, считая это занятие нерентабельным, невыгодным для него. И какое ему дело до того, что у местных крестьян часто нет и клочка земли, что в былые времена поденная работа на его плантациях кормила сотни семей. Нет на богатея управы. Нет ни в Ла-Манче, ни во всей Испании закона, который бы мог заставить его обрабатывать землю, сеять на ней хлеб, выращивать виноград и овощи. Впрочем, латифундисты не забывают совсем этих мест. Время от времени наезжают они сюда шумными веселыми компаниями погулять, попировать, поохотиться на диких кроликов, лис, кабанов. Совсем как в те времена, что описаны в «Дон Кихоте».

Страдает, гнется от социальной несправедливости и унаследованных от далекого прошлого порядков Ла-Манча. Скудеет, истощается урожаями и людскими ресурсами. На огромной территории в 79 тысяч квадратных километров сегодня живет меньше двух миллионов человек. За последние два десятилетия около полумиллиона ламанчцев снялись с насиженных мест и двинулись в Мадрид, Валенсию, Барселону. Не от хорошей жизни бросают люди дома своих предков, отказываясь от близких сердцу обычаев, расставаясь с родной природой, для кого-то унылой и скучной, а для них самой прекрасной и неповторимой. И вот итог: Ла-Манча — самый малонаселенный автономный район Испании, всего 20 человек на один квадратный километр. «Демографической пустыней» назвала однажды землю Сервантеса влиятельная мадридская газета «Паис».

В состав нынешней Кастилии-Ла-Манчи входят территории пяти провинций, а также две такие жемчужины испанского градостроительства, как Толедо и Куэнка. Толедо, бывшая столица всей Испании, расположен на высоком холме. Немало перенес этот город в древности. На его улочках свирепствовала инквизиция, на площадях горели костры, из огня которых вырывались крики несчастных жертв.

Туристы считают, что из Толедо ведет всего одна дорога на Мадрид. Да, это главная артерия, прямая, как стрела, но вечно забитая до предела машинами, шумная, неугомонная. И мало кто знает, что можно выбраться из древней столицы «с черного входа», по петляющей узкой шоссейной ленте, помеченной на карте совсем тонкой нитью. На протяжении часа кружишь по ней, взбираясь на холмы и вновь спускаясь в долину, обозревая привычные ламанчские пейзажи, пока наконец перед тобой не возникает дорожный указатель с долгожданной надписью «Тобосо». А вот и оно, это селение, выставившее из-за каменной стены на всеобщее обозрение лишь соборную башню. Когда попадаешь сюда впервые, испытываешь некоторое разочарование. Ведь у Сервантеса написано: «...К вечеру открылся перед ними великий город Тобосо, от этого вида дух Дон Кихота возрадовался». Конечно, и здесь писатель мог подсмеиваться над своим наивным героем. Однако хроники свидетельствуют о том, что по тем временам Тобосо был действительно крупным населенным пунктом, где жили торговцы, ремесленники, скотоводы. Говорят, сам Сервантес любил этот городок, ибо, как я уже говорил, жила здесь дама его сердца. Звали ее Ана, происходила она из дворянского рода Мартинесов Сарко де Моралесов. Считают, что само имя героини романа, Дульсинея, происходит от слияния двух слов: «нежная Ана». Сколько веков прошло, но до сих пор дом, где жила Ана, остается самым солидным в Тобосо. Чтобы пройти к нему, нужно миновать целый ряд улочек, которые названы не только в честь писателя, Кихота и Санчо, но и наречены именами второстепенных героев — бакалавра Самсона Карраско и Тересы Панса, супруги верного слуги. Названия улочек написаны на красочных керамических табличках, и на каждой хватило еще места для короткой цитаты из романа, касающейся Тобосо. На улицах тишина, безлюдно, хотя до послеобеденной сиесты еще далеко. Почти никого нет и на площади перед собором XVI века. Рядом с величественной готикой нелепо и безвкусно выглядит монумент коленопреклоненного перед дамой своего сердца рыцаря. Памятник сработан наспех каким-то модернистом из Толедо, он выглядит чужеродным телом среди тобосской старины.

— Да, я слышал, в вашей стране имя нашего дона Мигеля в большом почете. Великий писатель и мыслитель, не правда ли? И какая большая правда во всем, какая мудрость, какая точность в описании!— Мой собеседник, кажется, знает роман наизусть.

— Вы абсолютно правы,— отвечаю я.— Хотя в роман вкралась одна очень серьезная ошибка, и я готов спорить с Сервантесом...

Служитель сразу насторожился от подобной дерзости.

— Да, я не согласен, когда устами Кихота писатель утверждает, что переводить литературные произведения с одного языка на другой то же самое, что «рассматривать фламандские ковры с изнанки». На русском языке роман дона Мигеля так же прекрасен, как на испанском.

Служитель облегченно вздыхает: значит, с гостем спорить не придется.

* * *

Мне пора ехать. Ла-Манча погружается в темноту. Ла-Манча готовится заснуть натруженным коротким сном, чтобы снова подняться с рассветом. Тишина. Ни единого огонька. Впрочем, я уже слышу шум большой дороги. Это значит, что через два с небольшим часа я увижу яркое зарево над Мадридом.

Анатолий РЫБАКОВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Содержание романа «Дети Арбата» соответствует его названию. Это прежде всего рассказ о судьбе и жизни нескольких молодых людей, родившихся и выросших в Москве, на Арбате. Судьбы разные, каждая неповторима, но все вместе они дают, возможно, неполный, но, надеюсь, правдивый групповой портрет юношей и девушек моего поколения. Стремление отразить время во всем его многообразии раздвинуло рамки книги: от арбатских переулков до Кавказа, Урала и Сибири — по горизонтали, от рабочих и студентов до высших руководителей государства — по вертикали. Я ничего не выдумывал, писал то, что видел и пережил. Факты жизни я расставлял в романе так, как того требовали сюжет и логика развития характеров. Герои жили в романе своей жизнью, я им не позволял только уходить от исторической правды. Сейчас мы, вероятно, не все примем в их мыслях и действиях. Но люди живут по законам своего времени, важно, чтобы они не противоречили законам общечеловеческим.

Время действия романа — 1934 год. Год сложный, как сложны были тридцатые годы, годы великих свершений и щемящих сердце потерь, невиданного энтузиазма и больших трагедий, годы, подготовившие нашу победу в Великой Отечественной войне, и ее многие неоправданные жертвы.

Полностью роман будет опубликован в журнале «Дружба народов» в апреле — июне этого года.

1

Самый большой дом на Арбате — между Никольским и Денежным переулками, теперь они называются Плотников переулок и улица Веснина. Три восьмиэтажных корпуса тесно стоят один за другим, фасад первого выложен белой глазурованной плиткой. Низкие арочные проезды соединяют два глубоких двора.

У кино «Арбатский Арс» уже прохаживались парами девочки, арбатские девочки, и дорогомиловские, и девочки с Плющихи, воротники пальто небрежно приподняты, накрашены губы, загнуты ресницы, глаза выжидающие, на шее цветная косынка — весенний арбатский шик. Кончился сеанс, зрителей выпускали через двор, толпа выдавливалась на улицу сквозь узкие ворота, где к тому же толкалась стайка подростков — извечные владельцы этих мест.

Софья Александровна выждала, когда прошел последний зритель, и вошла во двор...

Сегодня она добилась наконец приема у помощника Главного прокурора. «Когда следствие закончится, вы узнаете результат»— ответ, который она много раз слышала и который ей предсказали и на этот раз.

Угнетенная сознанием своего бессилия, она возвращалась домой, в пустую и темную комнату, и там, одинокая и страдающая, возносила молитвы богу, которого давно покинула, но который оставался богом ее предков, молила, чтобы дух добра и милосердия, вездесущий и всепроникающий, смягчил сердца тех, кто будет решать Сашину судьбу.

Она думала только о Саше, она была рядом с ним, знала каждую его минуту, чувствовала каждое его движение. У нее болело сердце, значит, он недомогал, не могла заснуть — он лежал на койке с открытыми глазами, испытывала приступы страха — его водили на допрос, и он мучился, метался и страдал. Она вспомнила, как наказала его когда-то, он не отпускал ее в театр, он плакал тогда не от боли, от обиды, она унизила его маленького. Теперь его бьет жизнь.

По утрам стук почтового ящика подымал ее с постели. Она ждала ответа из прокуратуры, письма от какого-нибудь тайного, но влиятельного доброжелателя, ждала письма от самого Саши, переданного им с каким-нибудь человеком,— такие случаи бывают, ей рассказывали... Но никаких ответов, никаких писем не было. Она вынимала газеты, всматривалась в портреты Сталина: скромная одежда, добрые морщинки вокруг глаз, мудрое, спокойное лицо человека с чистой совестью. Ему пятьдесят три года, его старшему сыну, наверно, столько, сколько и Саше, и есть еще один сын и дочь, он понимает, что такое семейное горе,— совсем недавно потерял жену. Только бы Сашино дело дошло до него. Все надежды она возлагала на Марка, своего брата, он начальник гигантской стройки на Востоке, любимец Орджоникидзе, его знает вся страна, его знает Сталин, принимает его, разговаривает с ним, Марк расскажет Сталину о Саше. Сталин потребует его дело, может быть, даже вызовет к себе Сашу. И Саша ему понравится, Саша не может не понравиться.

Однако она понимала иллюзорность таких надежд. Со Сталиным Марк о Саше не будет говорить. Но он говорил о Саше с другими высокопоставленными и влиятельными людьми. Она верила Марку, он не обманывал ее, не успокаивал, он сделал все, что мог.

Она верила Марку. И все же больше, чем Марку, она верила женщинам в тюремных очередях, их правда выше и убедительнее его правды, там все ясно, просто и справедливо. Эти слабые женщины умудрялись защищать своих близких, согревали их теплом, утоляли их голод тем малым, что отрывали от своих скудных пайков, через глухие каменные стены доносили им свою любовь и надежду. Там Софья Александровна не чувствовала себя одинокой, ее горе разделяли и другие матери. Они научили ее, как разыскать Сашу, как устроить передачу и что передать, куда обращаться, кому и что писать. Обращаться и писать надо было именно туда, куда они советовали. В очередях знали, что надо делать, если Сашу осудят, что надо собрать, что дать с собой, что дослать потом, знали всю *дорогу*, эта *дорога* — тоже дорога жизни, люди идут и по ней, и это успокаивало больше, чем надежды и обещания.

И когда пришел управдом, Софья Александровна была к этому готова, ее предупредили, что Сашину комнату опечатают, управдом обязан это сделать, хотя делать это ему, наверно, самому неприятно. Софья Александровна боялась только, что от смущения он будет ей грубить, и на этот случай заготовила специальную фразу:

— Виктор Иванович,— собиралась сказать она ему,— если вы будете говорить со мной спокойно, я вас лучше пойму.

Но управдом не грубил.

— Порядок такой, Софья Александровна. Придет время, вернется Саша — распечатаем. Вам же спокойнее. Такой народ — залезут, не выцарапаешь. Вещички какие перенести — пришлю дворника. А что не требуется, оставьте — комната ваша.

Он давал ей понять, что не следует забирать всех вещей, и Софья Александровна сама это понимала — пока в комнате вещи, никто самовольно не может ее занять. Но от помощи дворника отказалась: надо будет заплатить, а денег у нее нет.

Она освободила не общую комнату, где раньше спал и занимался Саша, а свою маленькую спальню. Пришлось вынести оттуда все, что ей было нужно, а туда перенести Сашин письменный стол, диван, вешалку.

За этим занятием и застала ее Варя. Быстро сняла пальто и начала помогать. Достала из шкафа белье, сверху положила подушки, взяла эту кипу в руки, помогая подбородком, было неудобно, но, проходя мимо зеркала, все же посмотрела на себя.

— Кокетка ты,— улыбнулась Софья Александровна.

Помощь этой девочки была приятна Софье Александровне, и сама она была ей приятна. Были в ней хватка и смелость, которых не хватало Софье Александровне, особенно *там, в очередях*. Там Варя не терялась, как Софья Александровна, она была дитя улицы, ничего и никого не боялась.

Варя уезжала в тюрьму рано утром, занимала очередь, выстаивала на морозе, потом приезжала Софья Александровна, и они вместе двигались к окошку. Софья Александровна не умела спорить, боялась рассердить того, кто сидел за окошком, стеснялась задерживать очередь — усталых, обозленных людей, всю ночь простоявших на улице, вдоль высокой, длинной и холодной тюремной стены. Варя никого не стеснялась: сама стояла несколько часов на морозе. В окошке им давали анкету: фамилия, имя, отчество арестованного, адрес. Потом они снова стояли в очереди, сдавали анкету в окошко, потом ждали ответа два, три часа... «Не здесь!» И тогда Варя дерзко спрашивала: «А где?»... «Неизвестно»... «А кому должно быть известно? Вы его забрали, вам и должно быть известно...»

Софья Александровна думала иногда, что поступает, может быть, неправильно, приобщив Варю к этой своей жизни, к этому своему несчастью, но таким стойким было Варино сочувствие и стремление помочь, что она не представляла себе, как можно отстранить ее. В конце концов, успокаивала себя Софья Александровна, у Вари все это детское, незрелое, нестойкое, быстро пройдет и, дай бог, забудется навсегда...

— Узнали вы что-нибудь?— спросила Варя.

— Пока ничего,— вздохнула Софья Александровна.

— У нас в школе тоже есть **такие,**— сказала Варя,— только и смотрят кого бы угробить. Вчера у нас было классное собрание, Лякин говорит:

«Иванова пишет шпаргалки на коленках». Я ноги вытянула и спрашиваю: «Где шпаргалка?»

Варя вытянула ноги, показывая, как сделала это в классе.

— А Кузя, математик, покраснел, как помидор: прекратите, Иванова! А я при чем? Ведь это Лякин! Сам скатывает, а на других ябедничает. Терпеть не могу таких!

Эти слова — «класс», «собрание», «шпаргалка» — были из Сашиного детства, и Кузьмин, математик, тоже был из Сашиного детства, преподавал когда-то в Сашином классе, и Саша тоже называл его Кузей...

— Как же ты делаешь шпаргалки? — спросила Софья Александровна с грустью.

— Очень просто,— Варя похлопала по коленкам,— напишу чернильным карандашом и скатываю.

Она увидела вдруг в шкафу за чемоданом ботинки с коньками.

— Это Сашины коньки?

— Да, прошлой зимой Саша их искал, но не нашел, а, оказывается, вот где они. Тебе они нужны?

— Мне они велики,— засмеялась Варя,— я просто так спросила...

Но Варя спросила о них не просто так. Коньки напомнили ей тот первый и последний вечер, который она провела с Сашей, почти год назад.

2

Этот вечер она запомнила до мельчайших подробностей, потому что первый раз была в их взрослой компании и первый раз в своей жизни была в ресторане.

Сашу восстановили тогда в институте, и по этому случаю он отправился с товарищами в «Арбатский подвальчик». Саша зашел за Ниной, Нины дома не было, а Варя была дома, и Саша взял ее с собой.

По крутой лестнице они спустились в низкий подвал, разделенный толстыми квадратными колоннами, и отыскали свободный столик в дальнем углу. Пахло кухней, накрахмаленными скатертями, пролитым пивом, трактирными запахами полуресторана-полупивной, тускло светили бра, косо подвешенные на низких изгибах арок.

— Единственное, зачем сюда стоит приходить, это кофе с ликером,— сказал Вадим, изображая из себя ресторанного завсегдатая.

На соседнем столике под синим огоньком спиртовки возвышался кофейник, и два пижона потягивали из крошечных чашек кофе с ликером.

— Кофе нам не годится,— сказал Саша,— мы голодные. Варя, что будешь есть?

— Бефстроганов.

Заказали бутылку водки мальчикам, бутылку красного девочкам и всем по бефстроганову.

— А вот и Нина,— вполголоса, как бы про себя, проговорила Варя, сидевшая лицом к входу.

— Забились в самый угол,— оживленно говорила Нина, подходя к столику.— Сашенька, поздравляю,— она поцеловала Сашу,— прочитала твою записку — все поняла...— Она покосилась на сестру — И ты здесь...

— И я здесь,— ответила Варя.

— Не трогай ее,— сказал Саша,— сегодня она мой-гость.

Грянул оркестр: «Ах лимончики, вы мои лимончики, вы растете у Сони на балкончике»... Официанты быстрее забегали по тесным проходам.

За соседним столиком, рядом с пижонами, уже сидела девица с красивым, но испитым лицом.

— Социальное зло,— усмехнулся Максим.

— А может быть, и патологическое явление,— возразил Вадим.

— Не патология, не социология, а обыкновенное «прости господи»,— жестко произнес Саша,— может пойти на завод, на фабрику, получит работу. Не хочет! Задумываться над ее психологией не желаю, противно. Вот Нина, Варя, Лена — это наши девушки, мы их готовы любить, уважать, почитать. Человек морален, в этом его отличие от скотины.

А к девице уже приставали двое пьяных, тянули ее за свой столик, задирали сидевших с ней пижонов, а те трусили, не могли защитить женщину. Она отругивалась, кричала, официант грозился ее вывести, не она была виновницей скандала, но официанту, конечно, с ней легче справиться, чем с двумя здоровенными хамами.

Саша повернулся к столику, молча наблюдая эту сцену, его черные глаза сузились.

— Не связывайся,— предупредил его добродушный Максим.

Но Саша встал и, сутулясь и поводя плечами, подошел к ним и с той обманчивой вежливостью, с какой интеллигентные арбатские мальчики ввязываются в драку, спросил:

— Может быть, отстанем?

Две наглые морды, сиреневые рубашки, один в фетровых бурках, другой в широченном клеше. Тот, что в бурках, пренебрежительно отстранил Сашу рукой, второй вклинился между ними, будто желая развести...

— Бросьте, ребята!

Но Саша знал этот прием: примиряющий первый его и ударит. И он сам нанес тот быстрый, короткий, хотя и запрещенный в боксе удар, который заставляет человека перегнуться пополам, схватиться за живот и глотать воздух раскрытым ртом. Тут же Саша обернулся ко второму, но тот сделал шаг назад, задел столик, зазвенела посуда, загремели ножи и вилки, завизжала девица, вскочили со своих мест пижоны, а здоровенный Максим уже выкручивал руки тому, что был в бурках... Оркестр продолжал играть, трубач, косясь глазом, надувал щеки, обернулся и пианист, но пальцы его продолжали бегать по клавишам, ударник жонглировал палочками... «Хау ду ю ду ю мистер Браун, хау ду ю, ду ю, ду!» Оркестр играл и веселился: все в порядке, граждане, танцуйте фокстрот и танго, пейте кофе с ликером, не обращайте внимания, незначительный инцидент, мелкое недоразумение, вот оно и кончилось... Сопровождаемые метрдотелем, идут к своему столику бурки и клеш, сел на свое место черноглазый, и другой, здоровый, широкоплечий, что помогал ему, тоже сел на свое место, расплатились и ушли с девицей пижоны, официант уже стряхивает скатерть с их стола. Все в порядке, граждане!

— Они дождутся, когда мы выйдем на улицу, и там пристанут,— предупредил осторожный Вадим.

— Вадим дрейфит,— засмеялась Нина.

— Хватит об этом,— сказал Саша.— Варя, идем потанцуем.

Они двигались по тесной площадке перед оркестром, Варя чувствовала направленные на них взгляды — плевать, пусть думают, что хотят! Те двое, мордастые, тоже косятся на них — тоже плевать! Она танцует с Сашей, смотрит на него, улыбается, восхищается им, он вел себя как герой улицы, ее герой, он вступился за девку, которую перед тем осуждал, но полез за нее в драку: женщину надо защищать! Плачет оркестр, рыдает трубач, палочки ударника замирают в воздухе, пианист низко склонился над клавишами рояля... «Где бы ни скитался я цветущей весной, мне снился дивный сон, что ты была со мной. Но это только сон, что ты была со мной, да, то был только сон, то был лишь дивный сон»...

— Молодец, хорошо танцуешь,— сказал Саша.

— Пойдем послезавтра на каток,— предложила Варя.

— Почему именно послезавтра?

— Будет музыка... Ведь ты катаешься.

— Катался когда-то... А теперь даже не знаю, где мои коньки,— ответил Саша.

Так они и не пошли на каток, никуда больше не пошли. Нет уже Саши, есть только его мама. Да и что было у них, кроме того вечера? Н и ч е г о! И дружит она теперь с Серафимом. И может быть, выйдет за него замуж...

3

Серафим был молоденький курсант, которого Макс привел к ним на Новый год. После Нового года Серафим позвонил Варе и назначил ей свидание на Арбатской площади. Она пошла так, для смеха, и не одна, а с Зоей и еще с одной девчонкой. Подруги остановились на другой стороне улицы, видели, как к Варе подошел хорошенький военный, как они поздоровались и пошли по Арбату, девчонки шли по другой стороне, подавали знаки, которых Варя не понимала, и она подавала им знаки, которых они тоже не понимали. Серафим пригласил Варю в Дом Красной Армии на танцы, они договорились пойти туда в следующую субботу. Потом Серафим сел в трамвай и уехал. Подошли девочки, они долго обсуждали это свидание и пришли к заключению, что Серафим симпатичный. А когда выяснилось, что у него есть пропуск в Дом Красной Армии, он показался им еще симпатичнее.

С его смешным именем Варя примирилась, одного из братьев Знаменских тоже зовут Серафим. Конечно, он совсем не такой, как ребята с их двора — коренные, московские, арбатские мальчишки,— простоватый, провинциальный, застенчивый... Но он ухаживал с е р ь е з н о, это льстило Варе, она чувствовала себя взрослой, и против этой дружбы Нинка ничего не могла возразить, ведь Серафим товарищ ее Максима, а у Максима не может быть плохих товарищей. Каждую субботу она ездила с Серафимом в Дом Красной Армии на танцы, и все подруги ей завидовали.

4

Варя ушла от Софьи Александровны поздно, когда они всё закончили, хотя знала, что дома ее ждут Нина и Серафим — они едут сегодня в Дом Красной Армии на выпускной вечер военных училищ.

Дома Нина сердито посмотрела на Варю: уже час Серафим томился с книгой на диване в руках. И взгляд Нины означал: «Если ты договорилась с человеком, то приходи вовремя, я не обязана развлекать твоих кавалеров. И времени у меня на это нет».

Варя не сказала ей, где была, почему опоздала. Скажет, но потом. А пока велела Серафиму выйти в коридор, ей надо переодеться.

Зеркало висело на внутренней дверце шкафа, и Варя приоткрыла дверцу так, чтобы стоять не спиной, а боком к свету. Все сняла с себя и начала одеваться снова. И это раздражало Нину, ведь на ней хорошее платье, может пойти в нем. И как она натягивает чулок! Вытягивает ногу, замирает, любуется собой! И эта манера ходить по комнате полуодетой, откуда это в шестнадцать лет?!

— Сегодня я нашла в ванной свои туфли,— сказала Нина,— ведь я тебе запретила их брать без разрешения.

— Тебя дома не было, а мне не в чем было выйти, вот и надела.

— Надела, стоптала, подбросила в ванную комнату. Не хватило смелости признаться.

— А я признаюсь. Отнесу завтра к сапожнику и починю.

— Сегодня стащила туфли, завтра начнешь таскать деньги.

— Деньги мне не нужны,— спокойно ответила Варя, снова разглядывая свои ноги, теперь уже обутые в туфли.

— Конечно,— усмехнулась Нина,— зачем тебе деньги?! На уме лак для ногтей, губная помада морковного цвета... Разбираешься! На что уходит твое время? Сидишь часами перед зеркалом и загибаешь ресницы кухонным ножом или висишь целый вечер на телефоне... Мы с Серафимом ждем тебя уже час, Максим несколько раз звонил из Дома Красной Армии, стоит у входа с пропуском, а ты пропадаешь неизвестно где!

Варя наконец кончила одеваться, убрала все лишнее в шкаф, открыла дверь:

— Заходи, Серафим!

Уже надев пальто, повязав платок и в последний раз оглядев себя в зеркале, Варя сказала:

— Я была у Софьи Александровны, помогала переносить вещи. Сашину комнату опечатали.

5

Варя нанесла Нине удар инстинктивно: то, что происходит в Сашином доме, Нина узнает от нее. Но удар не достиг цели.

Что может Нина сделать для Саши? Что могут сделать все его товарищи? Писать? Кому? Что это даст?

Как-то Нина зашла к Софье Александровне. Та встретила ее сухо, без обычной сердечности, будто Нина виновата в том, что Саша в тюрьме, а его товарищи на свободе. Да это дико, но это так. Нина помнит, каким был Саша в школе, лучший среди них. Но трогательная школьная дружба недостаточна для политического доверия. Есть жесткая, но неумолимая логика классовой борьбы. Если оценивать коммуниста по личным качествам, то партия превратится в аморфную массу прекраснодушных интеллигентов. А в нынешней сложной внутренней и международной обстановке как никогда требуется четкость, ясность позиции, а Саша, к сожалению, часто отстаивал свое собственное мнение...

Нина перестала ходить к Софье Александровне. Варя хочет — пусть ходит. Впрочем, выйдет замуж за своего Серафима — тоже перестанет ходить туда.

6

На таком грандиозном вечере Варя еще никогда не бывала. На сцене, в президиуме, сидели из-

вестные всей стране военачальники. Буденного Варя узнала сразу, а из тех, кого шепотом называл ей Серафим, запомнила только одного — Тухачевского, такого красивого, каких она еще в жизни не видела. И хотя Варя не любила собраний, не любила речей и докладов, ее сразу увлекла праздничность всего происходящего, великолепие зала, волнение, с которым напутствовали выпускников легендарные командармы, атмосфера мужского, военного, солдатского единения, когда стираются грани субординации, выпускник видит свое будущее в знаменитом командарме, а командарм — свою молодость в юном выпускнике.

И жены командиров были особенные женщины, они делят с мужьями тяготы, невзгоды и опасности их профессии. И в приглашенных сюда девушках Варе тоже виделось что-то особенное, торжественное, они уже приобщены к этой жизни. Это были московские девушки, такие же, как она, немного, может быть, постарше, некоторые очень красивые и шикарно одетые.

Ансамблем красноармейской песни и пляски Варя никогда особенно не интересовалась, а сегодня и он ей понравился, понравилось, как поют и пляшут эти солдаты на коротком привале, свое, русское, лихое и зажигательное.

Духовой оркестр в фойе прекрасно, не хуже джаза играл фокстроты, румбы и танго. И рядом с подтянутыми курсантами, ловкими, простыми, веселыми, казались нелепыми молодые люди в широких болтающихся брюках, крикливых галстуках и плохо вычищенных ботинках.

Нина танцевала с Максимом, держала руку на его плече, лицо ее показалось Варе печальным. «Жалеет, наверно, что он уезжает, а она отказалась стать его женой»,— подумала Варя.

Серафим тоже уезжает завтра на Дальний Восток, и сегодня, на этом вечере Варя дала согласие выйти за него замуж. Конечно, не сейчас, а через год. Окончит школу и приедет к нему. Он будет ей писать, она будет отвечать, и все ее подруги и в школе, и во дворе будут знать, что через год она уезжает на Дальний Восток к своему мужу. И это опять выделит ее среди подруг — никого из знакомых девчонок не ждут на Дальнем Востоке, их вообще нигде не ждут. В театр, на каток, в кино она будет ходить одна. На танцы вообще не будет ходить. А если пойдет, будет танцевать с Зоей. Впрочем, она может танцевать и с мужчинами, только не знакомиться с ними... «Спасибо... Нет, простите... Я не могу...» Одна, одинокая, неприступная, уезжающая на Дальний Восток.

Что касается Саши, то Софью Александровну, а значит, и Сашу она не оставит. И то, что на Дальнем Востоке ее будет дожидаться Серафим, а в Москве она будет нужна Саше и Софье Александровне, делало ее в собственных глазах еще интереснее, значительнее.

Варе было весело, все обращали на нее внимание. Они с Серафимом прекрасно танцевали, на них смотрели даже стоящие в углу высшие военачальники и их жены. Варя старалась танцевать не в середине зала, а по внешнему кругу, чтобы все их видели. И старалась подольше кружиться в том углу, где стоял красавец Тухачевский.

Танцы в Доме Красной Армии продолжались до двух часов ночи. Многие уходили раньше, чтобы поспеть к трамваю. И Нина хотела уйти. Но Варе было жалко уходить, и Серафим не хотел, Макс только добродушно улыбался. Нинка осталась в меньшинстве и подчинилась.

Потом они шли через ночную Москву, было холодно, Варя без галош, в легком пальто. Серафим накинул на нее свой плащ, надел свою фуражку. У уличного фонаря она рассмотрела себя в зеркальце, фуражка хотя и сползала на лоб, очень ей шла, делала похожей на молоденького, хорошенького солдатика. Они с Серафимом шли сзади. Рука Серафима лежала на ее плече, и когда Максим и Нина заворачивали за угол, они целовались. Варя еще никогда по-настоящему не целовалась и сейчас никакого удовольствия от этого не получала, просто было больно губам. Но Варя понимала, что это значит. Это значит, что Серафим страстный.

Нина, наверно, догадывалась, почему Серафим и Варя отстают, но делала вид, что ничего не замечает. И дома тоже ничего Варе не сказала, только велела скорее ложиться в постель и тушить свет — завтра с утра ей на работу, а потом они поедут на вокзал провожать Макса и Серафима.

7

В тот же вечер, когда Варя, Нина и Максим танцевали в Доме Красной Армии, Софье Александровне позвонили и сказали, что завтра в девять часов утра она должна явиться в комендатуру Бутырской тюрьмы для свидания со своим сыном Панкратовым Александром Павловичем. С собой привезти теплые вещи, деньги и продукты. Голос был ровный, спокойный, говорил человек, привыкший говорить изо дня в день одно и то же, лаконично и исчерпывающе ясно. И когда все изложил, тут же, не дожидаясь вопросов, положил трубку.

И когда он положил трубку, Софья Александровна испугалась: возможно, он что-то не договорил, забыл сказать что-то важное, существенное, из-за чего она не сможет сделать все как следует. Она боялась что-либо забыть, боялась перепутать и потому лихорадочно пыталась удержать в памяти все, что он сказал: завтра, в девять, свидание, теплые вещи, продукты, что-то еще... Боже, она забыла, что еще... Ах да, деньги, деньги на дорогу... Все это Софья Александровна записала на бумажке... Деньги и продукты означают ссылку, теплые вещи означают Север или Сибирь.

Все надо собрать и приготовить за одну ночь, и у Софьи Александровны не оставалось времени на отчаяние. Она была готова к этому звонку. Только не могла простить себе, что ничего заранее не собрала — считала плохой приметой заранее готовить мальчика в такую дорогу...

Она посмотрела на часы и ужаснулась — четверть десятого!— дежурный магазин закрывается в десять.

Трамвай был полон, Софья Александровна вошла с передней площадки второго вагона, пусть штрафуют, все равно не высадят, но никто ее не оштрафовал, она передала деньги на билет и осталась на площадке. Она думала о том, что еще много дел после магазина, и как быть с чемоданом, она не знает, где ключ и исправлен ли замок, давно этим чемоданом не пользовались. А без замка нельзя, Саша может попасть в одну партию с уголовниками, и они у него все вытащат.

При мысли, что Саша пойдет в одной партии с уголовниками и его могут обокрасть, избить, она снова почувствовала всю степень несчастья, обрушившегося на ее сына: меченый, гонимый, отверженный, бесправный. И если уголовники зарежут его где-нибудь на нарах, то никто об этом не будет знать...

Она сошла с трамвая в Охотном ряду. Без четверти десять. С остановки она видела движение в дверях дежурного магазина. Открыт! Она спешила, маленькая, полная, задыхающаяся от быстрой ходьбы. И когда подошла, увидела у магазина толпу, в магазин уже не пускали, и люди скандалили, обозленные тем, что опоздали на какие-то полминуты. Некоторые пытались протиснуться в магазин и не могли. Толстая продавщица держала дверь.

Софья Александровна тоже попыталась пробиться, но не сумела. Ее затолкали в этой маленькой, но буйной толпе.

Потом толпа уменьшилась, из магазина стали выходить реже, внутри притушили свет. Понемногу все разошлись.

И только Софья Александровна не уходила. Когда дверь открывалась, она просила продавщицу пустить ее.

Продавщица — у нее было толстое, красное, обмороженное лицо — грубым голосом говорила:

— Мамаша, отойдите, мамаша, не мешайте!

— Будьте добры, я очень прошу вас,— молила Софья Александровна.

Из магазина вывалилась группа веселых молодых людей, один из них закричал молодым, свежим голосом:

— Пустите бабку за поллитром!

И веселая компания помчалась к Охотному ряду.

— Я прошу вас, ведь еще можно,— просила Софья Александровна, когда открывалась дверь.

Продавщица не обращала на нее внимания, привыкла к таким упорным, каждый вечер попадают такие канюки, канючат, пока на дверь не повесят замок. Когда Софья Александровна попробовала придержать дверь, закричала привычно:

— Не лезь! Отойди от двери!

Уборщицы подметали пол, рассыпали желтые опилки, продавщицы убирали продукты с прилавков, торопились.

Софья Александровна продолжала стоять.

Продавщица выпустила последнего покупателя и оставила свой пост. Софья Александровна толкнула дверь и вошла в магазин.

— Куда?— подбежала к ней толстая продавщица.

— Я не уйду,— тихо сказала Софья Александровна.

— Сейчас участковому сдам!— пригрозила продавщица.

— Мне сыну, в тюрьму,— сказала Софья Александровна.

Она смотрела в это грубое, толстое, обмороженное лицо, лицо уличной торговки, продающей на морозе пирожки.

— Завтра отправляют, надо передачу собрать,— сказала Софья Александровна и вынула деньги.

Продавщица вздохнула:

— Все врут, все чего-нибудь говорят. А нам тоже надо отдых иметь.

Софья Александровна молчала.

Женщины надевали пальто, собирали свои сумки.

— Михеева, получи!— крикнула продавщица через весь зал.

8

Когда Варя утром проснулась, Нины уже не было. На столе лежала записка классной руководительнице: «Прошу отпустить Варю Иванову после третьего урока по домашним обстоятельствам». Домашние обстоятельства — это и были проводы Макса и Серафима.

Но Варя и не думала идти в школу. Ей хотелось приехать на вокзал красиво одетой. Уезжают выпускники, будет много провожающих, придут те красивые и хорошо одетые девушки, которых она видела вчера на вечере, и ей хотелось одеться не хуже, чем они, выглядеть взрослой и строгой, ведь она провожает своего будущего мужа. Одеться не в черное, не в траур, а именно строго, но заметно. Надо сделать прическу, навести косметику, а если она уйдет после третьего урока, а учится она во второй смене, то ничего не успеет.

Она поставила обед на плиту, на маленький огонь и отправилась к Зое.

Зоя тоже не пошла в школу, помогала Варе собираться. Дала ей модные ботинки со стальными пряжками, а главное, мамину котиковую шубу, в которой мама иногда разрешала ей пройтись по улице. И вот сейчас ее надела Варя и, как сказала Зоя, выглядела в ней потрясающе, взрослая видная дама, в котиковом манто, модных ботиках, с белым платком на голове, который тоже принадлежал Зоиной маме.

К пяти часам Варя была наконец готова и позвонила Нине:

— Я приду прямо на трамвайную остановку.

— Откуда ты говоришь?

— Из школы.

Они подошли к трамвайной остановке одновременно.

Нина ее не узнала...

— Что за маскарад?

— Вешалка была закрыта, я надела пальто Зои.

— А Зоя?

— Наденет мое.

— Где книги?

— В парте оставила. На вокзал их потащу?

Вешалка во время уроков могла быть закрыта, и все же Варя лжет: в гардеробе было бы заперто и пальто Зои, если это в действительности Зоино пальто.

Но допытываться, спорить, уличать Нине не хотелось. Пусть, уже не маленькая, скоро выскочит замуж, и хорошо, что за Серафима, порядочный парень, пусть ее жизнь будет такой, какой она хочет, и пусть проводит своего Серафима тоже, как хочет.

Вокзал был полон, перрон забит людьми до отказа, Нина и Варя остановились в растерянности у выхода на платформу. Но Макс и Серафим уже бежали им навстречу, махали руками, и они все вместе пошли вдоль состава к их вагону, проталкиваясь через толпу, боясь потеряться среди этих людей, тоже спешащих, тоже разыскивающих своих среди этих мужчин, женщин с узелками, с гостинцами на дорогу, среди девушек с цветами, обнимающих и целующих этих чудесных, молодых ребят, новоиспеченных командиров Красной Армии в гимнастерках, перехва-

ченных ремнями, без фуражек, фуражки и шинели они оставили в вагоне... Все это юное, радостное, оживленное и вместе с тем серьезное — грозная военная сила пролетарского государства. И Нина поняла, что эти молодые, задорные, краснощекие ребята первыми пойдут в бой, первыми примут на себя все. И она впервые подумала, что ее место рядом с Максимом, таким сильным и спокойным. И когда он уедет, его спокойствия и добродушия ей не будет хватать.

А Варя наслаждалась тем, как влюбленно смотрит на нее Серафим, как смотрят на нее другие молодые командиры и все, кто были на платформе. Она была здесь самая заметная, самая красивая, неожиданно высокая, почти как Нина. И ни на ком не было такого шикарного котикового манто, такой прекрасной шали. Макс сказал, что она похожа на киноактрису, Серафим шепнул, что любит ее больше жизни.

И как положено серьезной, взрослой женщине, невесте, Варя смотрела только на своих, на Нину, Макса, Серафима, больше не смотрела ни на кого, чтобы не подумали, что она зыркает глазами. Если она и оглядывалась кругом, то так, просто, безразличным, рассеянным взглядом осматривала вокзал, поезда, паровозы, издававшие длинные гудки, платформы и людей, спешащих к поездам.

И когда она посмотрела на соседнюю платформу, она увидела Сашу...

Он шел между двумя красноармейцами, впереди спешил маленький черненький командир в длинной шинели, озабоченно расталкивал толпу, а за ним, между двумя конвоирами шел Саша с заплечным мешком на спине и с чемоданом в руке.

Он почувствовал, что на него смотрят, оглянулся, и она увидела белое, как бумага, лицо и черную, как у цыгана, бороду. Саша скользнул взглядом по уезжающим курсантам, по Максу, Нине, по Варе, но не узнал никого, отвернулся и пошел дальше между двумя красноармейцами, за маленьким командиром к поезду, стоящему где-то на дальней платформе. За ними и впереди них шли люди с мешками, чемоданами, сундучками, торопились, обгоняли их, и они пропали в толпе.

А Варя все смотрела туда, куда скрылся Саша. Она не слышала, как прозвенел звонок, не видела, как все стали прощаться, как Нина поцеловала Максима в лоб, не видела, как тянется к ней и заглядывает в глаза Серафим.

— Варя, очнись!— сказала Нина.

— Я видела сейчас Сашу,— сказала Варя.

— Что ты болтаешь?— закричала Нина, понимая вдруг, что Варя говорит вправду.

— Его вели конвоиры, он был с бородой,— бормотала Варя, не отрывая взгляда от соседней платформы, как будто в толпе людей, бегущих с мешками, чемоданами и сундучками, он все еще идет, все еще идет, и она сможет его увидеть.

— У него борода, борода, как у старика...

Она захлебывалась в слезах.

— Совсем, совсем старик...

— Перестань, ты перепутала,— сказала Нина, и голос ее дрожал.

И Макс, тоже взволнованный, но пытаясь сохранить спокойствие, добавил:

— Ты ошибаешься, Варя, так его не могли отправить.

— Это был он.— Голос ее бился и захлебывался.— Я его узнала, он оглянулся и посмотрел, совсем белый, совсем старик...

Растерянный Серафим протянул ей руку:

— До свидания, Варя...

— Белый, белый, как мертвец,— рыдала Варя,— и тащит чемодан, они идут, а он тащит...

Стесняясь и краснея, Серафим поцеловал ее в щеку, мокрую от слез, с черными струйками краски, капавшей с ресниц.

Поезд медленно отходил, курсанты висели на подножках, толпились на площадках, кричали, махали руками из окон, и провожающие тоже махали руками, тоже кричали что-то напутственное и шли рядом с поездом. И Максим махал рукой, и Серафим тоже махал...

И Варя стояла посередине перрона, плакала, вытирала лицо платком, размазывала по лицу краску и глотала слезы. И Нина, испуганная, потрясенная, успокаивала ее:

— Перестань, что же теперь делать, сейчас заедем к Софье Александровне, все узнаем...

Проходила мимо старушка, остановилась, посмотрела на Варю, покачала сочувственно головой:

— Плачут девки по солдатикам.

ПОБЕДА НА ЛЬДУ «ТИАЛФА»

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОБЕДЕ НИКОЛАЯ ГУЛЯЕВА, И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Анатолий ЮСИН

Верилось и не верилось: неужели мы дожили до таких скоростей на равнинных катках! Несмотря на позднее время — а трансляции с европейского и мирового первенств Центральное телевидение почему-то упорно планирует за полночь,— позвонил Евгению Гришину — прославленному нашему скороходу, четырехкратному олимпийскому чемпиону, «королю коньков» пятидесятых — шестидесятых годов: «Что ты скажешь о Гуляеве?» «Чудо-парень,— ответил Гришин.— И откуда такие берутся? Из новичков — сразу в чемпионы. Он мне удивительно напоминает Олега Гончаренко...»

И Гришин замолчал. Я тоже не мог слова выдавить. Думали мы об одном: именно 15 февраля уроженец сравнительно южного города Харькова Олег Гончаренко стал первым советским чемпионом по конькам, вообще первым из мужчин победителем первенств мира по зимним видам спорта. Было это в 1953 году. И рядом с ним на второй ступеньке пьедестала стоял его товарищ по сборной Борис Шилков. Ох, какие это были ребята!...

Гончаренко, став чемпионом, еще не осознавал всей значимости им свершенного. А ведь это именно он дал крылья целому поколению наших скороходов — Шилкову, Гришину, Владимиру Шилыковскому, Борису Стенину, Виктору Косичкину... Олег сам взял на себя ответственность быть лидером. Понял он это так: в алма-атинской гостинице, где в комнате стояло коек десять, лежал на кровати 20-летний Гончаренко и рассматривал журнал «Огонек», полчаса он глядел на одну фотографию. Ребятам даже показалось, что Олег уснул, а он сказал неожиданно: «Ах, вот ты какой, Андерсен!» Норвежец Ялмар Андерсен — это трехкратный чемпион Олимпийских игр, мира и Европы, самый выдающийся конькобежец начала пятидесятых годов, побеждавший на всех турнирах. Именно из-за «наличия» Андерсена советских скороходов не посылали на первенства мира, говоря: «Все равно вы ему проиграете!» И вдруг новичок сборной СССР сказал о нем так просто: «Ах, вот ты какой...» И не просто сказал, а через год поехал на первенство мира, осмотрелся, приноровился и... победил. Говорят, единственное сомнение было у Олега в те дни: записывать ли золотую медаль в таможенную декларацию?

Итак, Гончаренко — Гуляев... Это не просто перекличка времен, эпох, поколений. Это не простое совпадение в датах, в возрасте — обоим было по 21 году, когда они по первому разу примерили лавровые венки. Гуляев стал первым чемпионом мира в состязаниях под крышей—фактически пионером еще непредугаданных и непредсказанных рекордов.

За 34 года участия советских скороходов в первенствах мира они завоевали семь лавровых венков. Трижды Гончаренко, по разу Шилков, Стенин, Косичкин, Олег Божьев. Но никто еще из них до Гуляева не побеждал с абсолютным мировым рекордом в многоборье.

— Поздравляю с победой вашего студента! — позвонил я проректору Центрального института физкультуры, заслуженному мастеру спорта, заслуженному тренеру СССР Борису Стенину.

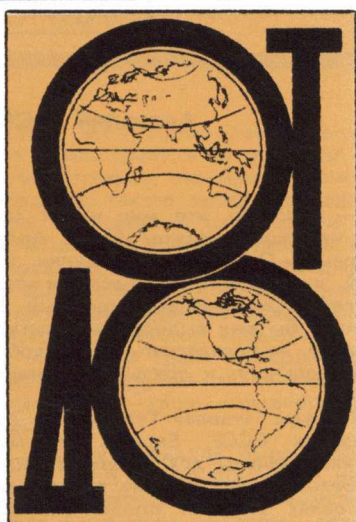
— Радостно, что мир имеет такого чемпиона,— сказал Борис Андрианович.— Приятный в общении, мягкий, интеллигентный, располагающий к себе. Отзывчивый. Скромный. Вот только бы ему выдержать испытание славой, не расплескать в пути доброжелательность к друзьям и соперникам.

Победы Николая Гуляева на первенствах СССР, Европы и мира принципиальны для советского конькобежного спорта. Они завоеваны в условиях жесткой предолимпийской конкуренции. Приятно, что теперь наши скороходы умеют устанавливать мировые рекорды не только в «домашних» идеальных условиях мартовского «Медео». Признаемся, не всегда в мире верили этим достижениям, потому что, спускаясь с высокогорного казахстанского катка, многие конькобежцы выглядели беспомощными в борьбе «лицом к лицу» с соперниками из Норвегии, Голландии, США, а с недавнего времени и Японии. «Явление» Гуляева на международной арене сразу стало триумфальным. Этому способствовал и сюжет первенств. Словно какой-то изобретательный сценарист сделал так, что на чемпионате Европы Гуляев трижды встретился в одном забеге с голландцем Хейном Вергеером, не знавшим поражений в последние два года. Вот где было испытание характера! И трижды новичок выигрывал у фаворита. «Летучий голландец» настолько чувствительно воспринял эти поражения, что через три недели на первенстве мира, выступая на родном катке, превратился в «тень отца Гамлета»: он еле попал в число шестнадцати многоборцев, допущенных к дистанции 10 000 метров, и занял в итоге лишь 10-е место.

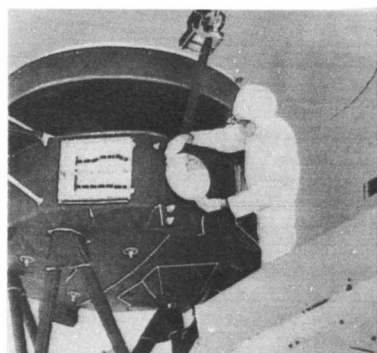
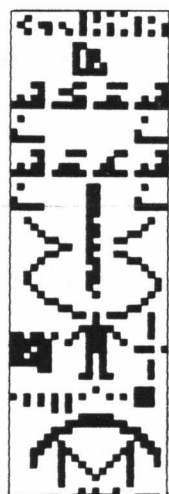
А Гуляева первые победы вдохновили. Он устроил на льду «Тиалфа» фейерверк под крышей: установил два мировых рекорда. Пробежал 1500 метров за 1 минуту 52,7 секунды, набрал в сумме классического многоборья 159,356 очка. Чтобы представить себе цену этих быстрых секунд, вспомним: еще недавно дискутировали — сможет ли человек пробежать пятьсот метров на коньках быстрее 38 секунд? Многие всерьез доказывали, что нельзя: скороход не удержит скорость на повороте. А Гуляев три пятисотки подряд бежит за 37,5 секунды! Вот вам и прогнозы специалистов. Посчитайте и другое: если сумму очков разделить на 34 пятисотметровки, то мы увидим — Гуляев пробежал каждую из них за 40,6 секунды. Значит, 34 раза подряд по 40,6 секунды! С этим временем он мог стать олимпийским чемпионом в спринте в 1952 году!

Видимо, нет необходимости доказывать, что Гуляев — талант исключительный. На его фоне даже сверхработоспособный Олег Божьев, ставший серебряным призером чемпионата мира и тоже превысивший прежний мировой рекорд,— даже Божьев остается в тени...

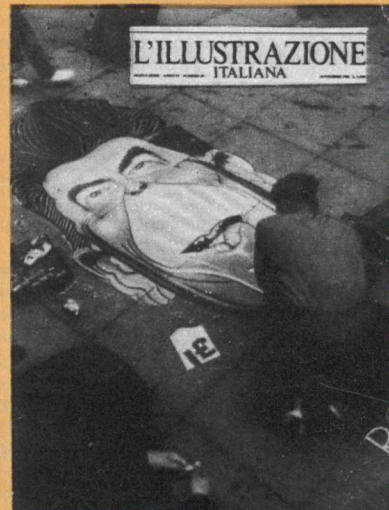
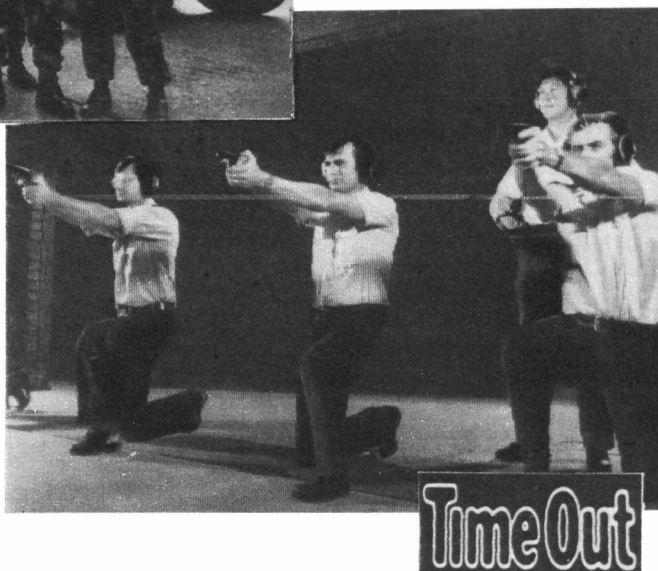
И вот тут-то хочется поделиться с читателями своими наблюдениями, размышлениями — если хотите, сомнениями. Ныне в спорте один лидер в команде не решает судьбы сборной. Нужна «обойма» первоклассных спортсменов, как у танцоров СССР в фигурном катании, как у конькобежек ГДР. Если, не дай бог, срыв у одного, то прикроет, подстрахует другой. Нужна, нужна «обойма»!

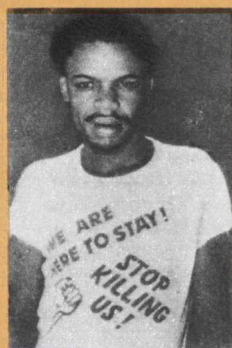
Окончание на последней стр. обложки.

«ВОЯДЖЕРЫ» ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

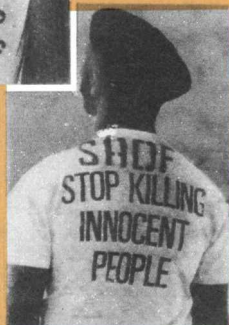
По замыслу американских инженеров космические аппараты «Вояджер-1» и «Вояджер-2» должны были первым делом исследовать планеты Солнечной системы Юпитер, Сатурн, Уран... Сегодня, десять лет спустя после запуска «Вояджеров» с мыса Канаверал, можно говорить об успехах: переданы ценнейшие снимки планет и их спутников, другая информация. Но, оказывается, есть еще одна задача у космических странников — попытаться «выйти на связь» с иными мирами. На первом аппарате установлена пластина с набором символов, дающих полное представление (в случае расшифровки), откуда, с какой планеты, от каких разумных существ послано приглашение к знакомству. Ко второму прикреплен позолоченный диск с аналогичной звуковой информацией, мелодиями землян, включая даже рок-н-роллы Элвиса Пресли.

Есть ли надежда встречи с представителями других цивилизаций? Ученые, готовившие экспедицию, успокаивают: аппараты рассчитаны на пребывание во Вселенной не менее 60 тысяч лет, так что надо набраться терпения...

КРЫЛАТАЯ СМЕРТЬ ПОД ОХРАНОЙ

Для «защиты» от мнимого вторжения английское правительство пригласило из-за океана легионы бравых янки. Вот они позируют перед объективом на фоне батареи крылатых ракет. Тех, что посеяли у англичан неуверенность в завтрашнем дне. Демонстрации, участники которых требуют убрать ракеты с английской территории, не прекращаются. Люди проникают на базы, не помогают ни колючая проволока, ни усиленные армейские посты. Американское командование требует дополнительных мер защиты, теперь уже от демонстрантов-«террористов».

Просьбы не были оставлены без внимания. Создано специальное «атомное подразделение» полицейских сил Великобритании, у которого настоящий военный режим и выучка под стать боевой. Парни умеют стрелять без промаха (момент их тренировки на снимке), они готовы спасать ядерный объект ценой собственной жизни. От... своих же сограждан, которые не желают жить по соседству с крылатой смертью и «Першингами».

ПРЕЗИДЕНТ У ВАШИХ НОГ

Надо постараться нарисовать как можно быстрее, ведь первый же дождь смоет труд нескольких часов. На западноберлинских улицах десятки таких рисовальщиков, готовых за гроши демонстрировать мастерство. Недавно еще их самым популярным персонажем была неувядаемая в своей красоте Мона Лиза. Ныне ее «сменил» американский президент... Если верить некоторым органам печати, он — наиболее часто появляющееся лицо на экранах телевизоров западного мира. Здесь разгадка, почему вдруг у художников проснулось столь странное желание. Смущает одно: уж больно президентское лицо напоминает комический персонаж и начисто выдает отношение к нему безработного мастера...

ЗАПРЕТ — ЕДИНСТВЕННАЯ МЕРА

TIME

Бушующий Юг Африки в борьбе с нечеловеческой системой апартеида применяет новую форму протеста. «Прекратить убийства!», «Наказать убийц невинных людей», «Дайте нам свободу» — подобные надписи украшают одежду чернокожих ребят многих городов ЮАР. «Запрещено ношение вообще всякого рода рубашек, независимо от того, с надписями они или нет!» — в такой категоричной форме послышался окрик из полицейского управления Кейптауна. Запрет не подействовал, наоборот, молодежи в рубахах с надписями стало больше. В Претории специальные подразделения охранки начали отлавливать тех, кто осмелился нарушить аналогичный запрет, и упекать в тюремную камеру...

ПАССАЖИРОВ ДОЛОЙ, ПУШКИ К БОЮ!

Премьер-министр Баварии Франц-Йозеф Штраус, являясь «по совместительству» председателем правления концерна «Дойче аэробус», решил блеснуть новациями в области авиации.

Как известно, упомянутый концерн в кооперации с фирмами других стран Европы собирает модель аэробуса «А-320». Не выдержав конкуренции, в первую очередь со стороны американских авиагигантов, «Дойче аэробус» оказался на грани банкротства. «Спасемся военными заказами!» — прозвучало из кабинетов руководства. И вот уже Штраус предлагает оснастить пассажирский лайнер пушками и пулеметами, перекрасить в маскировочные цвета и использовать для переброски пехоты и танков.

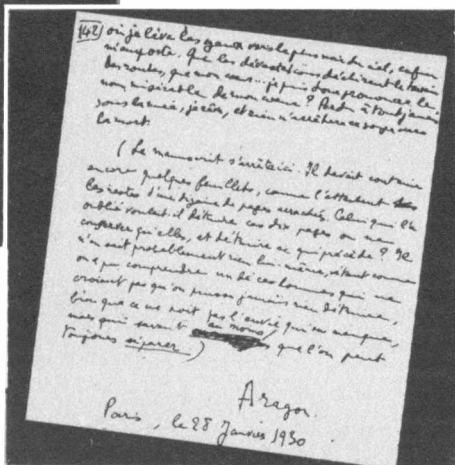
Позируя перед фоторепортерами на фоне гигантского «Боинга» с моделью «А-320» в руках, баварский премьер заявляет: «Нам не надо стыдиться этого и придерживаться каких-либо ограничений».

DER SPIEGEL

Le Monde

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Писатель в 20-е годы.

Страница рукописи Арагона.

Раннее творчество французского писателя-коммуниста Луи Арагона до сих пор изучено еще недостаточно. Холодным ноябрьским вечером 1927 года в мадридском отеле «Пуэрта дель Сол» он сжег свыше полутысячи страниц почти готового романа «Защита бесконечности», написанного в период увлечения дадаизмом и сюрреализмом. Уничтожение романа тогда расценили как символическое самоубийство Арагона-экспериментатора. Однако шесть десятилетий спустя выяснилось: сохранилось около половины рукописи, ее фрагменты и позже дописанные страницы, позволяющие реконструировать погибший оригинал.

Молодой Арагон романом «Защита бесконечности» хотел уничтожить саму форму романа как такового. Этого требовали догматические установки эпатирующих публику литераторов. При этом получился неплохой роман, и сегодня выяснилось, что «убийство» было просто разыграно писателем со ссылкой на порыв любовного отчаяния. Критика говорит о произведении, как об одном из наиболее амбициозных французских романов 30-х годов. Остатки рукописи к публикации представил пять лет спустя после смерти Луи Арагона его личный секретарь Жан Риста.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Леденящий душу кадр запечатлел взрыв атомной бомбы в атмосфере над американской пустыней Невада летом 1955 года. Так проводились испытания оружия сверхразрушительной силы до перенесения их под землю. Бомба сбрасывалась с бомбардировщика Б-36 и на высоте 2000 футов приводилась в действие. Взрывы приравнивались в Пентагоне к зрелищу, к наблюдениям приглашались без всякой защитной одежды военные из стран НАТО, корреспонденты с фото- и кинокамерами. Вряд ли кто из наблюдателей на снимке до сегодняшнего дня остался в живых. Но разве хотелось восторженным генералам, получившим в руки Бомбу, думать о чьей-то жизни! Впрочем, и нынешние «взрывники» в Неваде, похоже, переняли прежнее мышление...

The SPHERE

МОЙ ДРУГ — КОМПЬЮТЕР

«Страна переживает настоящий компьютерный бум»,— пишут газеты и журналы ПНР. Это действительно так, тому доказательство — целых три журнала, посвященные персональным ЭВМ. «Байтек» самый среди них молодой, выходит он как приложение к газете «Штандар млодых». Рассчитан журнал на начинающих и тех, кто поднаторел в общении с машиной. Не правда ли, есть над чем поразмыслить? Ведь популярными изданиями по микрокомпьютерам наши молодые ребята не избалованы. К тому же мировой опыт показывает, что при выборе между улицей и компьютером, как правило, выбирают второе.

КТО есть КТО

ЙОКО, «ДИТЯ ОКЕАНА»

ЙОКО ОНО родилась в Токио в 1933 году. С начала 50-х годов живет в США. Художница, музыкант, эссеист. Вдова английского композитора Джона Леннона, убитого в Нью-Йорке в 1980 году. Снималась во многих фильмах. Наиболее известные пластинки, в записи которых она принимала участие,— «Однажды в Нью-Йорке» (1972), «Стены и мосты» (1974), «Двойная фантазия» (1980), «Молоко и мед» (1984). Самостоятельный диск «Звездный мир» вышел в 1985 году. Впервые приезжала в СССР на форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». В переводе с японского Йоко означает «дитя океана».

— Интервью с вами, Йоко, появляются в печати довольно часто. Какие из них понравились за последнее время и почему?

— Хочу выделить обстоятельный рассказ в журнале «Роллинг стоун». Кстати, редактор этого журнала Ян Виннер приезжал в Москву в феврале, его интересовало в том числе и состояние рок-музыки в СССР. Я за непредвзятость бесед — этому научил меня Джон Леннон и не очень бы хотелось отделять себя от него. Как правило, мы вдвоем беседовали с журналистами... Интересный разговор состоялся с репортером Би-би-си Энди Паббсом 7 декабря 1980 года, ровно за день до гибели моего мужа. Интервью издано отдельной книгой.

— Помимо участия в форуме деятелей культуры, были иные причины визита в Ленинград и Москву?

— Своими глазами увидеть загадочную для Запада — так уж получается — страну на Востоке. Разве можно жить и знать СССР по публикациям, в которых невооруженным глазом видна неправда? Минувшим летом я гастролировала по европейским странам с программой «Звездный мир». Выступая в Польше и Венгрии, где-то сожалела, что в плане поездки отсутствует Москва. Приехать сюда мечтали в свое время «Битлз», в их песне «Снова в СССР», помимо юмора, есть доля истины.

— Расскажите в нескольких словах о сегодняшнем: кто ваши друзья, как школьные успехи у Шёна, вашего сына, есть ли конкретные планы на ближайшее время?

— Вместе с сыном живем в прежней квартире дома «Дакота» недалеко от Сентрал-парка. Шён подрос, возмужал, пробует петь и играть на инструментах, его любимый музыкальный стиль — «рэп», ритмичная, несложная музыка для подростков. Друзей у нас мало, этому есть свои причины. Никогда не смирюсь со смертью Джона, ведь он так любил жизнь! Из окон квартиры виден сквер «Земляничные поляны», посаженный в его память и деревья для которого присланы из многих государств. Есть в сквере березка из Москвы... Пробую писать, правда, литературными успехами хвастаться рано... Конкретные планы — летом с сыном приехать сюда уже не на три дня и не в один-два города. Хочется проехать по Сибири, у меня о ней особое представление. Только честно, действительно ли я могу рассчитывать на интерес к моим выступлениям, вдруг они состоятся?

— Вне всякого сомнения. Ждем вас, Йоко!

Валентину Григорьевичу Распутину, прекрасному русскому прозаику, исполняется пятьдесят лет. Мы любим книги В. Распутина, восхищаемся его принципиальной гражданской позицией в борьбе за спасение жемчужины нашей природы озера Байкал, памятников отечественной истории и культуры.

«Огонек» с удовольствием печатает произведения Распутина, выступления писателя всегда вызывают живой и искренний интерес.

В одном из ближайших номеров журнала будет опубликован очерк, который В. Распутин обещал передать «Огоньку».

СКОРО В •ОГОНЬКЕ•

ФОРМУЛА УСПЕХА

В Линарес, расположенный на юге Испании, весна обычно приходит рано. Вот и теперь там стоят теплые, погожие дни. Правда, не повсеместно. Как передают корреспонденты, в зале, где играется «суперфинальный» матч претендентов на первенство мира, стрелка барометра настойчиво клонит к буре. И «погоду» там делает Анатолий Карпов, который вопреки предсказаниям шахматных оракулов принял на себя роль возмутителя спокойствия, отведенную изначально его партнеру Андрею Соколову.

Существует десятилетиями сложившаяся в состязаниях высокого ранга классическая формула успеха: играя белыми, стремиться к инициативе, черными — довольствоваться уравнением. Все знают и понимают значение этой формулы, но только немногим удается ей следовать. В «суперфинале», к примеру, пока лишь А. Карпов сумел действовать по классической схеме. В четных партиях, играя белыми, он в облюбованной А. Соколовым новоиндийской защите неизменно овладевает инициативой, черными (за исключением, пожалуй, первого поединка), избирая защиту Каро-Канн, без труда решает дебютные проблемы. Андрею Соколову в этом плане похвастаться, увы, нечем. Радость от преимущества первого хода он испытал лишь однажды, а в остальных партиях, независимо от цвета фигур, либо ограничивался робкими стремлениями уйти от магистральных конфронтаций, либо вынужден был нести безрадостную ношу обороны.

Особенно удивительными и разочаровывающими оказались третий и пятый поединки, где, играя белыми, А. Соколов, шахматист, славящийся своей предприимчивостью, энергией, наступательным духом, даже не делал попыток овладеть инициативой, а безропотно менял фигуры, мирясь с быстрыми и бесцветными ничьими. Что это — желание перенести акцент борьбы на финиш матча в надежде использовать превосходство в физических кондициях? Или растерянность вследствие чувствительных стартовых неудач?

Так или иначе, но творческий тонус матча стал резко падать, и требовался какой-то новый импульс для обострения сюжета борьбы. К счастью, ждать перелома пришлось недолго. И уже шестой поединок стал кульминацией двухнедельных баталий. В нем все было увлекательно и драматично: и принципиальный теоретический диспут, когда партнеры, повторив 18 ходов (!) второй партии, с азартом полемистов отстаивали свои творческие концепции в сложном миттельшпиле; и мужественное решение А. Карпова пуститься в бурные тактические осложнения; и взрыв комбинационной фантазии А. Соколова, словно задетого за живое отказом соперника от мирных переговоров и нашедшего удивительный путь к атаке; и самообладание экс-чемпиона, не растерявшегося при неожиданном обороте событий и сдержавшего, казалось бы, неодолимый натиск; и непредсказуемость хода доигрывания, когда завершение партии ожидалось несколько раз, но так и не наступило; и, наконец, напряженность и продолжительность поединка, для которого не хватило одиннадцати часов и почти ста ходов и который еще будет продолжен!

Экспертам предстоит немалый труд для точных суждений об этом необыкновенном шахматном сражении, но уже сейчас можно сделать вывод, что оба соперника в нем проявили широту творческого диапазона, глубину и масштабность замыслов, настойчивость и упорство в достижении цели и бескомпромиссность характеров. Не портит впечатления от этого эпического шахматного полотна даже несколько незакономерный финал, когда буквально вымотанный необходимостью решать бесчисленное количество все новых и разнообразных задач А. Соколов допустил в конце подряд несколько ошибок и вместо заслуженной ничьей оказался на грани проигрыша.

Шахматы — это борьба, где никто не застрахован, а «силовое поле», с поразительной целеустремленностью возведенное А. Карповым, было поистине трудноодолимым.

Итак, вторая неделя борьбы завершилась на подъеме. Думается, с учетом отложенной шестой партии экс-чемпион мира упрочил свои позиции и матчевая ситуация для Соколова резко осложнится. Но обретенный творческий тонус соперников сулит еще увлекательные перипетии сражения — не случайно ведь А. Соколова называют «рыцарем последнего шанса».

Марк **ТАЙМАНОВ**,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский композитор и ученый-химик. 5. Крепежный винт. 6. Автор стихотворной сказки «Конек-Горбунок». 8. Птица семейства соколиных. 12. Жаростойкий сплав. 13. Река в Конго. 15. Советский поэт, автор популярных песен. 16. Русский летчик, основоположник высшего пилотажа. 17. Вершина Урала. 19. Действующее лицо драмы К. А. Тренева «Любовь Яровая». 21. Летчик-космонавт Чехословакии. 22. Дикий баран, обитающий на островах Средиземного моря. 24. Деталь часов, измерительных приборов. 27. Город в Семипалатинской области. 28. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 29. Химический элемент.

По вертикали: 1. Общевойсковое соединение. 2. Картина Б. М. Кустодиева. 3. Повесть Н. В. Гоголя. 5. Слесарный инструмент. 7. Промысловая морская рыба. 8. Вечнозеленое цитрусовое дерево. 9. Фотографический объектив. 10. Живописец, театральный художник, лауреат Ленинской премии. 11. Советский офтальмолог и хирург, Герой Социалистического Труда. 13. Старинный военный головной убор. 14. Стихотворение А. С. Пушкина. 18. Ягодный кустарник. 20. Лабораторный сосуд. 23. Керамические изделия. 25. Наука о природе. 26. Ручной инструмент для выпиливания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 5. Фата. 8. Руль. 9. Парфюмерия. 10. Лира. 11. Куинджи. 12. Ренклод. 13. Бекас. 15. Танана. 17. Спица. 19. Чибурданидзе. 22. Рубка. 23. Алушта. 26. Нерпа. 27. Тангенс. 29. Фамилия. 31. Торт. 32. Ахмадулина. 33. Овен. 34. Драп.

По вертикали: 1. Варакушка. 2. Чаплин. 3. Брянск. 4. Аллегория. 6. Афалина. 7. Меларен. 13. Бисер. 14. Сюита. 15. Труба. 16. Афиша. 17. Сазан. 18. «Анюта». 20. Образцова. 21. Архипелаг. 24. Листрат. 25. Тефтели. 28. Герань. 30. «Илиада».

Владислав ЧИСТЯКОВ

Мы заранее знали об этой встрече и все-таки поначалу оробели. Представьте: приземистый, утопающий в снегу домик, и на крыльце его лось. Рядом гуляет коза, а поодаль играют две собаки. Ну, прямо живая иллюстрация к сказке «Теремок». Правда, в сказочном теремке были другие звери, но если говорить о том, где дружнее компания, то сравнение будет в пользу той, которая живет у егеря Чернамского государственного лесоохотничьего хозяйства в Коми АССР Леонида Дмитриевича Каракулова.

...Первой, грациозно выбрасывая длинные ноги, бежит к машине лосиха. Внимательно рассматривает пассажиров. В ее больших темных глазах никакого испуга — одно любопытство. И — как потом выяснилось — ожидание угощения.

— Не бойтесь, знакомьтесь с Машей,— улыбается в усы подошедший Леонид Дмитриевич. За руку он держит пятилетнюю внучку Женю. Это действует убедительнее слов, и мы выходим из машины. Знакомство закрепляет пирожок, прихваченный в дорогу водителем.

Маленького лосенка привезли весной на лодке знакомые егеря. Объяснили: недалеко от деревни, на другом берегу Вычегды, собаки отбили

Ь

ВОЧКЕ

Фото
Сергея СУХОРУКОВА

его от матери-лосихи. Лосенок был совсем беспомощным, и Леонид Дмитриевич сначала поил его коровьим молоком из бутылки с соской. Потом стал прикармливать кашей. Маша быстро освоилась в усадьбе, познакомилась с козой, гончими собаками Гаем и Песней. И никаких сложностей в их отношениях не возникало. То ли характер у нее такой — «бесконфликтный», то ли гостеприимны и уступчивы хозяева. Но скорее всего причина в том, что главный авторитет для лосихи — Леонид Дмитриевич. За ним Маша ходит, как на веревочке.

— Со стороны посмотрят — не поверят,— смеется егерь.— Как-то ушел я один километра за три. Остановился передохнуть, оглянулся назад, вижу — Маша торопится по следу...

Ночует лосиха в полиэтиленовом шалашике. А если мороз несильный, то и прямо под окном домика, на снегу.

— Уйдет она от вас?— спрашиваем Леонида Дмитриевича.— Не пропадет в лесу?

— А она уже и сейчас далеко убегает, встает утром — и к Вычегде. Я уж потом по следам вижу, где она ходила. А недавно обнаружил километрах в двух следы лося. Может статься, уведет нашу Машу. Конечно, привыкли мы к ней, она привыкла, но все же — зверь...

А может, и впрямь есть невидимая людям «веревочка» между человеком и животным? Наверное, все-таки есть. «Веревочка» доверия, доброты...

Начало на стр. 29.

Ввод в строй крытого катка «Тиалф» в Херенвене существенным образом изменил конькобежный спорт. На равнинном, по прежним меркам «медленном» катке было установлено четыре мировых рекорда, в наступление на прежние достижения шли восемь спортсменов. Смею уверить, что успешные выступления японцев и спринтера из Южной Кореи — это не случайность. В Японии работают два крытых катка. В Калгари в апреле откроется уникальный конькобежный стадион, на котором в сентябре пройдут международные состязания, а в феврале 1988 года — Олимпийские игры. В Берлине за полтора года сделали крышу над динамовской дорожкой с искусственным льдом. А у нас... У нас даже нет проекта! В Советском Союзе есть единственный зал, в котором можно проводить тренировки, моделируя Олимпийские игры, — я говорю о нестандартной 330-метровой дорожке в Ленинграде. Но Дворец спорта чаще используется как концертный зал, и поэтому тренировки срывают. Так, в прошлом году пропал целый месяц у скороходов. Если мы сейчас не спохватимся, то уже через несколько месяцев фактор круглогодичных тренировок на льду под крышей скажется на результатах наших соперников. Если они, как говорится, с хода установили мировые рекорды в «Тиалфе», то можно представить, каких результатов лучшие зарубежные конькобежцы достигнут к Олимпиаде-88, когда начнут регулярно тренироваться в идеальных условиях. Обо всем об этом нельзя не думать, чествуя талантливого самородка Николая Гуляева, подарившего нам в этом году столько прекрасных мгновений. Ради этих мгновений стоит жить, самозабвенно тренироваться.

Радостные глаза Гуляева, эти счастливые глаза чемпиона, на пьедестале, так и стоят передо мной. Да, и, наверное, перед всеми, кто любит быстрые и звонкие коньки.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663